E 85/78
1871

ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ

ВЪ

ИСТОРІИ ПОВАЛЬНАГО ОБЫСКА.

Изслѣдованіе

В. СОКОЛЬСКАГО.

КІЕВЪ.

—

Въ университетской типографіи.

1871.

ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ

E 85/78

ВЪ

ИСТОРІИ ПОВАЛЬНАГО ОБЫСКА.

Изслѣдованіе

В. СОКОЛЬСКАГО.

БИБЛІОТЕКА * М.П.И.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1871.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1871 года.

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

2007050426

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи настоящаго изслѣдованія я не имѣлъ въ виду написать полную исторію повальнаго обыска: подобнаго рода трудъ далеко превзошелъ-бы обыкновенные размѣры академическаго разсужденія.

Моею цѣлью было только опредѣлить значеніе главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи повальнаго обыска и тѣмъ самимъ положить основаніе для дальнѣйшей разработки этого вопроса.

Весь мой трудъ я раздѣлилъ на четыре главные отдѣла: въ 1-мъ я разсматриваю исторію образованія повальнаго обыска, во 2-мъ исторію этого института во времена Царскаго судебника и Уложенія, въ 3-мъ во времена новоуказныхъ статей и въ 4-мъ въ періодъ реформъ и Свода Законовъ.

Главнымъ образомъ я сосредоточилъ мое вниманіе на первыхъ трехъ отдѣлахъ; чтожъ касается до четвертаго, то я ограничился *a*) опредѣленіемъ отношенія повальнаго обыска къ новому ученію о доказательствахъ изложенному въ законахъ Петра Великаго и его преемниковъ, *b*) разборомъ главнѣйшихъ законовъ о повальномъ обыскѣ 18 и начала 19 столѣтія и *c*) изложеніемъ ученія о повальномъ обыскѣ Свода Законовъ. Таковъ планъ моего сочиненія.

Владиміръ Сокольскій.

Кіевъ,
1 мая 1871 г.

ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ПОВАЛЬНАГО ОБЫСКА.

ВВЕДЕНІЕ.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ изслѣдователей по исторіи суда присяжныхъ въ Англіи—Фридрихъ-Августъ Бинеръ упрекаетъ нѣкоторыхъ изъ писателей, занимавшихся разбираемымъ имъ предметомъ (преимущественно Кестлина и Гундермана), въ томъ, что они, принимая за исходную точку неоспоримую истину, что зародыша нынѣ дѣйствующаго права слѣдуетъ искать въ вѣкахъ минувшихъ, плохо понимаютъ эту истину, ибо или усиливаются найти въ глубокой древности институты новѣйшаго времени не только предопредѣленными, но и уже вполнѣ сложившимися, или же стараются доказать, что во всѣхъ современныхъ институтахъ сохранились почти безъ измѣненія древнія начала, и такимъ образомъ оставляютъ безъ вниманія важнѣйшій результатъ исторіи — органическое развитіе права, состоящее въ томъ, что изъ разлагающихся остатковъ старины подъ вліяніемъ внѣшнихъ, привходящихъ обстоятельствъ создаются новыя учрежденія [1]). Въ подобной же ошибкѣ повинны и наши ученые, высказывающіе въ своихъ сочиненіяхъ по древнему русскому уголовному праву и судопроизводству [2]) свое мнѣніе о происхожденіи повальнаго обыска, и утверждаю-

---

[1]) Biener F. A. Des englische Geschworengericht. Theil I. Seite 28.

[2]) Спеціальныхъ сочиненій по исторіи повальнаго обыска въ нашей ученой литературѣ не находится, не смотря на то, что этотъ институтъ играетъ въ исторіи нашего права не менѣе важную роль чѣмъ институтъ присяжныхъ въ исторіи англійскаго права. Отсутствіемъ спеціальныхъ сочиненій объясняется и не вполнѣ вѣрный взглядъ ученыхъ на происхожденіе повальнаго обыска, ибо разъясненіе этого вопроса не

щіе, что повальный обыскъ сложился гораздо прежде того времени, когда о немъ впервые упоминается въ законодательныхъ памятникахъ. Правда, въ до-московскій періодъ мы встрѣчаемся съ учрежденіями болѣе или менѣе сходными съ повальнымъ обыскомъ, съ учрежденіями, которыя можно и должно разсматривать какъ элементы сложенія разбираемаго нами института, но повальнаго обыска, въ томъ видѣ, въ которомъ мы находимъ его въ губныхъ грамотахъ—первыхъ памятникахъ, гдѣ значеніе повальнаго обыска можно считать болѣе или менѣе опредѣлившимся [3]), — въ до-московскій періодъ еще не существовало. Не

составляло конечной цѣли изслѣдователей: они касались его только по связи съ настоящимъ предметомъ ихъ изысканій.

[3]) Судебникъ Іоанна III Васильевича не содержитъ постановленій о повальномъ обыскѣ. Желая доказать противное, обыкновенно ссылаются на статью »о поличномъ« и статью »о татиныхъ рѣчѣхъ«, которыя будто-бы говорятъ о повальномъ обыскѣ. Но вникая глубже въ смыслъ этихъ статей легко замѣтимъ, что первая изъ нихъ говоритъ о присяжномъ показаніи пяти или шести свидѣтелей, удостовѣряющихъ судей въ томъ, что приведенный съ поличнымъ вѣдомый лихой человѣкъ, вторая-же объ обыскѣ дома. Высказанное нами мнѣніе о значеніи этихъ статей относительно статьи »о поличномъ« не требуетъ подтвержденія — въ правильности его легко убѣдится всякій читающій статью, — относительно-же статьи »о татиныхъ рѣчѣхъ« должно быть доказано, что мы и намѣреваемся сдѣлать. Для этого приведемъ сперва разбираемую нами статью: о татиныхъ рѣчѣхъ. А на кого тать взмолвить, ино того опытати: будетъ прирочный человѣкъ съ доводомъ, ино его пытати: а не будетъ на него прирока съ доводомъ въ каковомъ дѣлѣ въ прежнемъ, ино татинымъ рѣчамъ не вѣрити, дати его на поруку до обыску.

Прирокъ съ доводомъ означаетъ обвиненіе съ доказательствомъ. Судьямъ предписывалось изслѣдовать былъ-ли на оговореннаго татемъ въ какомъ-нибудь прежнемъ дѣлѣ прирокъ съ доводомъ, т. е. обвиненіе съ доказательствомъ: если былъ, то въ такомъ случаѣ оговоренный подвергался пыткѣ, если не былъ, то онъ отдавался на поруки »до обыску« ad ulteriorem inquisitionem, какъ переводитъ Герберштейнъ. Обыскъ можетъ здѣсь означать: 1) дальнѣйшее слѣдствіе вообще и 2) обыскъ дома, но никакъ не повальный обыскъ, ибо иначе законодатель опредѣлилъ-бы послѣдствія облихованія или одобренія оговореннаго обыскными людьми, какъ это напр. сдѣлано имъ въ ст. 57 Царскаго Судебника, замѣнившей собою ст. Судебника 1497 года »о татиныхъ рѣчѣхъ«. Далѣе только-что упомянутая 57 статья Царскаго Судебника служитъ также доказательствомъ того, что въ статьѣ »о татиныхъ рѣчѣхъ« не говорится о повальномъ обыскѣ, ибо обѣ статьи имѣютъ въ виду одинъ и тотъ-же случай, именно оговоръ кого-либо пойманнымъ

такъ разсуждаютъ наши изслѣдователи: они не находятъ никакого различія между тѣми учрежденіями, которыя мы только-что назвали элементами сложенія повальнаго обыска и самимъ повальнымъ обыскомъ и въ слѣдствіе этого полагаютъ, что повальный обыскъ существовалъ уже во времена Русской Правды и уставныхъ грамотъ и только нормированъ, а не призванъ къ жизни законодательствомъ московскаго періода нашей исторіи. Такъ Рейцъ не находитъ никакого различія между судебными и слѣдственными дѣйствіями, предпринимаемыми сходкою древней общины—верви и повальнымъ обыскомъ, порядокъ производства котораго изложенъ въ губной грамотѣ, данной царемъ Иваномъ Васил-

---

преступникомъ и опредѣляютъ порядокъ судопроизводства относительно этого случая: очевидно, что еслибы порядокъ этотъ оставался во времена изданія Царскаго Судебника тотъ-же, что и во времена Судебника 1497 года, то составитель Царскаго Судебника, при господствовавшемъ въ древнее время правилѣ, измѣнять выраженія закона, только въ томъ случаѣ, если смыслъ его измѣнился, не видоизмѣнилъ-бы такъ статью »о татиныхъ рѣчѣхъ« Судебника 1497 года, но внесъ-бы ее дословно въ составляемый имъ Судебникъ.

А между тѣмъ наша статья читается въ Царскомъ Судбеникѣ слѣдующимъ образомъ:

А на кого тать взмолвитъ и про того обыскати; и будетъ по обыску въ каковѣ въ прежнемъ дѣлѣ прирочный человѣкъ съ доводомъ, ино его пытати, и скажетъ на собя самъ, ино его казнити татиною казнію; а не будетъ на него доводу,, и въ обыску про него лиха не скажутъ, ино татинымъ рѣчемъ не вѣрити, дати его на поруку.

Зачѣмъ было-бы такъ измѣнять выраженія закона, еслибъ слово »опытати« означало то же, что »обыскати«, или слова прирокъ и обыскъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употреблены въ статьѣ »о татиныхъ рѣчѣхъ« были синонимами того обыска, о которомъ говоритъ статья 57 Царскаго Судебника.

И такъ въ ст. »о татиныхъ рѣчѣхъ« не говорится о повальномъ обыскѣ. Что касается того вопроса, означаетъ-ли здѣсь слово обыскъ дальнѣйшее слѣдствіе вообще или же обыскъ дома, то при разрѣшеніи его, необходимо принять во вниманіе слѣдующее: 1) въ древней Россіи слово обыскать употреблялось какъ синонимъ слова изслѣдовать (напр. въ 1490 году Новгородскій архіепископъ Геннадій пишетъ митрополиту Зосимѣ: Толко же ты, господинъ отецъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обыщеши, да ихъ не велишь казнити да проклятью предати etc. [Ак. Э. I. № 380], гдѣ слово обыщеши очевидно означаетъ слѣдствіе вообще), а потому выраженіе отдать на поруку до обыску весьма правильно передается выраженіемъ отдать на поруки до дальнѣйшаго изслѣдованія, на что указываетъ и переводъ Герберштейна—dimittatur ad ulteriorem inquisitionem; 2) что это дальнѣйшее изслѣдо-

евичемъ Бѣлоёзерцамъ въ 1571 году [4]), а Бѣляевъ думаетъ, что Иванъ IV, желая оградить Земщину отъ насилій приказныхъ людей, возстановилъ порядки древней верви [5]). Болѣе осторожно высказываются Богдановскій и Чебышевъ-Дмитріевъ: по ихъ мнѣнію судъ общины, съ незапамятныхъ временъ приводившій въ ясность всякое преступленіе, *обращается* въ московскій періодъ въ повальный обыскъ, которымъ и рѣшается, кто и какъ совершилъ преступленіе. Значитъ этими писателями дѣлается извѣстное различіе между судомъ общины древнѣйшаго времени и повальнымъ обыскомъ московскаго періода, но это различіе въ послѣдующемъ изложеніи проводится не совсѣмъ вѣрно [6]).

ваніе состояло въ древней Россіи въ обыскѣ жилища оговореннаго. На это указываетъ Псковская ссудная грамота, постановляя: А татю вѣры не нять, а на кого возклеплетъ, ино домъ его обыскать, а знайдутъ въ дому его, а онъ тотъ же тать; а не найдутъ въ дому его, а онъ свободенъ.

Замѣтимъ еще, для избѣжанія всякаго рода недоразумѣній, что утверждая, что губныя грамоты, первые памятники, въ которыхъ говорится опредѣленно о повальномъ обыскѣ, мы постоянно имѣли въ виду только повальный обыскъ въ дѣлахъ уголовныхъ: повальный обыскъ въ дѣлахъ, разбиравшихся формою суда, явился гораздо прежде, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

[4]) Ср. статью Рейца: Vom Beweise namentlich aus Anzeigen nach russischem Recht. Erster Artikel, въ Dorpater Jahrbuecher fuer Litteratur, Statistik und Kunst. Band. IV Seite 196 Anm. 9. Вотъ подлинныя слова Рейца, которыя мы нарочно выписываемъ, такъ какъ изданіе, гдѣ помѣщена вышеупомянутая статья, весьма рѣдко: Вырвъ (Werf), Warf, Warph, Warive (Gruppen orig. Hanov. p. 228) die Volksversammlung, im Asegabuch; Adam Bremens.: »adeo ut concilio populorum communi, quod ab ipsis (sveonibus) Warph, a nobis Think vocatur«. Die Worte drücken wohl deutlich genug aus, dass вырвъ, das scandinavische Warph« oder deutsche »Ding« oder Volksgemeindebezirk und die in demselben zusammenkommende Volksversammlung. Als solche war sie berechtigt, über die allgemeine Wohl der Gemeinde zu wachen, Frevel anzugeben, den Schuldigen vor den fürstlichen Beamten zu stellen, Verdachtsgründe auszuführen und das Urtheil zu finden. So heisst es in einer Urkunde von 1571: dass die Aeltesten (староста, Aldermann) Licharew und Jakow Gnewaschew, mit den Geschworenen und Schreibern in Belosero und in dessen Districten, sich an einem bestimmten Orte versammeln, und daselbst, nachdem Alles Volk, von den Fürsten und Adeligen herab bis zu den Bauern sich versammelt haben, sich von denselben sollten berichten lassen über Frevel, Räuber und Diebe und deren Hehler u. s. w. (Русскія достопамятности, Th. I. s. 151 f.).

[5]) Мнѣніе Бѣляева изложено въ его сочиненіи »о круговой поруки на Руси«, отпечатанномъ въ Русской Бесѣдѣ за 1860 годъ.

[6]) Такъ Богдановскій (ср. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго стр. 109) говоритъ: »Разрѣшеніе вопроса—совершено-ли явное преступленіе и вѣдомымъ-ли

Эта главная ошибка влечетъ за собой другую не менѣе важную: изслѣдователи, не различая повальнаго обыска отъ учрежденій, давшихъ ему начало, часто приписываютъ древнимъ учрежденіямъ верви черты присущія только губному институту и повальному обыску и на оборотъ и такимъ образомъ въ извѣстной степени затемняютъ пониманіе процесса образованія повальнаго обыска.

Еще одна ошибка, въ которую впадаютъ нѣкоторые изслѣдова-

лихимъ человѣкомъ, предоставляется той общинѣ среди которой совершалось преступленіе или той, къ которой принадлежали преступники. Этотъ судъ общины, съ незапамятныхъ временъ приводившій въ ясность всякое преступленіе (ибо прежде судъ вступался только для взиманія пошлинъ, и какъ-бы кстати только для рѣшенія) теперь обращается въ повальный обыскъ, которымъ и рѣшается кто и какъ совершилъ преступленіе« и (прим. 1 на той-же страницѣ того-же сочиненія) »Мы не колеблясь рѣшаемся назвать повальный обыскъ остаткомъ той судной власти, какая искони, изъ глубокой древности принадлежала отдѣльнымъ общинамъ надъ преступленіями, совершенными въ нихъ, и преступниками изъ среды своихъ членовъ. Такой выводъ подтверждается между прочимъ и тѣмъ, часто встрѣчающимся въ памятникахъ фактомъ, что когда совершится какое-либо преступленіе, то община можетъ выдать преступника если признаетъ его недостойнымъ своего заступничества или опаснымъ для себя и своего спокойствія: если-же напротивъ она пожелаетъ оставить его среди себя, то уплачиваетъ только князю законный штрафъ. Такъ въ Русской Правдѣ убійцу въ разбоѣ, зажигальника и коневаго татя вервь можетъ выдать князю на потокъ и разграбленіе, если-жъ этого не захочетъ сдѣлать, то платитъ виру и продажу. Въ Двинской грамотѣ 1398 г. тоже: оже учинится вира, гдѣ кого утенутъ и нѣ душегубца изыщутъ, а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ 10 рублей. Князь намѣстникъ или волостель и не думаютъ о судѣ надъ преступленіемъ, которое община беретъ на свою, такъ сказать, душу и на свой судъ.

Чебышевъ-Дмитріевъ (ср. стр. 49 его сочиненія о преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву) соглашается съ мнѣніемъ Богдановскаго и прибавляетъ отъ себя: Голосъ общины былъ до того силенъ, даже въ послѣдующее время, при сильномъ развитіи государственной власти, что народное мнѣніе о свойствахъ обвиняемаго являлось важнѣйшимъ условіемъ преступнаго дѣянія. Впрочемъ болѣе правильный взглядъ на образованіе повальнаго обыска и отношеніе этого института къ учрежденію верви проглядываетъ у Чебышева-Дмитріева на стр. 128 слѣд. его сочиненія, но то различіе, которое онъ проводитъ между учрежденіемъ верви и судомъ верви съ одной стороны и губнымъ институтомъ и повальнымъ обыскомъ съ другой стороны не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо характеръ верви *временъ Правды* не совсѣмъ вѣрно схваченъ.

тели [7]) — это смѣшеніе повальнаго обыска въ дѣлахъ судныхъ съ повальнымъ обыскомъ въ дѣлахъ розыскныхъ. Между тѣмъ, какъ въ началѣ московскаго періода это были два, хотя и сходныя по формѣ но независимо одно отъ другаго возникшія учрежденія, изъ которыхъ каждое выражало своеобразную идею. Только съ теченіемъ времени различіе между повальнымъ обыскомъ розыска и повальнымъ обыскомъ суда болѣе или менѣе сгладилось.

Указывая на ошибки вышеупомянутыхъ ученыхъ (между которыми есть нѣсколько именъ корифеевъ нашей науки), мы далеки отъ отрицанія заслугъ ихъ почтенныхъ изслѣдованій, заслугъ, состоящихъ въ раскрытіи многихъ, неизвѣстныхъ дотолѣ сторонъ нашего древняго юридическаго быта и въ подготовленіи важнаго матеріала для разработки исторіи русскаго законодательства; мы упомянули объ этихъ ошибкахъ только для того, чтобъ уяснить себѣ настоящее положеніе разбираемаго нами вопроса въ наукѣ, и чтобъ предостеречь себя, по мѣрѣ возможности отъ подобнаго рода недоразумѣній.

Теперь мы должны задать себѣ вопросъ: что слѣдуетъ прежде всего предпринять для уясненія происхожденія повальнаго обыска въ дѣлахъ розыскныхъ?

Очевидно, что, согласно только-что высказаннымъ нами воззрѣніямъ, необходимо:

1) Разсмотрѣть тѣ учрежденія, которыя подготовили почву для возникновенія повальнаго обыска въ дѣлахъ розыскныхъ.

2) Прослѣдить исторію развитія повальнаго обыска въ дѣлахъ судебныхъ [8]), и

3) Опредѣливъ характеръ преслѣдованія преступленій до изданія губныхъ грамотъ, указавъ на его недостатки и необходимость преобразованій, охарактеризовать самый процессъ образованія повальнаго обыска въ дѣлахъ розыскныхъ.

Съ полнымъ сознаніемъ трудности нашей задачи, мы приступаемъ къ разъясненію вышеупом. вопросовъ—въ главѣ первой нашего изслѣдованія.

---

[7]) Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 263 и Пахмалъ. О судебныхъ доказательствахъ, стр. 198 и 199.

[8]) Это важно 1) потому что необходимо указать на различіе той

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Учрежденія, давшія начало повальному обыску, причины и процессъ образованія этого института.

§ 1. Древняя община и обязанности, на ней лежавшія относительно преслѣдованія преступныхъ дѣйствій.

Большая часть писателей по древнему русскому судопроизводству принимаютъ за исходную точку своихъ изслѣдованій полноправность общинъ, которыя, по ихъ мнѣнію, въ принципѣ почти не зависѣли отъ княжеской власти, сами внутри себя производили судъ и расправу, преслѣдовали и выдавали князю только тѣхъ изъ преступниковъ, которыхъ желали, и не признавали за княземъ права, требовать выдачи преступниковъ. Все это основано на томъ предположеніи, что для внутренней жизни общинъ фактъ возникновенія княжеской власти не имѣетъ на первыхъ порахъ никакого значенія, что община послѣ пришествія князей долго оставалась тѣмъ-же, чѣмъ она была въ до-княжеское время. Здѣсь проявляется не совсѣмъ вѣрный взглядъ на исторію, оставляется безъ вниманія то, что всякій внесенный въ жизнь народную новый элементъ, тотчасъ-же хотя можетъ быть и слабо заявляетъ о своемъ существованіи и производитъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія во всемъ бытѣ. Такъ дѣйствительно было и у насъ на Руси.

идеи, представителемъ которой является повальный обыскъ суда, и той, которая осуществлялась посредствомъ повальнаго обыска слѣдственнаго порядка судопроизводства; 2) потому что обыскъ дѣлъ розыскныхъ заимствовалъ многое относительно внѣшностей, то-есть извѣстнаго рода формальностей и порядка производства отъ обыска дѣлъ судебныхъ и на оборотъ.

Въ до-историческое время формою общежитія большей части племенъ [9]), населявшихъ теперешнюю Россію, является община, и община преимущественно родовая [10]). Эта община большею частью была *совершенно самостоятельна*, ибо въ до-варяжское время мы встрѣчаемся только съ весьма слабыми зачатками верховной центральной власти, состоявшими или въ вѣчахъ, на которыя сходились всѣ или нѣсколько общинъ извѣстнаго племени, или же въ общемъ для цѣлаго племени князѣ, власть котораго является весьма неопредѣленною и повидимому не простиравшеюся далѣе предсѣдательства на общихъ племенныхъ вѣчахъ и предводительства на войнѣ. Вдругъ частью путемъ добровольнаго подчиненія, частью же путемъ завоеванія возникаетъ центральная княжеская власть съ совершенно инымъ характеромъ, власть главное назначеніе и цѣль которой состоитъ по словамъ самаго лѣтописца въ водвореніи порядка въ землѣ Русской. Эта власть должна была ограничить самостоятельность общинъ и дѣйствительно весь до-московскій періодъ представляетъ намъ картину ограниченія общинныхъ правъ и это ограниченіе начинается не съ нашествіемъ монголовъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, а почти съ самаго начала возникновенія княжеской власти: оно въ первый разъ отражается не на постановленіяхъ уставныхъ грамотъ но на постановленіяхъ Русской Правды. Прежде всего начались ограниченія права суда и расправы общинъ: различные списки Русской правды вѣрно обрисовываютъ это постепенное ограниченіе этой стороны общинной власти,—чѣмъ древнѣе списокъ, тѣмъ

---

[9]) Я говорю большей части племенъ и т. д., потому что общей формы общежитія для всѣхъ племенъ славянскихъ не существовало, да и не могло существовать, ибо не всѣ изъ этихъ племенъ находились на одинаковой степени развитія, а поэтому одни жили родами, другія общинами, а у третьихъ замѣтны даже зачатки сложенія центральной власти. Право, споривше о формѣ общежитія древнихъ Славянъ, не обратили должнаго вниманія на все начало Несторовой лѣтописи, въ особенности на знаменательныя слова: Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ.

[10]) На то, что община у насъ на Руси была преимущественно родовая или семейная т. е. община возникшая въ слѣдствіе размноженія рода и ассимиляціи имъ чуждыхъ элементовъ—указываетъ какъ аналогія другихъ славянскихъ правъ, гдѣ мы преимущественно встрѣчаемся съ общиною родовою, такъ и присутствіе многихъ родовыхъ началъ въ нашемъ бытѣ во все продолженіе нашей древней исторіи. О характерѣ и происхожденіи этой общины смотри ниже прим. 15.

уже кругъ вѣдомства князя —значитъ тѣмъ обширнѣе вѣдомство общины и на оборотъ. Прежде всего княжеская власть замѣняетъ самоуправство —месть— денежными пенями, за тѣмъ выдѣляетъ изъ общаго ряда правонарушеній извѣстныя дѣйствія, которыя она считаетъ особенно опасными и которыя поэтому не могутъ быть окупаемы денежными пенями, но должны всегда имѣть своимъ послѣдствіемъ публичное, наказаніе, которое мы и находимъ въ правдѣ подъ видомъ неопредѣленнаго понятія *потока* и *разграбленія*.

Но центральная власть была еще слишкомъ слаба, чтобъ самой изслѣдовать преступленіе и отыскивать преступника, она еще не выработала для себя того сложнаго правительственнаго организма, который извѣстенъ намъ подъ именемъ полиціи, а потому она должна была обратиться за содѣйствіемъ къ общинамъ и требовать отъ нихъ выдачи тѣхъ преступниковъ, которыхъ она считала особенно опасными. Это отысканіе и выдача преступниковъ налагается на общины въ видѣ обязанности, и въ постановленіяхъ правды мы не встрѣчаемся ни съ малѣйшимъ намекомъ на то чтобъ общинѣ было предоставлено право выдавать или не выдавать по своему усмотрѣнію преступниковъ [11]). Но такъ какъ de facto община привыкшая къ самоуправле-

---

[11]) Противнаго мнѣнія придерживается Чебышевъ-Дмитріевъ и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: »О томъ какъ сильно было у общинъ право суда, какъ это право не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію и спору и могло быть отнято у общины только на основаніи силы, а не права, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, разсказывая подъ 1071 годомъ о судѣ Яна надъ Бѣлозерскими волхвами: Янъ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: аще не имете волхву сего, не иду отъ васъ и за лѣто: Бѣлозерци же шедше яша я и приведоша къ Яневи. Изъ этого разсказа видно, что даже въ случаѣ важнѣйшихъ общественныхъ преступленій судъ княжаго мужа стоялъ рядомъ съ судомъ общества. Если-бы Бѣлозерцы не согласились выдать волхвовъ, то Янъ не могъ-бы судить ихъ. Выдавать же волхвовъ Бѣлозерцы не имѣли обязанности и не во имя ея Янъ требуетъ выдачи волхвовъ: онъ не упоминаетъ ни слова о правѣ князя казнить преступниковъ, и только угрожаетъ имъ: не иду отъ васъ и за лѣто.

Но только что приведенное доказательство не выдерживаетъ критики,

a. потому, что относится къ волхованію, за которымъ во времена посѣщенія Бѣлозерцевъ Яномъ только начиналъ признаваться характеръ преступнаго дѣянія и которое въ слѣдствіе относительной рѣдкости проявленія представлялось всякій разъ въ глазахъ центральной

нію часто не выдавала преступника и скрывала его, ссылаясь на то, что его нельзя найти, то чтобъ обезпечить себя отъ подобнаго рода обмана, княжеская власть опредѣлила, что въ томъ случаѣ, если преступленіе совершено на общинной землѣ, а преступникъ не отыскапъ, то должная пеня взыскивается съ общины, на землѣ которой найдены вещественные признаки преступленія. Если же преступникъ былъ налицо, то въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе влекло за собой потокъ и разграбленіе, община *должна была* его выдать, а не могла, произвольно уплативши денежную пеню, отказать князю въ выдачѣ преступниковъ.

Только въ одномъ извѣстномъ случаѣ, именно при убійствѣ въ свадѣ, т. е. ссорѣ, и то только въ пиру, явлено допускалось не выдавать преступника, но заплатить за убитую голову сообща денежную пеню, такъ какъ будто-бы преступникъ не былъ извѣстенъ.

Разсмотримъ ближе относящіяся сюда постановленія Правды. Отыскивать и выдавать преступниковъ общины обязаны были:

a. Въ случаѣ смертоубійства въ разбоѣ, подъ которымъ подразумѣвалось всякое смертоубійство, совершенное не въ ссорѣ и не

власти явленіемъ единичнымъ, не требовавшимъ постоянныхъ и повсемѣстныхъ мѣръ преслѣдованія, а потому верховная власть могла считать излишнимъ (или лучше сказать ей даже не приходило въ голову) издать законъ, въ силу котораго общины обязывались бы выдавать волхвовъ и слѣдственно въ случаѣ укрывательства платили бы денежную пеню. Каждый разъ при появленіи волхвовъ центральная власть принимала экстраординарныя мѣры преслѣдованія: но и здѣсь она преимущественно обращалась къ содѣйствію общинъ и старалась разными средствами (такъ въ разсказѣ о Янѣ посредствомъ извѣстнаго рода экзекуціи »не иду отъ васъ и за лѣто«) принудить общины къ выдачѣ преступниковъ.

Далѣе *b*, потому что еслибъ требованіе Яна сопровождаемое угрозою »не иду отъ васъ и за лѣто« было актомъ насилія нарушающимъ пошлину, то вызвало-бы сильную реакцію со стороны Бѣлозерцевъ, тѣмъ болѣе, что сіи послѣдніе могли надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ Яномъ, такъ какъ изъ разсказа лѣтописца видно, что съ Яномъ было весьма мало отроковъ; онъ не могъ самъ справиться съ волхвами и ихъ людьми, и потому и обратился къ содѣйствію Бѣлозерцевъ. Но Бѣлозерцы не только не сопротивляются Яну, но даже не протестуютъ противъ его заявленія, они безмолвно исполняютъ его требованіе: Бѣлозерцы же шедше, яша я и приведоша къ Яневи. Такимъ образомъ изъ только-что приведеннаго мѣста лѣтописи можно вывести противное тому, что утверждаетъ Чебышевъ-Дмитріевъ.

явно, но тайно изъ-за угла, на подобіе разбойниковъ. Относительно этого преступленія правда налагаетъ на общину обязанность отыскать преступника, угрожая въ противномъ случаѣ платежемъ дикой виры т. е. 80 гривенною пенею. Эта пеня равномѣрно падаетъ на всѣхъ членовъ общины, изъ нея не изъемлется никто, а потому она и называется въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды людскою вирою. Платежъ этой виры разсрочивался общинѣ на неопредѣленное число лѣтъ. »А же кто оубиетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищють: то виревную платити въ ней же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ пакыль людинъ то 40 гривенъ. Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити«.

Кромѣ этого обязательнаго для всѣхъ членовъ общины установленнаго закономъ и обычаемъ платежа дикой виры, мы встрѣчаемся въ русской Правдѣ съ платежемъ дикой или людской виры, являющимся какъ слѣдствіе своеобразнаго договора, а именно: если преступленіе смертоубійства совершено было въ пиру въ свадѣ, явлено, то виновный не подвергался потоку и разграбленію, но долженъ былъ заплатить виру. Эту виру онъ платилъ или одинъ или же вервь помогала ему, смотря потому помогалъ-ли онъ верви въ подобныхъ случаяхъ или нѣтъ. Здѣсь платежъ дикой виры является уже не обязательнымъ, но основаннымъ на договорѣ: будетъ-ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо ся дикую вюру; но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити и съ дружины свою часть; по оже будетъ оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ нѣ іже ся прикладываютъ вирою.

Относительно этого-то рода дикой виры правда постановляетъ: Аже кто не вложится въ дикую виру, тому люди не помогаютъ, но самъ плотитъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Правда допустивши такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ случаѣ платежъ виры общиною и при нахожденіи преступника на-лицо, еще разъ подтверждаетъ, что это не относится къ убійцѣ не въ свадѣ, къ убійцѣ въ разбои. Сей послѣдній, если находится на-лицо долженъ быть выданъ князю. Будетъ-ли сталъ на разбои безъ всякоя свады то за разбойника люди не платятъ

но выдадять и всего съ женою и дѣтьми на потокъ и разграбленіе. Эта отвѣтственность за смертоубійство, виновникъ котораго не найденъ, введена княжескою властью не вдругъ но понемногу. Древнѣйшіи списки устанавливаютъ ее только на случаи убійства огнищанина (княжа мужа другихъ списковъ), новѣйшіе же содержатъ еще прибавленіе: пакиль людинъ то 40 гривенъ [12].)

---

[12]) Только-что приведенныя статьи Русской Правды принадлежатъ къ числу спорныхъ. Я уже имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ (смотр. стр. 50 моего сочиненія Beitrag zur Lehre über Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе des Zaren Alexei Michailowitsch) высказаться насчетъ того какъ я понимаю «убійствомъ разбои безо всякое свады». Теперь я приведу мнѣнія ученыхъ по этому предмету и постараюсь за симъ привести доводы къ изложенному въ текстѣ ученію.

Весь споръ сводится къ слѣдующему главному пункту: слѣдуетъ ли видѣть въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ русской правды разбой въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. преступленіе направленное главнымъ образомъ противъ имущества третьяго лица, или же въ нихъ говорится о преступленіи противъ личности, т. е. объ одномъ изъ видовъ смертоубійства. Первое утверждаетъ хотя только отчасти Липовскій (смотр. его сочиненіе объ уголовномъ правѣ уложенія стр. 72) и Чебышевъ-Дмитріевъ (сей послѣдній считаетъ разбой вообще равнозначущимъ мести—самосуду за исключеніемъ разбоя безъ всякоя свады, который по его мнѣнію соотвѣтствуетъ нынѣшнему разбою).

Но мнѣніе это не выдерживаетъ критики уже потому, что во всѣхъ постановленіяхъ Правды сюда относящихся постоянно говорится о вирѣ—денежной пенѣ употреблявшейся только при преступленіяхъ противъ личности; еслибъ здѣсь подразумѣвалось преступленіе противъ правъ имущественныхъ-то выраженіе вира замѣнилось, бы выраженіемъ «продажа».

И въ самомъ дѣлѣ большинство ученыхъ видитъ здѣсь преступленіе противъ личности (Рейцъ, Карамзинъ, Поповъ, Калачевъ, Бѣляевъ, Власьевъ, Лешковъ, Энгельманъ, Богдановскій, Лапге и Неклюдовъ). Остается теперь только рѣшить какіе виды смертоубійства упоминаются въ Русской Правдѣ.

Говоря о смертоубійствѣ Правда употребляетъ слѣдующія выраженія:

А. въ древнѣйшихъ спискахъ. Оубійство въ разбои, и оубійство въ обидоу.

В. въ позднѣйшихъ спискахъ: Оубійство въ разбои безъ всякои свады и оубійство въ свадѣ въ пиру явлено.

Эти термины различно толкуются изслѣдователями.

Такъ Поповъ, Калачевъ, Бѣляевъ, считаютъ убійство въ разбои местью —самосудомъ. Это объясненіе не вѣрно потому, что княжеская власть на первыхъ порахъ не могла сразу принимать такихъ строгихъ мѣръ

b. Въ случаѣ коневой татьбы:

Аще будетъ коневой тать—выдати князю на потокъ; паки ли будетъ клѣтный тать, то 3 гривны платити ему.

каковы потокъ и разграбленіе противъ убійства въ слѣдствіе мести, ибо хотя сія послѣдняя и была воспрещена закономъ, но тѣмъ не менѣе не могла вдругъ изчезнуть изъ народной жизни, такъ какъ являлась освященною вѣковымъ обычаемъ.

Васьевъ (см. его сочиненіе о вмѣненіи по началамъ теоріи etc. стр. 178 и 179), кажется, полагаетъ, что убійство въ розбои тоже самое, что убійство въ свадѣ или въ пиру явлено.

Это мнѣніе несостоятельно потому, что при внимательномъ чтеніи Правды видно, что она дѣлаетъ различіе между убійствомъ въ разбои и убійствомъ въ свадѣ; это положеніе мы докажемъ ниже.

Наконецъ Рейцъ, Лешковъ, Энгельманъ, Богдановскій, Лапге и Неклюдовъ. (Учебникъ Бернера) признаютъ убійство въ разбои за тайное убійство совершенное изъ-за угла и противопоставляютъ ему убійство въ свадѣ въ пиру, явлено.

Этого мнѣнія придерживаемся и мы, какъ увидимъ ниже.

Что касается до убійства въ обиду, то нѣкоторые (Чебышевъ-Дмитріевъ) считаютъ его злоумышленнымъ убійствомъ вообще, а другіе (Карамзинъ, Васьевъ) сопоставляютъ его съ разбоемъ безъ всякой свады новѣйшихъ списковъ Правды.

Для удобнѣйшаго разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ необходимо перевести приведенныя въ текстѣ постановленія Правды на разговорный языкъ. Правда говоритъ: Если кто убьетъ княжаго мужа въ разбоѣ (т. е. такъ какъ убиваютъ разбойники) и убійцу не сыщутъ, то виру должна заплатить та вервь, на землѣ которой лежитъ мертвое тѣло, а именно она должна заплатить 80 гривенъ; если убитый людинъ (т. е. свободный человѣкъ, но не принадлежащій къ княжеской дружинѣ), то уплачивается всего 40 гривенъ. Эту общинную виру вервь уплачиваетъ по мѣрѣ возможности, во сколько лѣтъ она можетъ ее уплатить, потому что она уплачиваетъ безъ участія виновника.

До сихъ поръ говорится о томъ случаѣ когда найдено мертвое тѣло, но головника нѣтъ въ лицахъ. Здѣсь вервь обязана, хотя и съ разсрочкой, уплатить дикую виру.

Далѣе правда упоминаетъ о томъ случаѣ когда головникъ находится въ средѣ общины и говоритъ:

Если же головникъ находится въ ихъ верви, и въ другихъ случаяхъ присоединяется къ нимъ (т. е. относительно платежа дикой виры), то ради этого, они должны ему помогать такъ какъ будто-бы они платили дикую виру (либо ся дикую виру); однакожъ сообща они должны заплатить всего 40 гривенъ, а плату за голову (частное вознагражденіе) уплачиваетъ самъ головникъ; но и относительно 40 гривенъ онъ какъ членъ общины долженъ заплатить свою часть; принимающему постоянное участіе въ платежѣ дикой виры (нѣ іже ся при-

c. Въ случаѣ кражи бобровъ:

Аже будетъ росѣчена земля іли знамение имъ же ловлено или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажу.

кладываютъ вирою) дозволяется уплачивать такимъ образомъ виру вмѣстѣ съ общиной, только въ томъ случаѣ если онъ совершилъ убійство явно передъ всѣми, напр. въ пиру въ слѣдствіе ссоры (однимъ словомъ если онъ дѣйствовалъ при этомъ какъ подобаетъ вольному мужу, а не какъ низкій разбойникъ. Только въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто подобный платежъ виры: по еже будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервиныѣ).

Этому убійству въ ссорѣ или въ пиру явлено правда противопоставляетъ убійство тайное и продолжаетъ:

Если же онъ совершилъ убійство въ разбои, т. е. какъ разбойникъ, не такъ какъ вольный мужъ (открыто вызывающій своего противника на бой), то за него община не платитъ, но должна выдать его съ дѣтьми и женою на потокъ и разграбленіе; за тѣмъ правда прибавляетъ: А кто не пожелаетъ принимать постояннаго участія въ платежѣ дикой виры, за того община ни въ какомъ случаѣ не платитъ, но онъ самъ долженъ уплатить виру.

Изъ только что приведеннаго перевода и сличенія его съ текстомъ правды явствуетъ, что правда различаетъ два вида смертоубійства *a.* въ свадѣ и *b.* въ разбои, изъ которыхъ первое означаетъ открыто совершенное убійство случившееся въ слѣдствіе ссоры или драки (для примѣра правда приводитъ пиръ), а второе тайное убійство совершенное такъ какъ его обыкновенно совершаютъ разбойники (more latronum), при чемъ въ первомъ случаѣ допускается выкупъ и тогда, когда преступникъ находится на-лицо, а во второмъ выкупъ не допускается, но головникъ долженъ быть всегда выданъ князю если не находится въ бѣгахъ.

Что касается выраженій древнѣйшихъ списковъ, то изъ сличенія ихъ съ новѣйшими легко убѣдиться, что статья: »Аще оубьютъ огнищанина въ обиду etc«. соотвѣтствуетъ ст. Будетъ ли сталъ на разбои etc., а статья: А иже убьютъ огнищанина въ разбои, ули оубійцы не ищоуть etc. статьѣ Аже кто убьетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищютъ«.

Замѣчательно то обстоятельство, что въ древнихъ спискахъ ничего не говорится о потокѣ и разграбленіи: значитъ законодатель долго не рѣшался обложить ими даже злоумышленное убійство, а не то что убійство вслѣдствіе мести.

Обязанность же общинъ выдать преступника существовала: разница только въ томъ, что по новѣйшимъ спискамъ община выдавала преступника на потокъ и разграбленіе князю, а по древнѣйшимъ, въ случаѣ если преступникъ былъ на-лицо, князь освобождалъ общину отъ дальнѣйшей отвѣтственности и прямо взыскивалъ пеню съ самого преступника.

d. Въ случаѣ важигательства:

Аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, передн пагубу исплативши, а въ процѣ князю поточити і; такоже аще кто дворъ зажжетъ.

Мы только-что сказали, что эта обязанность отыскивать преступниковъ и выдавать ихъ на потокъ и разграбленіе была наложена князьями. Но намъ возразятъ, какъ-же общины привыкшія къ самовластію не востали противъ этого и не старались всѣми силами избавиться отъ этой повинности. На это мы позволимъ себѣ замѣтить:

a. Что мы не можемъ знать сопротивлялись-ли общины введенію этой повинности или нѣтъ, ибо наши свѣдѣнія о внутренней исторіи того времени весьма скудны.

b. Введеніе такой повинности—фактъ не безпримѣрный въ исторіи народовъ. Такъ Канутъ Великій обязываетъ общины Англіи въ случаѣ убійства датчанина или отыскать преступника или же заплатить штрафъ [13]), а короли Хильдебертъ и Клотаръ вводятъ подобнаго рода повинность во Франціи, такъ какъ преслѣдованіе преступниковъ ночными сторожами оказалось неудовлетворительнымъ [14]).

---

[13]) Сравни Riener Beitrage s. 263 и 69 и его же das englische geschworengericht s. 85 и 86. Theil. I.

[14]) Я говорю здѣсь I, о томъ замѣчательномъ декретѣ, который относится нѣкоторыми (Zoepfl. Deutsche Staats u. Rechtsgeschichte, Band. II, Abth I, s. 25 Anm. 24) къ 550 г. т. е. къ царствованію Клотара I, а другими къ 595 г. и приписывается Клотару II (Pertz. Monumenta Germaniae historica. Tomus III. legum. Tom. I стр 11. Ceterum Balusius (Capitularia regum Francorum) constitutionem hanc anno circiter 595 editam fuisse censuit; quod nec adseverare nec refellere ausus, pristino eam loco servavi). Срав. по этому поводу также 9 aupp. das alte Gesetz der Thüringer. Breslau, 1834, Dubois Histoire du droit criminel des peuples européens, Paris, 1865, Tome I, page 163—176, и Klimrath Travaux sur l'histoire du droit francais, Tome premier, p. 445—46, Paris et Strasbourg, 1843, который впрочемъ признаетъ бытовое происхожденіе общинной отвѣтственности. Законъ этотъ весьма поученъ что касается до того, какъ въ началѣ государственой жизни общины облагались подобнаго рода обязанностью отыскивать преступниковъ и въ случаѣ неисполненія оной подвергались отвѣтственности.

Слова декрета слѣдующія: *Decretio chlotarii regis.*

Decretum est ut qui vigilias, hoc est ad wactas, constituti nocturnas, diversos fures non caperent eo quod per diversa, intercedente conludio, scelera sua praetermissa custodias exercerent, centenas fierent In cujus centena aliquid depericrit, caput trustes restituat et latro insequatur, vel

c. Для введенія этой повинности князья нашли почву вполнѣ приготовленную.

Мы уже замѣтили въ началѣ этой главы, что славянская община преимущественно община родовая или семейная, а характерная черта подобнаго рода общинъ, перешедшая впослѣдствіи и на территоріальныя общины,—это круговая порука, отвѣтственность всѣхъ за каждаго сочлена [15]). Эта круговая порука—явленіе общеславянское, явленіе, посредствомъ котораго первобытное славянское право рѣзко отличается отъ права народовъ германскихъ, гдѣ не существовало подобнаго института и гдѣ слѣдственно отвѣтственность общинъ за преступленія своихъ сочленовъ, тамъ гдѣ она существовала, введена была возникающей центральной властью для удобнѣйшаго преслѣдованія преступленій [16]), какъ учрежденіе вполнѣ новое не имѣющее связи

---

in alterius centena vestigium proponat aut dedicat. Et ad hoc admoniti (admunti in Cod. biblioth. Guelferbytanae.) si neglexerint, quinos solidos componat; capitale tamen qui perdiderat, a centena illa accipiat absque dubio, hoc est de secunda vel tercia.

2. О декретѣ Хильберта II, изданномъ по Pertz Monumenta Legum. T. I стр. 8) въ 596 году (февраля 29). Здѣсь въ 11 статьѣ говорится о подобнаго рода отвѣтственности, хотя въ менѣе опредѣленной формѣ чѣмъ въ декретѣ Клотара.

Similiter convenit, ut si furtum factum fuerit, capitale de praesente centena restituat, et causa centenarius cum centena requirat.

[15]) Рейцъ, задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ могла возникнуть эта отвѣтственность общинъ за правонарушенія содѣланныя ихъ сочленами, вѣрно опредѣляетъ характеръ славянской общины; онъ говоритъ: (ср. Reutz. Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung s. 196. прим. 3) die Verpflichtung des Bezirks zum Zuschusse an der Buszezung zum Theil in dem allmaligen Entstehen solcher Gemeinden aus Verwandten, die sich an einem Orte niederlassen.

Въ новѣйшее время характеръ родовой общины хорошо опредѣленъ Прѣчькомъ въ его сочиненіи des Recht in Böhmen und Mahren, Abtheilung I, 52 и 53 и Abtheilung II s. 109. Смотри также статью Леонтовича о верви по русской правдѣ и полицкому статуту и его сочиненіе: Хорвато-Далматское законодательство, стр. 35, 36 и 70. 71. 92—93.

[16]) Прежде между германскими учеными господствовало противное мнѣніе, а именно: круговую поруку считали учрежденіемъ древнѣйшаго германскаго права, но результатомъ новѣйшихъ изслѣдованій является изложенное въ текстѣ ученіе. Вотъ что говоритъ объ этомъ Вальтеръ, вѣрно характеризующій настоящее положеніе этого вопроса

съ прошлымъ. Въ слѣдствіе существованія этого исконнаго учрежденія круговой поруки, согласно которому община привыкла отвѣчать за дѣйствія своихъ членовъ и за все то, что свершалось на общинной землѣ, возложеніе на общину обязанностей по преслѣдованію, сыску и выдачѣ преступниковъ князю, а равно и отвѣтственности въ случаѣ

въ наукѣ (ср. Walter Ferdinand. Deutsche Rechtsgeschichte, Erster Band. §§ 18 Seite 20). Neben dieser Verantwortlichkeit welche der Familie, jedoch nur für das wegen Todschlag zu entrichtende Wehrgeld, oblag, ist noch eine andere weit ausgedehntere behauptet worden die echten Freien sollen je zehn und zehn in Genossenschaften ein getheilt, und die Mitglieder einer jeden unter einander für die Entrichtung der von Einem verwirkten Busse verantwortlich gewesen sein: Allein diese sogenannte Gesammtburgschaft ist nur eine geistreich durchgeführte Hypothese von Möser (Osnabr. Geschichte, I, s 16, 17, 18), welcher Eichhorn, Rogge, Philipps und Andre gefolgt sind (zuletzt noch Unger Gerichtsverf. §§ 6—9), wofüres jedoch keine haltbaren Beweise giebt (nach Feuerbach, Woringen, Weiske zeigt dieses waitz. I, 217, 225—274.

Исключеніемъ является Англія, гдѣ круговая порука и отвѣтственность общинъ за своихъ членовъ учрежденія исконныя. Впрочемъ англійское право имѣло вполнѣ своеобразное развитіе и во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ другихъ германскихъ правъ.

Бинеръ находитъ слѣды подобной отвѣтственности общинъ у евреевъ. (Ср. его Beiträge s. 268. Anm. 4.) Согласно этому можно было-бы подумать, что отвѣтственность общинъ явленіе общечеловѣческое. Но мнѣніе Бинера несправедливо, приводимое имъ мѣсто изъ Библіи (Второзаконія Гл. 21. 1—9) говоритъ только объ очистительной жертвѣ. Различіе этого учрежденія отъ тѣхъ учрежденій, съ которыми сравниваетъ его Бинеръ, легко подмѣтить. Вотъ слова Библіи:

Аще обрящется убіенный на земли, юже Господь Богъ дастъ тебѣ наслѣдити, лежащъ на поли и не вѣдятъ убившаго и: Да изыдутъ старцы и судія твои и да измѣрятъ до градовъ иже окрестъ убіеннаго. И будетъ градъ приближаяйся убіенному и да возмутъ старѣйшины града того юницу отъ говядъ, еюже не дѣлано, и яже ярма не понесе: и да изведутъ старѣйшины града того юницу въ дебрь суху, яже не оранна, ниже пасѣяна и да пресѣкутъ жилы юницы въ дебри. И да приступятъ Левити: яко ихъ избра Господь Богъ твой предстояти ему и благословляти имя его... И вси старѣйшины града того приближающійся убіенному да омыютъ руцы надъ главою юницы, ейже пресѣчены суть жилы въ дебри: и отвѣщавше да рѣкутъ: руцѣ наши не проліяша крове сея и очи паша не видѣша: Милостивъ буди людемъ твоимъ Ісраилю, ихже извелъ еси Господи изъ земли Египетскія, да не будетъ кровь неповинна на людехъ твоихъ Ісраили: *и очистится имъ кровь.* (Ср. еще Saalschuetz das mosaische Recht, Theil II, s. 547. —48).

не выдачи, прошло незамѣченнымъ и явилось въ глазахъ народа не новымъ узаконеніемъ, но только развитіемъ началъ древняго права, обусловленнымъ перемѣною обстоятельствъ, главнымъ образомъ возникновеніемъ княжеской власти. Прежде община отвѣчала за своихъ членовъ передъ другими общинами, но отвѣтственность эта мало была опредѣлена, какъ вообще всѣ междуобщинныя отношенія. Обыкновенно, желая избѣгнуть мести со стороны общины, членъ которой былъ убитъ или оскорбленъ, вервь желала отдѣлаться выкупомъ и платила этотъ выкупъ сообща. Теперь является княжеская власть, призванная для поддержанія порядка и мира преимущественно между различными общинами. Эта власть требуетъ выдачи преступника (правда только въ извѣстныхъ случаяхъ): община должна это сдѣлать, ибо она отвѣтственна за все, что происходитъ въ ея нѣдрахъ. Если она не можетъ представить преступника, то должна за неисполненіе требованія князя уплатить денежный штрафъ; сіе послѣднее положеніе очевидно не могло вызвать на первыхъ порахъ реакціи со стороны общинъ, ибо они de facto могли такимъ образомъ скрывать своихъ преступныхъ членовъ и откупаться отъ наказанія, налагаемаго княземъ какъ прежде откупались отъ мести враждебной общины.

Однимъ словомъ родовая община представляла такіе хорошіе задатки для обложенія ея отвѣтственностью за преступленія, содѣянныя ея членами, что въ историческое время мы встрѣчаемся съ этой отвѣтственностью у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Такъ въ Польшѣ вплоть до конца 13 вѣка существуетъ эта обязанность общинъ или выдать преступника или же заплатить пеню. Только подъ конецъ 13 вѣка нѣкоторымъ общинамъ въ видѣ привилегіи даровано было освобожденіе отъ этой повинности (od grzywny opolney какъ ее называютъ польскіе писатели или a vicinia ab occisione capitis какъ говорятъ памятники [17]).

Въ послѣдствіи изъ нѣсколькихъ общинъ составлялась единица, которая облагалась обязанностью или указать на преступника или же заплатить слѣдуемую пеню. Подобнаго рода сложная единица называется Opola [18]).

---

[17]) Выписки изъ главнѣйшихъ между этими грамотами можно найти у Гельцеля: Starodawne prawa polskiego pomniki. Tom I, pag. CXIII прим. 1.

[18]) Сравни Helcel loco citato. Wszak bowiem mamy pod ręką dy-

Обязанность эта мало-по-малу слагается съ общинъ, такъ что въ Вислицкомъ статутѣ мы ее уже не находимъ. Когда головника не было на-лицо, то отысканіе его равно какъ и дальнѣйшее преслѣдованіе предоставлялось родственникамъ убіеннаго: коли жъ хто мужебойство учинилъ, а не вѣдаютъ его: староста не имѣть прото жалобы чинить, але пріятели (consanguinei et proximiores латинскаго, przyrodzeni a bliżsi польскаго текста) имають ся доискывать, а подлугъ права съ нимъ ся обходить,... его знайдуть (ст. 58 Вислицкаго статута, изданнаго въ I томѣ Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи подъ № 2).

Тоже самое явленіе замѣчается и въ Чехіи. Сперва мы встрѣчаемся здѣсь съ полнымъ господствомъ общей поруки и отвѣтственности общинъ. Такъ еще въ грамотѣ 1222 короля Премысла Оттокара I чешскому духовенству отвѣтственность эта вполнѣ признается относительно кражи и убійства, хотя количество взимаемой пени понижается.

---

plomy, które nas uczą, że w ciągu całego XIII wieku, aż do jego końca, w Polsce gminy wsi pojedynczych, lub też opola z większej ilości wsi złożone, jeszcze wciąż odpowiedzialne były za głowę we wsi lub w opolu przez niewiadomego sprawcę zabitą.

Какъ призывалась эта opola къ исполненію сей обязанности—подробно изложено въ недавно открытомъ господиномъ Нейманомъ и изданномъ докторомъ Фолькманомъ древнѣйшемъ писанномъ памятникѣ польскаго права. (das älteste geschriebene polnische Rechtsdenkmal. Herausegegeben von Dr. Edwin Volckman). Но объ этомъ ниже. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о только-что упомянутомъ памятникѣ.

Памятникъ находится въ сборникѣ найденномъ г. Нейманомъ въ 1825 г. въ бумагахъ оставшихся послѣ г. Грюбнау, и подаренномъ имъ въ 1868 г. эльбингской городской библіотекѣ.

Сборникъ этотъ содержитъ кромѣ нашего памятника еще:

1) Любекское право,
2) Право Пруссовъ (Jura prutenorum) и
3) Краткій нѣмецко-прусскій словарь.

Памятникъ писанъ на средненѣмецкомъ языкѣ (mitteldeutsche Sprache) и предназначался повидимому для употребленія какого-нибудь чиновника Ордена. Судя по языку и по употребленію ордалій не примѣнявшихся въ позднѣйшемъ польскомъ правѣ, памятникъ этотъ составленъ до 1347 г. т. е. древнѣе Вислицкаго статута.

Однакожъ до насъ не дошла эта первоначальная рукопись 13 вѣка, мы имѣемъ только списокъ конца 14 или начала 15 вѣка.

Грамота говоритъ въ статьѣ 15: Et quandocunque fur capitur in aliqua villa, sola domus in qua furtum invenitur, publicetur, vicinae vero domus in pace remanoant; poenam tamen scilicet 300 denarios, cum aliis persolvant, а въ ст. 16: Hanc autem poenam alleviare volumus, qua quando quis interficiebatur in aliqua villa et interfector non capiebatur, quilibet rusticus in 200 denariis condempnari solebat; nunc nos mitius agentes cum eis volumus, ut tota villa in 200 denariis condempnetur.

Кромѣ того чешскіе памятники упоминаютъ о платежѣ общиною денежной пени въ случаѣ неотысканія преступника относительно преступленій разбоя (паrос), грабежа (grodsl) и увѣчья (nedoperne). Мало-по-малу общины и въ Чехіи стали освобождаться отъ этой повинности. Сперва въ видѣ привиллегіи отъ нея освобождены общины, поселенныя на земляхъ духовенства, а потомъ подобнаго рода привиллегія дарована и другимъ общинамъ. Послѣдній ударъ этому древнеславянскому порядку вещей въ Чехіи нанесло дарованіе нѣмецкаго права большей части городовъ и мѣстечекъ Чехіи,—нѣмецкаго права, которому чуждо было учрежденіе общей поруки, и основанная на сей послѣдней отвѣтственность общинъ [19]).

Отвѣтственность общинъ въ случаѣ неотысканія преступника особенно развита сербскимъ законодательствомъ, которое не подверглось вліянію германскаго права подобно чешскому и польскому.

Законникъ Царя Стефана Душана, памятникъ, изданный въ концѣ первой половины 14 столѣтія [20]), обязаетъ общины отвѣтственностью въ случаѣ не отысканія виновныхъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ.

а. Въ зажигательствѣ.

§ 98. Аште кто ужежетъ кутю (хижину), или гумно, или сламу, или сѣно по низмѣ (мценію) кому, да съжегутъ огнемъ. Аште ли се не найде, да га (его) дастъ този (то) село, чюбы пожегли платилъ.

§ 99. Аште кто ужежетъ извнъ (извнѣ) села гумно или сѣно, да плати околина (околица) или да дастъ вжегшаго.

---

[19]) Относительно Чехіи сравни Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren. Abtheilung II § 23. s. 109—110 и и § 28 s. 137—139. Палацкій *Сравненіе законовъ Царя Стефана Душана съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ*. Чтеніи общ. Ист. и Древностей 23 февр. 1846 г. № 2. Отдѣлъ III ст. 9—11.

[20]) Постановленія законника приводимъ мы по тексту находящемуся въ вышеупомянутомъ (прим. 19) сравненіи законовъ Стефана Душана etc.

b. Въ грабежѣ и воровствѣ.

§ 125. Градска земля, што естъ около града, што се паде (найдется, отыщется) хуси (грабежа) или украде (воровства), да плати все този околина.

c. Въ поддѣлкѣ монеты.

Ако се надѣ златаръ (монетчикъ) у града кове (дѣлающій) динаре безъ волѣ цареве да се златаръ ижеже (сожжется), а градъ да плати глобу что рече царь.

Впрочемъ въ семъ послѣднемъ случаѣ пеня уплачивается и тогда когда преступникъ на-лицо. Взимается óна за то, что городъ не исполнилъ своей обязанности *предотвращать преступленія*; это одно изъ слѣдствій признанія за общинами обязинности выдавать преступниковъ.

Что касается до крвнины, т. е. пени, платимой общиной по поводу убійства, виновникъ котораго неизвѣстенъ, то по всей вѣроятности существованіе ея въ Сербіи относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ сербской исторіи. Пеня эта не отмѣнена и въ послѣдствіи, когда у другихъ славянскихъ народовъ не осталось даже и признаковъ общинной отвѣтственности. Вотъ что говоритъ о крвнинѣ Вукъ Стефановичъ въ своемъ сербскомъ словарѣ (Сербски рѣчникъ у Бечу стр. 338). У турской е крвъ Турска 1000 гроша а Србска (и свакога другогъ риштянина [христіанина]). Крвнину не платя само онай, кой учиніо крвъ, него (но) све (все) оно село (а кашто [иногда] и више [больше] оближньи села заедно), дѣ (гдѣ) е крвъ учинѣна (кадъ се крвъ учини у вароши [города], онда и Турци мораю [должны] платити крвнину).

И такъ, у только что упомянутыхъ славянскихъ народовъ (Поляковъ, Чеховъ и Сербовъ) единица облагавшаяся обязанностью выдавать преступниковъ была, подъ конецъ 13 и въ началѣ 14 вѣка, единица сложная (opola поляковъ, околина сербовъ), состоявшая изъ нѣсколькихъ общинъ, что указываетъ уже на извѣстную перемѣну въ бытѣ, на большее сплоченіе отдѣльныхъ (не сложныхъ) общинныхъ единицъ и на переходъ къ новому времени. За то древній законъ Виподола представляетъ намъ первобытную отвѣтственность общинъ. Въ этомъ замѣчательнѣйшемъ изъ древнеславянскихъ памятниковъ, относящемся къ концу 13 столѣтія [21]), мы встрѣчаемся исключительно

[21]) Издатель памятника Мажураничъ относитъ его къ 1280-му, а Леонтовичъ къ 1288 году. Мацѣйовскій думаетъ, что онъ изданъ между 1280 и 1288 годомъ.

съ отвѣтственностью родовой общины (даже можно сказать рода, ибо общинная форма вырабатывалась только тогда у подобнаго рода союзовъ). Законъ Винод. 29. Ако би ки убил од слуг, од обители куче кнеза, тен убигне и не могл се ети да кнез вазме вражбу сверх племени злотворда [22]).

Въ другомъ памятникѣ Хорвато-Далматскаго законодательства—Полицкомъ статутѣ мы встрѣчаемся и съ первобытною формою общинной отвѣтственности съ отвѣтственностью родовой общины (дружины вервной) и съ отвѣтственностью общины территоріальной [23]). Значитъ здѣсь отвѣтственность общинъ родовыхъ мало-по-малу распространена была и на общины территоріальныя.

Такимъ образомъ по мѣрѣ возможности мы доказали, что у древнихъ славянъ на общины возлагалась обязанность или отыскать преступника или заплатить денежную пеню. Теперь намъ остается: 1) показать, какъ производился этотъ сыскъ преступника въ древнѣйшее время, а 2) прослѣдить судьбу этого учрежденія въ Россіи послѣ Русской Правды.

Относительно перваго вопроса разъясненіе мы находимъ въ сборникѣ древнѣйшаго польскаго права, о которомъ мы говорили выше. Въ этомъ памятникѣ постановляется слѣдующее.

Въ случаѣ если найдено будетъ на дорогѣ или въ водѣ мертвое тѣло, то созывается судьей или же владѣльцемъ округа вся опола, т. е. союзъ близь лежащихъ общинъ (dy gegenole памятника). Опола должна уплатить пеню: во избѣжаніе чего она можетъ указать на одну изъ деревенскихъ общинъ, входящихъ въ составъ ея, какъ на общину, къ которой принадлежитъ виновный. Въ такомъ случаѣ община можетъ

---

[22]) Леонтовичъ думаетъ, что и территоріальныя общины подлежали этой отвѣтственности; въ своемъ сочиненіи онъ говоритъ: (Хорвато-Далматское законодательство, стр. 36) По винодольскимъ законамъ повинность вражбы падаетъ прежде всего на ближаковъ (вервь правды) и ради или самаго виновнаго. Если этотъ не имѣлъ ближаковъ, или что одно и тоже, не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ »сам по себи«, то по общему началу круговой поруки, повинность вражбы перелагалась на общину территоріальную, къ которой принадлежалъ преступникъ. Правило это не находится въ Винодольскомъ законѣ. Леонтовичъ ссылается на аналогію Полицкаго статута и Душанова законника.

[23]) Сравни относительно Полицкаго статута, Леонтовича, loco citato, стр. 70—71 и 92—93.

или уплатить пеню или оправдать себя полемъ или же указать на одинъ изъ составляющихъ оную родовъ какъ на родъ виновника. Родъ въ свою очередь долженъ былъ или уплатить пеню или оправдать себя полемъ или же указать на кого-нибудь изъ своихъ членовъ какъ на виновника. Отдѣльной личности оставалось только одно оправданіе посредствомъ поля или желѣза: въ случаѣ неблагопріятнаго для него исхода поля или испытанія желѣзомъ, обвиняемый не могъ отдѣлаться отъ платежа пени.

Если же, прибавляетъ памятникъ, убьютъ кого-нибудь въ деревнѣ или около деревни и поселяне схватятъ и выдадутъ владѣльцу или судьямъ преступника, то они не подвергаются никакому взысканію [24]).

Таковъ былъ у большей части славянскихъ народовъ порядокъ отысканія преступника общиною.

---

[24]) Приводимъ слова самаго памятника по тексту, изданному Фолькманомъ, пріобщая необходимыя объясненія непонятныхъ словъ средневѣковаго нарѣчія. Blibet aber eyn gemordet man uf dem velde adir uf der strose legende, unde weis man nicht, wer in geslagen hot, zo ledt der herre dy gegenote (gegend—волость, opola) vor sich unde gibt der (т. е. der gegenote) schuld umbe den toten unde en mag die gegenote den mort uf andirs nymande brengen, zo musze den toten geldin (geldin bezahlen т. е. заплатить), als do vor gesprochen ist. Spricht abir dy gegenoten uf eyn dorf, das der mort dor us gescheen sy, unde spricht daz dorf, daz is (es) unschuldig sie (sei), des mus is zich entreden mit camphe (kampfe т. е. посредствомъ поля) adir mus den toten gelden. Zagit (sagt) abir daz dorf ut eyn geslechte, von dem is sie geschen, unde spricht das gesleechte, is zy (sei) unschuldig, des mus is sich entschuldigen mit camphe adir geldin den toten. Spricht aber daz geslechte ut eyn man, daz her (er) den mort habe getan, unde spricht her, daz her zy unschuldig, dor vor mus her vechten (fechten—сражаться) adir daz ysen (Eisen) tragen, wirt her vorwunden, her mus bessern als dicke do vorgesprochen ist. Wirt abir eyn man geslagen in eymi (einem) dorfe adir bey einem dorfe, unde vaen (faben—fangen—схватывать,—ловить) dy gebuer (Bauer) deu, der den schadin hat getan, unde entworten en (ihn) den herren adir dem richter, ze bliben is ane schaden . . . . . .

. . . . . .

Ist daz oucheyn man irtrinket, wer den us dem wasser gewynnet (вытащитъ) ane des richters orloub, der mus den toten geldin. Gewynnet in abir nymant us, zo ledt der herre adir der Richter dy gegenote, dy mus bewysen, wer in irtrinkit hat, zeu (zu) aller wyse als do vor gesprochin ist von den gemordeten manne, oder ze (sie) mus (ihn) geldin (das älteste geschribene polnische Rechtsdenkmal. Cap. 8 s. 11—12).

Переходимъ теперь ко второму изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, т. е. къ судьбамъ общинной отвѣтственности въ Россіи.

Относительно смертоубійства, мы находимъ институтъ этотъ въ полномъ развитіи въ законодательныхъ памятникахъ 14 столѣтія. Двинская уставная грамота постановляетъ: Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, и пѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и пѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ.

Обязанность выдать преступника высказывается здѣсь категорически, безъ различія убійства въ свадѣ отъ убійства въ разбоѣ; неисполненіе этой обязанности подвергаетъ общину денежной пени въ 10 рублей.

Обязанность эта возлагалась, какъ видно изъ позднѣйшихъ уставныхъ грамотъ, большею частью, на волость или станъ (Срав. напр. Акт. Э. Т. I. 123, 144. А. И. Т. I, 125), или же на городъ (Ак. Эксп. Т. I, 123, 143), рѣже на отдѣльныя села и деревни (Ак. Эксп. Т. I. 150. Ак. И. Т. I. 125), иногда на всѣхъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ извѣстнаго монастыря (ср. напр. Дополненія къ Ак. Ист. Т. I 169), однимъ словомъ, на общины съ территоріальнымъ характеромъ [25]).

Такимъ образомъ и въ Россіи общины территоріальныя унаслѣдовали отъ родовыхъ эту обязанность или выдать преступника, или же отвѣчать за него. Преступникъ выдавался или намѣстнику или же самому князю (послѣднее является своего рода привиллегіей). Такъ, въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю (между 1443—1468 г.) говорится: и учинится у нихъ душегубство, и намѣстницы мои Бѣлозерскіе и ихъ тіуни и доводщики, будетъ душегубецъ въ лицехъ, ино дадутъ душегубца на поруку, на кого молвятъ, и за того порукою поставятъ его передо мною княземъ Михаломъ Ондрѣевичемъ, и язъ тому самъ исправу учиню, а болѣ того не сильничаютъ надъ ними ничѣмъ; а не будетъ душегубца въ лицехъ, ино виры за голову рубль Новгородской. (Допол. къ Ак. Ист. Т. I, 189).

Въ это же время впервые мы встрѣчаемся въ законодательныхъ памятникахъ (именно въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года) съ

---

[25]) Характеръ волости и стана, а равно ихъ отношеніе къ селамъ, вѣрно схвачены у Сергѣевича, Вѣче и Князь. Стр. 337—342.

опредѣленіемъ того случая, когда община не подвергается платежу вирѣ, не смотря на то, что на землѣ ея найдено мертвое тѣло. Бѣлозерская уставная грамота говоритъ: А кого у нихъ въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ дерева убіется, или звѣрь съѣстъ, или кто въ воду утонетъ, или кого возомъ сътретъ, или кто отъ своихъ рукъ потеряется, а обыщутъ безъ хитрости, ино въ тѣхъ вины и продажи нѣтъ.

Здѣсь исключаются изъ общаго правила тѣ случаи, когда смерть приключалась отъ своихъ рукъ (т. е. самоубійство), или же когда она являлась слѣдствіемъ дѣйствія силъ природы. Нѣкоторые изслѣдователи [26]) видятъ въ этомъ постановленіи указаніе на то, что въ описываемое нами время начинало сознаваться различіе между убійствомъ умышленнымъ и неумышленнымъ. Но это происходитъ отъ смѣшенія понятія дѣйствія неумышленнаго съ дѣйствіемъ случайнымъ. Эпитетъ «неумышленное» можетъ быть придапъ только дѣйствію человѣческому, подъ понятіе же случайной смерти подходитъ равно какъ смерть, неумышленно причиненная дѣйствіемъ третьяго лица, такъ и смерть, происшедшая въ слѣдствіе дѣйствія силъ природы. О сей послѣдней только и говорятся въ приведенномъ нами мѣстѣ Бѣлозерской уставной грамоты. Однимъ словомъ община освобождается отъ отвѣтственности, когда на нее не можетъ пасть даже тѣнь подозрѣнія въ укрывательствѣ преступника, т. е. когда преступника не только нѣтъ «вълицахъ», но когда его вообще не существуетъ.

Ясно не сознавалось въ древности только различіе между убійствомъ умышленнымъ и неумышленнымъ, различіе же между убійствомъ, совершеннымъ человѣкомъ, и смертію, приключившеюся отъ силъ природы, всегда сознавалось. Такъ. Правда, излагая постановленія объ отвѣтственности общинъ, употребляетъ постоянно выраженія: «аще убьютъ,« »аще кто убьетъ« и тому подобныя, а никогда не говоритъ просто: »если гдѣ найдутъ мертвое тѣло«.

Пасъ спросятъ: отчего же мы не встрѣчаемся съ подобнымъ постановленіемъ ранѣе конца 15 вѣка?

Потому что до этого времени вполнѣ уважалась потлина, обычное право, и никакому княжескому чиновнику и въ голову не приходило, подвергать взысканію общины, «когда кто отъ своихъ рукъ утеряется«, или же когда смерть приключалась дѣйствіемъ силъ природы.

---

[26]) Богдановскій (стр. 120).

Конецъ 15 вѣка есть время самаго сильнаго развитія власти намѣстниковъ, которые, «смотря своего прибытка... требовали отъ общинъ денежной пени всякій разъ, когда находилось мертвое тѣло. Вотъ почему общины и просили князей занести свою пошлину въ уставную грамоту, по которой долженъ былъ ходить намѣстникъ.

Это постановленіе является въ одно время съ другимъ постановленіемъ, ограждающимъ общины отъ насилія намѣстниковъ и волостелей:

А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцкихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ [27]).

Далѣе, доказательствомъ того, что постановленіе о случайной смерти и самоубійствѣ внесено въ уставныя грамоты въ слѣдствіе насилія со стороны намѣстниковъ и волостелей, служатъ прямыя указанія на эти насилія въ памятникахъ. Намѣстники и волостели, даже послѣ повсемѣстнаго признанія выраженнаго въ Бѣлозерской уставной грамотѣ принципа, позволяли себѣ открыто нарушать его.

Такъ, въ жалованной несудимой грамотѣ Васіановой Строкинской пустынѣ 1547 г. (Ак. Ист. т. I. 147) читаемъ:

Также есми игумена Еѳимья съ братьею пожаловалъ, что ми билъ челомъ, а сказываетъ: кто у нихъ въ монастырѣ и къ тѣхъ ихъ деревнямъ монастырскихъ отъ своихъ рукъ утеряетца, или кто въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ древа убьетца, или кого звѣрь съѣстъ, или кого громъ убьетъ, или кто съ студена умретъ, или кто водою къ ихъ монастырю и къ деревнямъ принесетъ убитой человѣкъ, и въ томъ ден имъ наши намѣстницы Каргополскіе и волостели и ихъ тіуни чинятъ продажи великія.

Наконецъ, самая редакція положенія указываетъ на то, что оно записано изъ устъ народа. Кромѣ того, подобныя же исключенія изъ общаго правила отвѣтственности встрѣчаются и у другихъ славянскихъ народовъ [28]).

---

[27]) Причина занесенія этого правила въ уставныя грамоты таже самая, что и постановленія о случайной смерти. Сравни: Дмитріевъ, Исторія суд. инст. стр. 41.

[28]) Такъ Вислицкій статутъ ст. 58 говоритъ: Коли кто притчею (случаемъ) умретъ, а любо утонетъ, а любо съ древа спадетъ, о томъ нѣтъ жадноѣ жалобы у правѣ.

Въ Чехіи нарушеніе исконнаго обычая славянъ, что община отвѣчаетъ за мертвую голову только тогда, когда на нее можетъ пасть

Съ теченьемъ времени общины освобождаются отъ отвѣтственности и въ томъ случаѣ, когда доказано будетъ, что убійство совершено не на общинной землѣ, что мертвое тѣло подброшено [29]) или же принесено теченіемъ воды [30]). Съ подобнаго рода мертвыхъ тѣлъ взыскивалась только явочная гривна (А. Э. Т. I, № 200).

Эта отвѣтственность общинъ за убійство, совершенное на земляхъ имъ принадлежащихъ, существуетъ во все продолженіе 16 и 17 столѣтій [31]) По закрѣпощеніи крестьянскаго сословія, мы видимъ, что крестьяне, поселенные на земляхъ извѣстнаго помѣщика, сообща платили поголовныя деньги [32]).

Платежъ поголовныхъ денегъ признается еще повоуказанными статьями 1669 года: а по убиственнымъ дѣломъ и на чьей землѣ убитыхъ людей тѣла подняты будутъ, поголовныхъ денегъ имать съ

подозрѣніе въ укрывательствѣ преступника, повело мало-по-малу къ уничтоженію самой отвѣтственности общинъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Прѣчекъ (das Recht in Böhmen und Mähren II Abtheilung S. 138). Halsrechtige Beamte haben es im Laufe der Zeit dahin gebracht, dass die Zahlung einer solchen Gebüsse auch dann auferlegt wurde, wenn ein todtes Haupt, ein Leichnam ueberhaupt, innerhalb der Gemarkung eines Ortes aufgefunden wurde, so dass die Gemeinbuergschaft nach gerade eine unerlaegliche Last bildete . . . . . Die geistlichen Koerperschaften waren eifrig bestrebt, ihre Untergebenen von dieser Last zu befreien.

Распространеніе отвѣтственности общинъ въ Турціи и на тѣ случаи, когда въ смерти никто не повиненъ, Прѣчекъ называетъ »eine unberechtigte Ausartung des Instituts der Gemeinbuergschaft. Объ этомъ Вукъ Стефановичъ (Сербски рѣчникъ) говоритъ слѣдующее: Крвнина се не плаща само (только) кадъ човекъ убіе човека, него (но) и кадъ човекъ умре на путу одъ кме, кадъ се утопи у воду какъ падне съ дрвета (дерева), или съ копя, те (и) сломи врать (шею); или од нита му (раго (отъ чего бы то ни было) онъ умръо, само кадъ га (его) надю на путу или у полю мртва (такови се човекъ не сміе пріе саранити [похоронить быть] докъ [пока] не додю Турци. да га чине тѣшъ [осмотръ]).

[29]) Ак. Экси. Т. I, № 200, 208, 217.

[30]) Ак. Эк. Т. I № 143, 150. Ак. Ист. Т. 1, 125.

[31]) Объ отношеніи этой обязанности общинъ (сыскать преступника или же заплатить пеню) къ повальному обыску, для котораго она подготовила почву, мы поговоримъ ниже.

[32]) Срав. Акт. относящ. до юрид. быта древней Россіи. Томъ I. Спб. 1857 № 102, стр. 627—655. Дѣло объ убійствѣ крестьянина Ивана Потапова.

убивства по четыре рубли по четыре алтына по полуторы деньги (П. С. З. № 441, ст. 124) [33].

Наравнѣ съ этой обязанностью выдавать преступниковъ правительству, въ древней Россіи мы встрѣчаемся съ обязанностью общинъ помогать частнымъ лицамъ при поимкѣ преступниковъ. Это два слѣдствія одного и того же начала.

Еще Русская Правда постановляетъ относительно преслѣдованія татя:

Не боудеть ли татя, то по слѣду женоуть; оже будеть слѣдъ къ селу или къ товару, а не отсочать отъ себи слѣду и ни идоуть на слѣдъ, или отбьются, то тѣмь платити и татьба и продажа, а слѣдъ гонить съ чюжими людьми и съ послухы, а еже погоубять слѣдъ на гостинници на вечи, а села не боудеть, или на поустѣ, гдѣ же не будеть ни села, ни люди, то не платити ни продажи, ни татьбы. Ст. 88 Карамзинскаго списка.

Эта обязанность общинниковъ и сосѣдей вообще признается и позднѣйшими памятниками—жалованными грамотами (ср. Ак. Э. Т. I, № 18 и 20), уставною книгою разбойнаго приказа (Ак. Ист. Т. III, № 167 ст. 25), уложеніемъ (Гл. XXI, ст. 59 и новоуказными статьями (П. С. З. 441, ст. 57) [34]. Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и у другихъ славянскихъ народовъ.

Такъ Вислицкій статутъ постановляетъ въ ст. 49 о злодѣѣ: имаеть быти погоня за нимъ отъ сусѣдъ. Наготъ, кметь, жаловаль на своихъ сусѣдовъ, ижъ ему въ ночи конь украденъ. Просилъ, абы съ нимъ во слѣдъ пошли за злодѣемъ, и они не хотѣли, а тому ему конь изгинулъ. Мы сказуемъ, сусѣдомъ, на комъ та вина, копя заплатить.

---

[33]) Ср. также: Старинные акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ описанію города Шуи. Спб. 1853. № 198. Грамота царя Петра Алексѣевича въ 1699 году стольнику Нарошьеву о томъ, чтобъ съ шуянъ не брать поголовныхъ денегъ, когда на землѣ ихъ найдутся мертвыя тѣла.

[34]) Срави. также: *a*. Акты Юридическіе. Спб. 1838 г. № 334. Наказы монастырскимъ прикащикамъ. П. А. гдѣ въ монастырской вотчинѣ, въ селѣ или въ деревни, покрадуть или разобьють, и на слѣдъ и въ погоню кто не пойдетъ, и на тѣхъ людехъ имать тѣ къ пени на монастырь, что выше сего писано. Постановленіе это относится къ 17-му вѣку. *b*. Доп. къ Ак. Ист. Т. V. № 62.

Подробныя постановленія по этому предмету содержитъ сборникъ древнѣйшаго польскаго права, о которомъ мы говорили выше. Изъ него мы усматриваемъ, что въ случаѣ убійства, грабежа или кражи, сосѣди должны были вмѣстѣ съ потерпѣвшими отъ преступленія гнаться слѣдомъ за преступникомъ. Если слѣдъ приводилъ къ какой-нибудь деревнѣ, то сія послѣдняя обязана была принять участіе въ погонѣ и т. д., до тѣхъ поръ, пока преступникъ не будетъ пойманъ [35]).

Подобнаго рода обязанность долгое время существовала въ Чехіи. Она отмѣнена только Правомъ Конрада, постановляющимъ въ § 25, что никто не обязанъ прибѣгать на крикъ о помощи (ad clamorem communem, qui vulgariter nastojte nominatur), и прибавляющимъ въ § 26: Si vestigia rei furtivae secus aliquam villam deperierint, eadem villa occasione eiusdem furti nullatenus puniatur [36]).

Далѣе, обязательная для сосѣдей погоня за преступникомъ извѣстна и Хорвато-Далматскому законодательству.

Такимъ образомъ результатомъ нашихъ предъидущихъ изслѣдованій являются слѣдующія положенія.

Древняя славянская община принимала дѣятельное участіе въ преслѣдованіи преступниковъ: она обязана была 1) въ извѣстныхъ случаяхъ сыскать и выдать виновнаго правительству, 2) способствовать частнымъ лицамъ преслѣдовать преступниковъ, выходя по востребованію на слѣдъ. За неисполненіе сей обязанности она подвергалась извѣстной денежной пени. Слѣдовательно, въ постановленіяхъ Русской Правды о дикой вирѣ, о платежѣ продажи при неотысканіи татя, о выдачѣ преступниковъ князю, слѣдуетъ видѣть не высочай-

---

[35]) Cp. das älteste polnische geschriebene Rechtsdenkmal. Cap. 8. So gliches wis, wirt ein man geslagen by eynem dorfe unde mogen ze den nicht gevaen, der den schaden hat getan, zo folgen ze mit geschrey zcu eynem andirn dorfe, so entsteden ze keine not dor umbe, zo mus abir den das dorf vorbas mit geschrey volgen zcu eynem andern dorfe, unde also mus ichlich dorf volgen eyns zcu dem andern, also lange bis der gevangen wirt, der den schaden hat getan; welch dorf nicht envolget, zcu dem das geschrey alsus kumpt, dasz mus gelden den toten. Czu derselben wyse volget man ouch umbe roub adir umbe dube von gegenote zcu gegenote von dorfe zcu dorfe, als hy vorgesprochen ist. . . . .

[36]) Срав. Ирѣчекъ das Recht in Boehmen und Mähren Abth. I, S. 58 и его же: о жупныхъ судахъ, переводъ въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книга VI. 1861 г. (стр. 41).

шее проявленіе полноправности общинъ, но проявленіе извѣстнаго рода ограниченія этой полноправности. Выдача преступниковъ является не правомъ, *но* обязанностью *общинъ.*

Далѣе, этою обязанностью только мало-по-малу начинаютъ облагаться сложныя изъ общинъ единицы (opola польскаго, околина сербскаго права).

Общинную пеню уплачиваютъ только члены извѣстной общины (или общинъ, изъ которыхъ слагалась сложная облагаемая пеней единица), а не всѣ живущіе въ извѣстномъ округѣ лица.

---

§ 2. *Участіе общины въ судѣ о частныхъ правонарушеніяхъ. Возникновеніе въ этомъ порядкѣ судопроизводства доказательства посредствомъ повальнаго обыска.*

Въ предыдущемъ § мы видѣли, что во времена Русской Правды весьма немного преступныхъ дѣяній облекаются (и то только въ извѣстной степени) уголовнымъ характеромъ. Только относительно этихъ признанныхъ княжескою властью особенно опасными правонарушеній, княжескій намѣстникъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было истца, могъ поднять искъ и требовать отъ общины выдачи виновнаго 37). Всѣ остальныя правонарушенія принадлежали къ общему ряду частной неправды и вѣдались исключительно обвинительнымъ порядкомъ судопроизводства. Долгое время, даже въ важнѣйшихъ преступленіяхъ противъ собственности, обиженный пользовался неограниченнымъ правомъ поднять или не поднять искъ противъ обидчика. Такъ, миръ съ ворами считался дѣломъ вполнѣ дозволеннымъ 38).

Въ до-княжеское время эти правонарушенія вѣдались, какъ и всѣ остальныя, судомъ общины. Съ пришествіемъ князей и въ этомъ отно-

---

37) А такъ какъ это было сопряжено и съ его личнымъ интересомъ, то можно сказать навѣрное, что въ рѣдкихъ случаяхъ это требованіе не имѣло мѣста.

38) Этотъ принципъ вполнѣ признается псковскою судною грамотою (А на татіи и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти) и новгородскимъ законодательствомъ (такъ договорныя грамоты Новгорода съ князьями воспрещаютъ симъ послѣднимъ« замышляти самосудъ въ области новгородской«).

ніи полноправность общины ограничивается, ибо въ Русской правдѣ мы встрѣчаемся не только съ судомъ общины (судомъ на торгу, судомъ 12 мужей) 39), но и съ судомъ князя и княжихъ мужей.

Однакожъ, не смотря на то, что такимъ образомъ власть судебная изъ рукъ общины мало-по-малу переходила въ руки князя и его чиновниковъ, народъ не потерялъ вліянія на отправленіе правосудія. Не говоря уже о томъ, что въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ представители общины судили купно съ княземъ, и приговоръ судебный составлялся по взаимному соглашенію князя и этихъ представителей 40); община постоянно присутствовала на судѣ княжихъ мужей, производившемся на княжемъ дворѣ, и свидѣтельство ея давало перевѣсъ той или другой сторонѣ. Въ постановленіяхъ Русской Правды мы часто встрѣчаемся съ этимъ свидѣтельствомъ общины міра въ отличіе отъ свидѣтельства отдѣльныхъ личностей, видоковъ и послуховъ 41). Равнымъ образомъ и судъ въ заключь Псковской судной грамоты

---

39) Какъ мы имѣли уже случай замѣтить, разновременные списки правды указываютъ на постепенное ограниченіе общиннаго суда: Такъ статья »о запрещіи купъ«, въ которой, по древнѣйшему (академическому) списку, говорится объ »изводѣ предъ 12 человѣка«, одномъ изъ видовъ общиннаго суда, по новѣйшимъ спискамъ читается совершенно иначе, упоминаетъ о послухахъ и такимъ образомъ указываетъ на то, что въ то время, когда составлялись новѣйшіе списки, »изводъ предъ 12 человѣка« уже не существовалъ.

40) Такъ, въ правой грамотѣ Спѣтогорскому монастырю на проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ, опредѣленіе суда изложено слѣдующимъ образомъ: И потому *князь псковскій Ярославъ Васильевичъ и посадники степенные Левонтей Тимовѣевичъ и Степанъ Максимовичъ, и соцкіе*, игумена Тарасія Богородского и всѣхъ старцевъ Спѣтогорскихъ, въ шестой части въ Перервѣ рѣки, у проѣзду, *оправилома*.

41) Такъ, всякій разъ какъ Правда говоритъ о »людіяхъ« и ихъ свидѣтельствѣ, она говоритъ о свидѣтельствѣ общины, ибо слово »людіе« часто употребляется въ Правдѣ вмѣсто слова вервь—община. Тоже самое замѣчаетъ Пахманъ (о судеб. док. стр. 19), хотя и не рѣшается прямо высказаться, ибо по его мнѣнію слово »людіе« является въ Русской Правдѣ и въ смыслѣ простыхъ свидѣтелей—послуховъ и видоковъ,—и замѣняется въ нѣкоторыхъ спискахъ сими послѣдними выраженіями. Но, если принять къ свѣдѣнію характеръ списковъ, въ которыхъ вмѣсто »людіе« читаемъ »послухи« или »видоки«, то сомнѣнія Пахмана уничтожаются сами собою. Варіантъ этотъ главнымъ образомъ встрѣчается въ двухъ спискахъ 17 вѣка (Оболенскомъ и Толстовскомъ IV), которые, по справедливому замѣчанію Н. В. Ко-

слѣдуетъ считать ничѣмъ инымъ какъ свидѣтельствомъ общины. Здѣсь къ собравшимся на сходку общинникамъ обращались съ вопросомъ: не знаютъ-ли они чего о разсматриваемомъ дѣлѣ?

Съ теченіемъ времени это свидѣтельство общины отступаетъ однакожъ все болѣе и болѣе на второй планъ, ибо подъ конецъ удѣльно-вѣчеваго времени уже не вся община, а только ея представители присутствуютъ на судѣ; въ системѣ доказательствъ начинаютъ преобладать поле и присяга; даже выставленные сторонами свидѣтели должны подтвердить достовѣрность своихъ показаній полемъ.

Только въ спорахъ о поземельной собственности мы встрѣчаемся съ древнимъ свидѣтельствомъ общины [42], продолженіе существованія котораго обуславливается здѣсь самимъ характеромъ дѣлъ. Ибо, кто лучше могъ востановить спорныя, означенныя большею частью живыми урочищами границы, какъ не окольные сосѣди? Это показаніе общины — міра, окольныхъ людей, слѣдуетъ различать отъ показанія стариковъ, т. е. заранѣе указанныхъ тяжущимися сосѣдей старожильцевъ. Сіи послѣдніе,—тоже часто упоминаемые въ дѣлахъ о поземельной собственности,—за исключеніемъ качества, выражаемаго ихъ названіемъ, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свидѣтелей, между тѣмъ какъ свидѣтельство окольныхъ сосѣдей является свидѣтельствомъ лицъ впередъ не поименованныхъ, коллективнымъ показаніемъ членовъ извѣстной общины или извѣстнаго округа 43). Далѣе, слѣдуетъ различать

лачева, представляютъ содержаніе Русской Правды отчасти въ сокращенномъ видѣ противъ другихъ списковъ второй фамиліи, а отчасти съ опущеніемъ противъ нихъ же нѣкоторыхъ статей. Изъ болѣе древнихъ списковъ одинъ только Пушкинскій имѣетъ вышеупомянутый варіантъ, но это не можетъ вызвать сомнѣній на счетъ первоначальнаго значенія слова »людіе«, ибо, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Калачевъ, большинство варіантовъ Пушкинскаго списка опровергается отличнымъ отъ нихъ чтеніемъ большинства списковъ древнихъ и новыхъ.

42) Объ этомъ свидѣтельствѣ общины въ спорахъ о поземельной собственности упоминаютъ древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ правыхъ грамотъ (Ср. напр. Ак. Юр. изд. 1838 г. № 6. Здѣсь обыскивается »людьми добрыми, всею волостью«).

43) Впрочемъ, иногда и старожильцы не были впередъ поименованы. Такъ, когда тяжущіеся слались на старожильцевъ извѣстной околицы. Напр. въ дѣлѣ Муромскаго монастыря игумена Лаврентія съ Палеостровскимъ игуменомъ Корнилiемъ одна изъ сторонъ шлется на стариковъ семи погостовъ (Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обо-

показаніе окольныхъ людей отъ свидѣтельства общины. Первое создалось изъ послѣдняго слѣдующимъ образомъ: иногда, смотря по дѣлу, допрашивалась не одна община, но нѣсколько общинъ—цѣлый околодокъ. Это все болѣе и болѣе становилось правиломъ и такимъ образомъ создался порядокъ обыска окольными людьми, обыска въ повалъ или повальнаго обыска. Въ слѣдствіе этого обыскъ теряетъ характеръ общиннаго и превращается въ обыскъ земскій, какъ его называютъ Палеостровскіе акты (стр. 143), т. е. становится не показаніемъ юри-

---

нежскомъ краѣ, стр. 142. Чтенія въ общ. истор. и древ. Книга I за 1868 г.). Здѣсь старожильцы составляютъ нѣчто среднее между простымъ свидѣтельскимъ показаніемъ и обыскомъ окольными людьми. Но въ большей части случаевъ старожильцы впередъ означались сторонами (Ср. напр. Ак. Юр. изд. 1838 г. № 8 и 9. и Ак. Юрид. изданные подъ ред. Калачева. Томъ I. № 52. II и III). Иногда даже эта именная ссылка на старожильцевъ предпочиталась княжескими чиновками безименной въ обыскъ. Такъ напр. въ 1530 г. тіунъ Двинскаго намѣстника, Григорій Бельтіевъ, обвиняетъ отвѣтчиковъ въ одномъ дѣлѣ потому что они послались на правду, на сусѣдъ своихъ и на всю волость, а именемъ не сказали ни кого (Ак. Юр. изд. 1838 г. № 18). Иногда обыскъ употребляется совмѣстно съ показаніями старожильцевъ (такъ напр. когда показанія старожильцевъ оказываются недостаточными для раскрытія истины, или когда противная сторона утверждаетъ, что выставленные старожильцы—послухи лживые. [Ср. Палеостровскіе Акты стр. 142—43]). Впрочемъ, иногда самъ ходъ доказательства посредствомъ старожильцевъ наводилъ на повальный обыскъ. Такъ напр. въ случаѣ разногласія выставленныхъ сторонами старожильцевъ спрашивалось: не вѣдомо-ли еще кому-нибудь? и выводилось еще извѣстное число старожильцевъ (Ср. напр. отводную грамоту на спорныя земли въ Гороховскомъ уѣздѣ. Временникъ Общ. Ист. и Древ. Книга 18. Смѣсь. стр. 33). Такимъ образомъ привлекалось все болѣе и болѣе старожильцевъ къ дѣлу. Естественно, что, когда, не смотря на все это, дѣло все-таки не разъяснялось, а весь запасъ старожильцевъ уже истощился, сторона, на которой лежала обязанность привести доказательства, на вопросъ судьи »чимъ еще уличаешь«, отвѣчала »шлюся, господине, во обыскъ, въ земской, на столько-то погостовъ, на старость и на людей добрыхъ.

Замѣчательно то, что въ дѣлахъ о поземельной собственности доказательство посредствомъ старожильцевъ употребляется наравнѣ съ повальнымъ обыскомъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ, а иногда даже смѣшивается съ нимъ (Ср. напр. Ак. Ист. Томъ I № 248, А. Ю. изд. подъ редакц. Калачева, Томъ I. № 72. IV. Докладъ царю въ засѣданіи бо- . и воспослѣдовавшее рѣшеніе).

дическаго лица—общины, по показаніемъ живущихъ въ извѣстномъ округѣ лицъ, данным по поводу безименной на нихъ ссылки.

Этотъ повальный, земскій обыскъ, начинаетъ примѣняться не только въ межевыхъ дѣлахъ и спорахъ о поземельной собственности, но и въ другихъ дѣлахъ. Первоначально примѣненію этому способствовало главнымъ образомъ то обстоятельство, что къ иску о поземельной собственности или о межахъ присоединялся почти всегда искъ о *бои и грабежѣ* 44). Хотя искони и считалось правиломъ (и правило это напр. торжественно признано Новгородской судной грамотою), каждый искъ судить отдѣльно 45), но эта связь, въ которую тяжущіеся ставили оба иска, не могла не вліять на способъ ихъ разрѣшенія и на приводимыя въ оныхъ доказательства. Въ послѣдствіи времени введенію повальнаго обыска во всѣ гражданскіе процессы способствовало духовенство, которое видѣло въ немъ свидѣтельство многихъ людей, упоминаемое въ законѣ судномъ людямъ, и считающееся этимъ памятникомъ необходимымъ условіемъ постановленія приговора 46). Въ слѣдствіе этого церковь и даетъ не отличаемому ею отъ простаго свидѣтельскаго показанія повальному обыску первое мѣсто въ системѣ доказательствъ постановленіями Стоглава о судѣ святительскомъ.

Вотъ слова Стоглава:

О архимандритахъ и о игуменахъ, и о священникѣхъ и о діаконѣхъ и всемъ священническомъ и иноческомъ чину. Въ духовныхъ и во всякихъ, дѣлѣхъ кто на нихъ чего взыщетъ, или они сами взыщутъ своихъ обидъ и прочихъ дѣлъ: а о которомъ дѣлѣ можно будетъ по суду обыскомъ обыскать, и о томъ дѣлѣ послати да велѣти обыскомъ обыскати, многими послухи и достовѣрными свидѣтели, съ очи на очи, по Евангельскому словеси »передъ двѣма или предъ трема свидѣтели да станетъ всякъ глаголъ«, да потому и управу чинити безъ цѣлованія и безъ поля; наипаче же грѣховная вины судятся по священномъ правиломъ ни ротою ни клятвою, но достовѣрными свидѣтели и многыми послухи.

---

44) Палеост. Акт. стр. 140.

45) Сравни также: Ак. Юрид. № 17. Здѣсь »Князь Великій Василей Ивановичъ«, постановивъ рѣшеніе относительно паѣзда и грабежа, въ спорѣ о землѣ даетъ розъѣздщика тяжущимся.

46) Гл II. Во всяку прю и клеветы и шепты достоитъ князю и судіи не послушати безъ свидѣтель многъ.

Замѣчательны эти слова Стоглава: они показываютъ, что духовенство, стремясь уничтожить доказательство посредствомъ поля и ввести доказательство посредствомъ свидѣтелей, долгое время не находило въ народной жизни института могущаго быть отождественнымъ съ свидѣтельскимъ показаніемъ (послухи для этого не годились, ибо должны были потвердить свое показаніе полемъ), и наконецъ остановилось на обыскѣ окольными людьми, выработавшемся изъ свидѣтельства общины, и отождествивъ его съ доказательствомъ посредствомъ свидѣтелей каноническаго права, отвело ему первое мѣсто въ системѣ доказательствъ суда святительскаго.

Съ этихъ поръ обыскъ примѣняется духовною властью: 1) въ дѣлахъ чисто духовныхъ, 2) въ дѣлахъ грѣховныхъ, т. е. по преступленіямъ, подлежащимъ вѣдомству церкви, 3) въ дѣлахъ по преступленіямъ должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства 47) и 4) въ дѣлахъ гражданскихъ, въ которыхъ одною изъ сторонъ является лицо духовное или подчиненное церкви 48).

---

47) Стоглавъ говоритъ:

А который боярин или дворецкій или десятильникъ или діакъ черезъ судебникъ лишнее возъметъ или посулъ: и о томъ, обыскавъ тѣми старостами и священники, которые съ ними въ судѣ сидятъ, и иными добрыми людьми. . . . . И далѣе: А которые тіуны и недѣльщики стакався съ блудниками и съ ябедницами учнутъ дѣла составляти . . . и Святителю о томъ, обыскавъ извѣстно добрыми свидѣтели. . . .

48) На основаніи рѣшеній Стоглаваго собора обыскъ повсемѣстно вводится церковью и примѣняется къ самымъ разнообразнымъ случаямъ. Такъ, въ Ак. Экп. (Т. I. № 229) въ соборныхъ приговорахъ по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ читаемъ: а бояромъ къ полемъ и къ цѣлованью попомъ не присужати, обыскивати о всякихъ дѣлѣхъ обыскомъ. . . . . А на выходъ священникомъ и впередъ ходити по старинѣ . . . . . а скажетъ которой и онъ на выходъ не поспѣлъ боля для, или родильницы, или которые иные для нужи, ино про него послать въ улицу обыскати въ его приходѣ людьми добрыми: и обыщутъ про него, что онъ на выходѣ не былъ для нужи, и на тѣхъ священницѣхъ заповѣди не имати, а который священникъ солжетъ, прихожане по немъ въ обыску не молвятъ, и на томъ священникѣ заповѣди имати по старинѣ, по гривнѣ, да хоженое.

Ср. также Ак. Эк. Т. I, № 231, гдѣ читаемъ: а будетъ неправда въ судѣ и всякая хитрость и продажа въ десятильникѣ и въ земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ и въ поповскихъ старостахъ и десятскихъ священникахъ, а доведутъ на нихъ многими свидѣтели и тѣмъ всѣмъ быти отъ меня Царя и В. К. въ великой опалѣ.

Если же въ иныхъ дѣлахъ »по суду свидѣтелей нѣтъ и обыскати не мощно«, то и тогда Стоглавъ не допускаетъ поля и присяги, но повелѣваетъ »кинути жребій«. Наконецъ Стоглавъ высказываетъ общее правило: а крестнаго цѣлованія и поль священническому и иноческому чину не присужати ни въ которыхъ дѣлѣхъ, по священномъ правиломъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ судьи да судятъ по царскымъ закономъ.

Хотя въ этихъ послѣднихъ словахъ и содержится исключеніе, но легко замѣтить по смыслу всего постановленія, что это исключеніе уступка со стороны духовенства, уступка, которую оно не одобряло.

Такимъ образомъ Стоглавъ ввелъ повальный обыскъ только въ такія дѣла, къ которымъ такъ или иначе было причастно духовенство: въ свѣтскихъ судахъ попрежнему примѣнялось поле и присяга (въ душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ даже и при участіи въ дѣлѣ духовныхъ лицъ).

Но, не смотря на все это, духовенство не могло не стараться все-таки уговаривать своихъ прихожанъ и въ свѣтскихъ судахъ слаться съ суда на обыскъ, а не просить поля или крестнаго цѣлованія [49]). И вотъ, въ процессахъ гражданскихъ истцы часто стали слаться съ суда на обыскъ [50]). Судьи сперва не отказывали имъ въ этомъ и посылали обыскивать, но то обстоятельство, что въ обыскахъ обыскные люди иногда лгали, »стакався семьями и заговорами«, вызвало сомнѣнія въ судахъ: они, то посылали вновь обыскивать, то »присужали поле и крестное цѣлованіе« [51]). Наконецъ, судьи, незная что дѣлать,—такъ какъ это было дѣло новое,—просили на основаніи 98 статьи Царскаго Судебника разрѣшенія отъ верховной власти, которое и воспослѣдовало въ знаменитомъ законѣ 21 августа 1556 года [52]).

---

[49]) О желаніи духовенства устранить поле изъ системы судебныхъ доказательствъ, равно какъ и о совѣщаніяхъ происходившихъ по этому поводу между Іоанномъ IV и отцами, собравшимися на соборъ, находимъ превосходное изложеніе въ сочиненіи Пахмана о судебныхъ доказательствахъ (стр. 184—185).

[50]) Сравн. А. И. Т. I, № 154 V. 1.

[51]) Ibidem.

[52]) Этимъ закономъ введенъ повальный обыскъ во всѣ гражданскіе процессы. До этого времени обыскъ примѣнялся только въ денежныхъ искахъ волостныхъ людей для удостовѣренія судьи въ томъ,

Не смотря на то, что »въ обыскѣхъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими«, царь не велитъ »присужати поль, а обысковъ отставливати«.

А для того, чтобы въ обыскѣ не лгали, за лживыя показанія угрожается тѣмъ же наказаніемъ, которое постигаетъ обыскныхъ людей, давшихъ ложное показаніе въ обыскахъ по дѣламъ розыскнымъ.

По всей вѣроятности эта ссылка на розыскъ и навела нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что въ дѣла, разбираемыя формою суда, обыскъ заимствованъ изъ розыскныхъ дѣлъ.

Но этого принять нельзя по слѣдующимъ причинамъ:

1) Обыскъ въ извѣстнаго рода дѣлахъ судебныхъ явленіе исконное, своеобразно выработанное народною жизнію, а потому и не заимствованное изъ розыскнаго процесса, гдѣ, какъ увидимъ ниже, обыскъ въ поваль образовался гораздо позднѣе, и служилъ выраженіемъ совсѣмъ иной идеи.

2) Порядокъ производства обыска заимствованъ закономъ 1556 скорѣе изъ практики духовныхъ судовъ, да и весь характеръ обыска закона 1556 года болѣе сходенъ съ характеромъ обыска Стоглава, чѣмъ съ характеромъ обыска губныхъ грамотъ. Въ законѣ 1556 г. мы встрѣчаемся, напр., съ тѣмъ же отождествленіемъ повальнаго обыска и простаго свидѣтельскаго показанія, о которомъ мы говорили при разборѣ постановленій Стоглава, ибо въ этомъ законѣ *именная* ссылка на многихъ людей считается обыскомъ, и упоминается о ссылкѣ *въ обыскъ не на многихъ людей, человѣкъ на пять и на шесть*. Наконецъ,

3) Правила относящіяся до порядка производства обыска, равно какъ и до его вліянія на постановленіе рѣшенія, для судебныхъ дѣлъ, вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ, опредѣлены закономъ 21 авг. 1556 года, между тѣмъ какъ подобное нормированіе повальнаго обыска розыскнаго процесса состоялось въ гораздо позднѣйшее время и изданныя

что истецъ ищетъ »по своимъ животомъ«, или же, если истецъ говоритъ, что у него былъ животъ чужой, то для того чтобъ узнать: »былъ ли у него чужой животъ, и было ли столько того живота? (Ср. Цар. Судебникъ ст. 72 и 73). Впрочемъ здѣсь обыскъ употребляется по необходимости; это можно заключить изъ того, что въ городахъ тѣже самыя дѣла повелѣно »сыскивати розметными книгами, сколько онъ рублевъ отъ своего живота подати даетъ.

по этому поводу правила во многомъ отличаются отъ изложенныхъ въ указѣ 1556 года.

Въ виду только-что приведенныхъ доказательствъ, вышеупомянутая ссылка на розыскъ не имѣетъ значенія, ибо она, если не стараться придать ей особый смыслъ, указываетъ только на то, что наказанія за ложныя показанія стали примѣняться въ повальномъ обыскѣ розыска гораздо ранѣе, чѣмъ въ повальномъ обыскѣ суда. Не имѣетъ также значенія и то обстоятельство, что въ законѣ 21 авг. 1556 года находятся опредѣленія, относящіяся къ повальному обыску розыска, ибо это явленіе объясняется характеромъ этого закона, какъ протокола 53).

Разсмотримъ же этотъ порядокъ повальнаго обыска въ дѣлахъ судебныхъ, ибо это необходимо для сравненій съ повальнымъ обыскомъ розыска—главнымъ предметомъ нашихъ изслѣдованій.

Законъ 21 авг. 1556 года преимущественно говоритъ о судопроизводствѣ въ приказахъ:

»А которые исцы и отвѣтчики передъ бояры и во всѣхъ приказѣхъ etc.« 54).

При этомъ различается:

a. Ссылка именная на многихъ людей. Здѣсь судьямъ повелѣвается посылать обыскивать къ старостамъ и цѣловальникамъ и по этимъ обыскамъ »вершити дѣло безъ поль и крестнаго цѣлованія«. Обыскивается всѣми людьми, на которыхъ слалась тяжущаяся сторона, »опричъ родовъ и заговоровъ«. Это исключеніе, которое какъ увидимъ ниже, въ томъ же засѣданіи боярской думы введено и для дѣлъ уголовныхъ, уже давно извѣстно было судамъ духовнымъ изъ примѣнявшагося въ нихъ грекоримскаго права 55).

---

53) А именно: этотъ законъ, какъ и всѣ остальные дополнительные къ судебнику указы, не что иное какъ протоколъ боярской думы; въ немъ мы находимъ докладъ и опредѣленіе по всѣмъ дѣламъ докладывавшимся царю, и имъ разрѣшеннымъ въ засѣданіи 21 авг. 1556 года. Здѣсь соединены постановленія самыя разнородныя, и не имѣющія между собою очевидно никакой связи. Такъ, напр., вмѣстѣ съ статьями о повальномъ обыскѣ мы встрѣчаемся съ статьею о духовномъ судѣ, о не дѣйствительности той духовной, въ которой жена напишетъ мужа приказщикомъ.

54). Указъ 21 авг. 1556 г. ст. 3.

55) Такъ, объ устраненіи родственниковъ сторонъ отъ свидѣтельства, мы находимъ въ главахъ о послусѣхъ, приложенныхъ къ Попов-

На сколько намъ извѣстно, памятники до 1556 года подобнаго постановленія не содержатъ. Оно проникло сперва въ повальный обыскъ суда, а такъ какъ и въ повальномъ обыскѣ розыска начала сознаваться необходимость подобнаго рода постановленія, то оно стало примѣняться и въ дѣлахъ уголовныхъ 56).

скому списку Судебника, слѣдующе: Сынъ отцю, или отецъ сыну не послушествуетъ о каковой либо вещи (заимствовано это мѣсто изъ Прохирона Василія Македонянина *Υἱὸς πατρὶ ἢ πατὴρ υἱῷ οὐ μαρτυρεῖ, οὔτε οἱοσδήποτε ἐν ἰδίῳ πράγματι*).

Что же касается до заговора, т. е. уговора нѣсколькихъ лицъ, пріятелей одного изъ тяжущихся, дать одно и тоже заранѣе условленное показаніе, то и на это мы имѣемъ указаніе въ главахъ о послухѣхъ:

»А иже отъ сихъ разужаютъ судія, аще со вниманіемъ словеса простираютъ и тщатся смысленнѣ отвѣщевати. и какая равенства достоитъ пріимати«.

Это темное мѣсто читается въ кормчей (Законъ Градскій, грань $\overline{\text{кз}}$, о свидѣтелехъ $\overline{\text{н}}$) такъ:

О семъ же и разсуждаетъ судія, аще единаки рѣчи принесутъ, и аще противу вопрошанія послушно отвѣщеваютъ и которыя знаменія подобаетъ принимати.

Это два различные перевода одного и того же мѣста Прохирона Василія Македонянина именно tituli XXVII *Περὶ μαρτύρων.* 8. *Τὰ δὲ περὶ τούτου διακρίνει ὁ δικαστὴς, εἰ μίαν μεμελετημένην ὁμιλίαν προφέρουσι, καὶ εἰ πρὸς ἃς πεύσεις πιθανῶς ἀποκρίνονται, καὶ ποῖα τεκμήρια ὀφείλει πρόσδέχεσθαι*, т. е. и о слѣдующемъ да разсудятъ судьи: не даютъ-ли они (т. е. свидѣтели) одного и того же заранѣе выдуманнаго показанія, отвѣчаютъ-ли правдоподобно на вопросы, и какія доказательства слѣдуетъ принять?

Однимъ словомъ здѣсь между прочимъ вмѣняется суду въ обязанность изслѣдовать, не существуетъ-ли *заговора* между свидѣтелями. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и схолія къ приведенному нами постановленію въ Царскихъ книгахъ, гдѣ читаемъ: *Σημείωσαι, ὅτι ἐὰν πολλοὶ τοῖς αὐτοῖς ἐνὶ μαρτυρίᾳ χρήσονται ῥήμασιν, ὡς ἐκ μελέτης δοκοῦντες μαρτυρεῖν, παρέχουσι καθ' ἑαυτοὺς ψευδομαρτυρίας ὑπόνοιαν.* (Cp. Basilicorum Liber XXI. Tit. I. III. Nota 8). Источникомъ этого постановленія является lex 3. princ. Dig. de testibus.

56) Запрещеніе обыскивать заговорами и родами содержится, относительно дѣлъ судебныхъ въ ст. 2 закона 1556 г., а относительно дѣлъ розыскныхъ въ ст. 12 того же закона.

b. Ссылка безименная на многихъ людей. Это-то собственно и есть настоящій повальный обыскъ. Здѣсь предписывается старостамъ и цѣловальникамъ, получивъ »съ Москвы« предписаніе о производствѣ повальнаго обыска, »велѣти ѣздити къ обыскомъ многимъ людемъ и лутшимъ всѣмъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ, и ихъ приказщикомъ и крестьяномъ, и архимандритомъ и игуменомъ и попомъ и дьякономъ« 57). Кромѣ того къ обыску приглашались и посадскіе и городскіе люди.

Обыскъ производился старостою съ цѣловальниками. Недѣльщикъ или ѣздокъ, привезшій грамоту объ обыскѣ, при производствѣ сего послѣдняго присутствовать не могъ.

Обыскивать предписывалось »съ лица на лице«, т. е. необходимо было личное присутствіе дававшихъ показаніе: за очи обыскныхъ людей писать воспрещалось. Каждый обыскной писалъ свое показаніе самъ и прикладывалъ руку, а за неграмотныхъ подписывались отцы ихъ духовные. Такъ производился обыскъ по закону 1556 г. 58). За тѣмъ старосты составляли актъ о производствѣ обыска, и посылали его купно съ обыскными рѣчами »къ бояромъ въ ту избу, изъ которыя пошлютъ (т. е. въ обыскъ)«. Посылался этотъ актъ, подписанный старостами или ихъ отцами духовными (когда »кто грамотѣ не умѣетъ«), съ приложеніемъ печатей, при чемъ эти печати »имянно« описывались въ грамотѣ, и отдавались ѣздоку или недѣльщику.

Если всѣ обыскные люди говорили »въ одинѣ рѣчи«, то дѣло и вершилось по ихъ сказкѣ.

На случай разногласія законъ 21 авг. 1556 г. постановляетъ слѣдующее:

---

57) Это включеніе лицъ высшихъ чиносостояній въ повальный обыскъ суда заимствовано по всей вѣроятности изъ повальнаго обыска розыска: здѣсь уже начинается воздѣйствіе обоихъ учрежденій другъ на друга. До закона 1556 г. въ гражданскихъ дѣлахъ обыскивалось преимущественно волостными людьми.

58) Къ этимъ постановленіямъ о производствѣ обыска въ Татищевскомъ изданіи прибавлено: А лицеѣ и отвѣтчику и ихъ людямъ и пріятелемъ у обысковъ не быти и обыскныхъ людей не объѣзжати и не уговаривати: а сыщется про то, что онъ объѣзжалъ, и уговаривалъ, и онъ тѣмъ и виноватъ. Это позднѣйшая вставка, заключающая въ себѣ разъясненіе воспрещенія обыскивать родами и заговорами.

α. Если на одной сторонѣ 50 или 60 голосами больше чѣмъ на другой, то дѣло вершится по показаніямъ большинства. Однако подобнаго рода обыскъ не пользуется полнымъ довѣріемъ законодателя. Хотя дѣло и рѣшается на основаніи обыска, но потомъ мѣстному архіепископу или архимандриту или игумену вмѣняется въ обязанность развѣдать, которая сторона солгала. Донесеніе духовныхъ властей считается непогрѣшимымъ, и согласно этому солгавшіе подвергаются наказанію. Знаменательно это постановленіе, отдающее въ руки духовенства высшій контроль надъ правильнымъ отправленіемъ правосудія. Впрочемъ, кромѣ этого контроля со стороны духовныхъ властей, мы встрѣчаемся въ ст. 10 и 11 закона 21 ав. 1556 г. съ контролемъ землевладѣльцевъ надъ поведеніемъ поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ при производствѣ повальныхъ обысковъ. А именно: бояромъ, дьякомъ и дворянамъ предписывается приказать въ своихъ селахъ накрѣпко, чтобъ крестьяне въ обыскахъ не лгали, а говорили »вправду«; если же послѣ этого откроется, что крестьяне солгали, то и землевладѣльцамъ быти отъ Государя въ великой опалѣ«.

Впрочемъ отъ этой опалы они могли освободиться донесеніемъ, что крестьяне ихъ лгутъ въ обыскахъ.

β. Если обыскные люди раздѣлятся поравну (здѣсь подразумѣвается не настоящее равенство, но фиктивное, т. е. когда ни на одной сторонѣ не будетъ »человѣкъ пятьюдесять или шьтьюдесять больши«), то »по тѣмъ обыскомъ того дѣла не вершити, а посылати вдругіе на обыскъ«. Сей послѣдній обыскъ, который предписывается старостамъ и цѣловальникамъ производить »иными многими людьми«, имѣетъ главною цѣлью раскрыть, которая сторона солгала. Солгавшіе подвергались:

1. Тѣлесному наказанію; а именно: изъ ста человѣкъ выбирались пять или шесть лутшихъ людей и наказывались »кнутьемъ«, духовные отсылались для смиренія къ своимъ властямъ.

2. Взысканію судебныхъ пошлинъ (ѣздъ и прогоны) и проторей и убытковъ оправданной сторонѣ (проѣсть и волокита правому).

Кромѣ того, если »которыхъ людей пытаютъ по ложному обыску«, то этимъ людямъ солгавшіе въ обыскѣ должны были заплатить »безчестье вдвое«.

Этому же наказанію и этимъ же взысканіямъ подвергаются и тѣ, »которые въ обыскѣ въ одномъ дѣлѣ двои рѣчи говорятъ«.

c. Ссылка именная на немногихъ людей, человѣкъ на пять или на шесть.

Здѣсь различается два случая: 1) Когда людемъ этимъ »вѣрити будетъ не мочно«. Здѣсь предписывается »вершити по суду и по дѣлу что положено на судѣ, и 2) когда ссылкѣ »мочно вѣрити«, тогда »тоѣ правды не отставливати, а какъ скажутъ, потому и вершити безъ поля и безъ крестнаго цѣлованія«.

А »вѣрити мочно« было этому не многолюдному обыску только тогда, когда тяжущіеся слались на сановниковъ. Хотя и нельзя вполнѣ объяснить происхожденіе этого постановленія, но все въ немъ заставляетъ предполагать византійскія начала [59]).

Таковъ порядокъ повальнаго обыска, таковы гарантіи, представляемыя закономъ 1556 года для открытія истины.

Наши окончательные выводы изъ изложеннаго въ настоящемъ § слѣдующіе:

1) Повальный обыскъ въ дѣлахъ судебныхъ имѣлъ своеобразное развитіе. Онъ образовался мало-по-малу изъ свидѣтельства общины-міра.

---

59) Въ этомъ насъ убѣждаютъ и главы о послусѣхъ, разосланныя (какъ тому служитъ доказательствомъ списокъ Судебника, подаренный въ 1746 г. Императорской Академіи наукъ канцеляристомъ устюжской епархіи Иваномъ Поповымъ, и изданный Баиловымъ) по свѣтскимъ судамъ вмѣстѣ съ судебникомъ 1550 года. Здѣсь вполнѣ высказывается принципъ грекоримскаго права, по которому богатому и чиновному свидѣтелю всегда дается преимущество предъ неимущимъ и не знатнымъ. Не приводя другихъ постановленій, относящихся къ нашему предмету, обратимъ вниманіе на слѣдующую статью главъ о послусѣхъ:

Послухове, или сапъ или воинство, или ремесиство, или торговное имущеи, по истинѣ пріятни будутъ.

Постановленіе это находится въ Эклогѣ Льва Исаврянина и въ нѣкоторыхъ спискахъ Прохирона Василія Македонянина (напр. въ Codex Bodlejanus 264, Roe 18. [Ср. Zachariae. *ο προχειρος νομος* стр. 146, примѣчаніе 7]) и читается по гречески такъ: *οἱμάρτυρες ἢ ἀξίαν ἢ στρατείαν ἢ ἐπιτήδευμα ἢ εὐπορίαν ἔχοντες κατὰ πρόληψιν δεκτέοι τυγχάνουσιν.*

Остальныя постановленія мы приведемъ ниже, когда будемъ говорить о вліяніи ученія грекоримскаго права о свидѣтеляхъ на новоуказныя статьи 1669 года.

2) Повальный обыскъ примѣняется сперва только въ дѣлахъ о поземельной собственности и о межахъ. Введенію его во всѣ гражданскіе процессы способствуетъ главнымъ образомъ духовенство, уже въ Стоглавѣ признавшее его за наилучшее доказательство.

3) Этому покровительству со стороны духовенства повальный обыскъ обязанъ тому обстоятельству, что его легко было отождествить съ свидѣтельскимъ показаніемъ и такимъ образомъ сдѣлать изъ него могучее средство для вытѣсненія поля изъ системы доказательствъ и для введенія византійскихъ началъ въ тогдашнее судопроизводство.

4) Порядокъ повальнаго обыска для дѣлъ судебныхъ вполнѣ опредѣленъ указомъ 1556 года августа 21, между тѣмъ какъ подобное нормированіе для повальнаго обыска розыска состоялось въ гораздо позднѣйшее время. Слѣдственно эти два института, имѣвшіе различное происхожденіе, и въ началѣ московскаго періода получили различное развитіе.

5) На основаніи вышесказаннаго явствуетъ, что повальный обыскъ суда не заимствованъ изъ розыскнаго судопроизводства, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи.

Изложивъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ исторію возникновенія повальнаго обыска въ дѣлахъ судебныхъ, переходимъ въ слѣдующемъ § къ исторіи образованія повальнаго обыска въ розыскномъ порядкѣ судопроизводства.

---

§ 3. *Характеръ преслѣдованія преступленій до изданія губныхъ грамотъ. Возникновеніе повальнаго обыска въ дѣлахъ розыскныхъ.*

Въ предъидущихъ отдѣлахъ мы имѣли уже случай высказать мысль, что большая часть дѣяній, считающихся теперь преступленіями, относилась во времена Правды къ области частной (гражданской) неправды, и что въ послѣдующее время эти дѣянія только весьма медленно стали выдѣляться изъ общаго ряда частныхъ правонарушеній. Согласно этому и характеръ преслѣдованія остается долгое время преимущественно обвинительнымъ. Только при убійствѣ, какъ мы замѣтили выше, намѣстникъ княжій имѣлъ право начать дѣло и безъ истца.

Но съ теченіемъ времени частое повтореніе извѣстныхъ правонарушеній, обращеніе преступленія въ ремесло и возникающая отсюда опасность заставили Верховную власть подумать о реформахъ, ибо необходимы были болѣе энергическія мѣры преслѣдованія, другой порядокъ судопроизводства, посредствомъ котораго можно было-бы и безъ истца преслѣдовать и искоренять враговъ общественнаго порядка. Между тѣмъ въ дѣйствовавшемъ дотолѣ законодательствѣ мы находимъ только слабые зачатки подобнаго порядка преслѣдованія и то только относительно извѣстныхъ преступленій. Также и органы суда не соотвѣтствовали болѣе нуждамъ правосудія: намѣстники и волостели не раздѣляли воззрѣній Верховной власти на судъ, какъ на огражденіе общества отъ своевольства и самоуправства; они смотрѣли на него съ финансовой точки зрѣнія и имѣли главнымъ образомъ въ виду судебныя пошлины. А поэтому, когда имъ не выгодно было преслѣдовать преступниковъ, то они не только сами не начинали преслѣдованія, но даже не обращали никакого вниманія на жалобы частныхъ лицъ. Скажемъ болѣе, они иногда даже укрывали преступниковъ и были съ ними за одно, именно тогда, когда могли извлечь изъ этого какую-нибудь пользу.

Такъ жители Антропьевой слободы (Устюжскаго уѣзда), прося Грознаго объ уничтоженіи стана въ ихъ слободѣ, объясняютъ причины своей просьбы слѣдующимъ образомъ: и держать де имъ того стану не почему и того становаго двора ставити имъ не чѣмъ и держать его не кому, потому что де у нихъ въ той слободкѣ доводчикъ корчму держалъ сильно, а прежде сего у нихъ корчмы не бывало въ той слободкѣ; а та де ихъ слободка стоитъ на дорогахъ, на Велико-Пермской, и на Вятцкой, и на Вологодцкой, и съ тѣхъ де у нихъ дорогъ на тотъ становой дворъ, на корчму, приходятъ всякіе люди, тати и разбойники и костыри, и у того *доводчика* на корчмѣ пьютъ всегда, и тыхъ слободцкихъ людей бьютъ и грабятъ, и крадутъ, и проходу мимо тотъ дворъ слобожанамъ нѣтъ, потому, что многихъ людей до смерти бьютъ и тѣми людьми мертвыми ихъ подметываютъ, и чинятъ имъ убытки великіе, и впередъ отъ *того двора имъ жити не мочно* [60]).

Хорошо также рисуетъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій въ посланіи къ Ивану IV тогдашнее положеніе правосудія:

---

[60]) А. И. Т. I. № 299.

Потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ: въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія, въ домѣхъ и на путехъ и на торжищахъ убійства и грабленія, во градѣ и по погостамъ, великіе учинилися, прохода и проѣзду нѣтъ; кромѣ тобя, Государя, того душевнаго вреду и треволненія внѣшняго уставити нѣкому [61]). Эту просьбу приноситъ архіепископъ отъ имени клира и всѣхъ обывателей новгородской области: Да здѣсь, государь, подали мнѣ богомольцу твоему, священники и старосты, и всѣ люди твои Государевы отчины Новгорода жалобницы о своихъ земскихъ дѣлѣхъ, и язъ тѣ жалобницы послалъ къ тебѣ государю и ты бъ, Государь, Бога ради, свою отчину Новгородъ великій пожаловалъ, какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ. А язъ тебя благословляю и челомъ бью.

И Великій Государь, какъ мы увидимъ ниже, не оставлялъ безъ вниманія подобнаго рода жалобницъ своихъ подданныхъ и старался по по мѣрѣ возможности улучшить положеніе страны.

Но не такъ дѣйствовали предшественники Ивана IV: они не рѣшались преобразовать весь порядокъ преслѣдованія, но ограничивались частными мѣрами.

Разсмотримъ же эти частныя мѣры. Этимъ мы еще болѣе убѣдимся въ томъ, что до начала царствованія Іоанна IV повальный обыскъ въ дѣлахъ розыскныхъ не существовалъ.

Прежде всего обратило на себя вниманіе законодателей повтореніе преступленій; такъ уже въ древнѣйшей изъ уставныхъ грамотъ, въ Двинской, угрожается за совершеніе кражи въ третій разъ смертною казнію. Но эта мѣра мало помогала противъ отъявленныхъ преступниковъ, которые рѣдко попадались въ руки правосудія и относительно которыхъ нельзя было доказать, въ который разъ они совершили преступленіе, ибо для этого необходимо было указать на предъидущіе приводы съ поличнымъ. Для устраненія этого неудобства Іоаннъ III постановилъ въ своемъ Судебникѣ, что, если и при первомъ приводѣ съ поличнымъ пять или шесть достовѣрныхъ свидѣтелей покажутъ по Великаго Князя крестному цѣлованію, что приводный «тать вѣдомый и прежъ того неодинова крадывалъ», то онъ подвергается

---

[61]) Доп. къ Ак. Ист. Т. I. № 41.

смертной казни, наравнѣ съ тѣми, которые уже нѣсколько разъ были въ приводѣ съ поличнымъ.

Подобнаго рода свидѣтельскія показанія о поведеніи подсудимаго считались лучшимъ средствомъ для открытія истины и не только тогда, когда кто приводился съ поличнымъ, но и тогда, когда на кого-нибудь просто падало подозрѣніе въ совершеніи преступленія. Хотя въ семъ послѣднемъ случаѣ смертная казнь и не имѣла мѣста, но все-таки подсудимый считался обязаннымъ *безъ суда* уплатить убытокъ, понесенный истцомъ [62]).

---

[62]) Судебникъ Іоанна III Васильевича говоритъ: А на кого взмолвятъ дѣтей боярскихъ, человѣкъ пять или шесть добрыхъ, по В. К. крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять или шесть добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ, что онъ тать, а довода на него въ прежнемъ дѣлѣ не будетъ, у кого кралъ или кому татбу плачивалъ, ино на томъ взяти исцеву гыбель безъ суда. . . . . и далѣе, въ ст. о поличномъ: А съ поличнымъ его приведутъ впервые, взмолвятъ на него человѣкъ пять или шесть, по В. К. Крестному цѣлованію, что онъ тать вѣдомой и прежъ того неодинова крадывалъ, ино того казнити смертною казнью а исцево заплатити изъ его статка.

Нѣкоторые ученые не соглашаются съ изложеннымъ въ текстѣ объясненіемъ этихъ статей Судебника 1497 года: они видятъ въ нихъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, повальный обыскъ.

Но всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ исчезаютъ при чтеніи уставной Пермской грамоты 1553 (7062) года, въ которой такъ наглядно изложено постановленіе Судебника, что нельзя не согласиться, что здѣсь и рѣчи нѣтъ о повальномъ обыскѣ. А именно въ Пермской уставной грамотѣ читаемъ:

А кто у нихъ въ Перми будетъ лихіи люди тати и разбойники, душегубцы, зажигатели, ябедники и поклепцы; и наши пермскіе намѣстники по тѣхъ лихихъ людей Пермичемъ пристава даютъ, да велятъ ставити передъ собою съ Пермичи съ очей на очи, да ихъ съ ними судятъ. И на которыхъ людей Пермичи доведутъ (т. е. преступленіе, въ которомъ они нынѣ обвиняются), а скажутъ на него человѣкъ пять или шесть людей добрыхъ, по нашему крестному цѣлованію, что онъ лихой человѣкъ; и намѣстникъ нашъ того лихаго человѣка велитъ бить кнутомъ, да изъ земли его Пермичемъ велитъ выслать вонъ безденно (Срав. Временникъ общ. ист. и древностей. Книга 25. Матеріалы. Чердынскіе памятники, стр. 153).

Намъ возразятъ: но вѣдь эта грамота представляетъ постановленіе судебника въ измѣненномъ видѣ. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что измѣнены только условія примѣненія, а равно и послѣдствія подобнаго показанія, а не самый характеръ показанія.

Таковъ былъ въ древней Россіи порядокъ опредѣленія того обстоятельства, вѣдомый-ли лихой человѣкъ подсудимый или нѣтъ?

Но этимъ не гарантировалось еще преслѣдованіе сообщниковъ и укрывателей, и вотъ для этой цѣли законодатель постановляетъ, что въ случаѣ если татъ укажетъ на кого-нибудь, какъ на вора—своего сообщника или укрывателя, то слѣдуетъ, или пытать оговореннаго если при этомъ противъ него поднято будетъ еще какое-нибудь другое обвиненіе въ прежнемъ дѣлѣ съ *доводомъ*, или же, если подобнаго обвиненія не будетъ, то поступать по правиламъ древняго судопроизводства, т. е., обыскавъ домъ, вершить дѣло согласно этому обыску.

Казалось-бы, что такимъ образомъ преслѣдованіе преступленій было упрочено, и Верховная власть могла быть на этотъ счетъ совершенно спокойна; но всѣ эти нововведенія не устранили главнаго недостатка старой системы, а именно того, что инициатива въ дѣлѣ преслѣдованія оставалась, какъ и прежде, преимущественно въ рукахъ частныхъ лицъ, а поэтому уголовный искъ не могъ обратиться въ общій сыскъ преступниковъ (что дѣлалось все болѣе и болѣе самою настойчивою необходимостью современнаго общества въ слѣдствіе умноженія разбойниковъ), но по прежнему могъ быть обращенъ только противъ опредѣленнаго отвѣтчика, отъ котораго истецъ потерпѣлъ извѣстный вредъ.

Далѣе, и органы суда остались прежніе, и по прежнему смотрѣли только своего прибытка и не заботились о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ государствомъ. И вотъ съ самаго начала царствованія Іоанна IV со всѣхъ сторонъ посылались къ Государю жалобницы, и подавались эти жалобницы лицами разныхъ сословій, ибо отъ разбоевъ терпѣли въ то время одинаково какъ поселяне, такъ и духовенство, такъ и осѣвшіе въ то время, изпомѣщенные служилые люди. Въ отвѣтъ на эти челобитныя Государь отправлялъ къ челобитчикамъ обыщиковъ, которымъ повелѣвалось отыскивать разбойниковъ въ извѣстной мѣстности. Здѣсь преслѣдованіе уже не обращается противъ извѣстнаго, опредѣленнаго от-

---

Повальнаго обыска въ тѣ времена еще не было: да и въ Царскомъ судебникѣ только при приводѣ съ поличнымъ, это доказательство посредствомъ пяти или шести человѣкъ, людей добрыхъ замѣняется повальнымъ обыскомъ, при простомъ же обвиненіи въ кражѣ безъ поличнаго, влекущемъ за собой только уплату истцовой гибели, по прежнему играетъ первую роль это свидѣтельское показаніе: только число свидѣтелей увеличено, ибо ихъ требуется уже пятнадцать или двадцать человѣкъ.

вѣтчика—обвиняемаго, но противъ всѣхъ воровъ и злодѣевъ извѣстной мѣстности, которыхъ искоренить до послѣдняго поставила себѣ задачею верховная власть.

Содѣйствовать обыщику, вмѣстѣ съ нимъ отыскивать разбойниковъ, равно какъ и указывать ему на укрывателей злодѣевъ, обязаны были:

1) Общины той мѣстности, куда присланъ былъ обыщикъ. Обязанность эта была чѣмъ-то знакомымъ для народа. Мы видѣли, что славянскія общины искони обязаны были выдавать виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ на ихъ землѣ, ходить на слѣдъ за преступникомъ, присутствовать при вымкѣ поличнаго въ качествѣ понятыхъ. Новая же обязанность отличалась отъ старой тѣмъ, что относилась не къ кражѣ и убійству какъ прежде, но къ разбою, сдѣлавшемуся за послѣднее время особенно опаснымъ преступленіемъ, и тѣмъ, что дѣло шло здѣсь не объ отысканіи виновнаго въ какомъ-нибудь данномъ преступленіи, но объ общемъ сыскѣ злодѣевъ, тревожившихъ извѣстную мѣстность, причемъ не обращалось вниманія на мѣсто совершенія преступленій.

2) Лица, не принадлежавшія къ общинамъ, но жившія въ той мѣстности, куда посылался обыщикъ, т. е. духовенство и служилые люди. Они обязывались содѣйствовать обыщику, что потому,подавали вмѣстѣ съ другими челобитныя Государю на разбойниковъ и татей [63]).

Такимъ образомъ является учрежденіе повальнаго обыска въ дѣлахъ уголовныхъ, повальнаго обыска, состоявшаго первоналально въ сыскѣ преступниковъ извѣстной мѣстности посредствомъ допроса и присодѣйствіи всѣхъ жителей (земщины) этой мѣстности.

Этотъ земскій общій характеръ и есть отличительная черта повальнаго обыска отъ сыска преступниковъ вервью Русской Правды или сложными изъ общинъ единицами удѣльно-вѣчеваго періода.

---

[63]) Впрочемъ, въ этомъ привлеченіи служилаго сословія къ общему земскому дѣлу нельзя не видѣть и политическихъ мотивовъ со стороны Грознаго, желавшаго сплотить въ одно цѣлое служилыхъ людей писшихъ чиносостояній и народъ, и, опираясь на эту массу, уничтожить могущество высшихъ княжескихъ и именитыхъ родовъ. Правда, и эти роды участвовали въ повальныхъ обыскахъ, но по всей вѣроятности въ весьма ограниченномъ числѣ.

Но законодатель не остановился на посылкѣ обыщиковъ и созданіи повальнаго обыска, онъ передалъ въ руки народныя весь судъ и расправу надъ разбойниками, власть наказывать злодѣевъ. А свершилось это слѣдующимъ образомъ: большая часть лицъ, долженствовавшихъ содѣйствовать обыщикамъ, не содѣйствовали имъ по той простой причинѣ, что отъ обыщиковъ чинилась имъ волокита великая. Обыщики были люди тогоже покроя какъ и намѣстники: они по всей вѣроятности тоже больше смотрѣли своего прибытка, чѣмъ пеклись объ искорененіи разбойниковъ. Тогда тотъ же Иванъ IV, который такъ искусно создалъ повальный обыскъ и сдѣлалъ такимъ образомъ молву народную однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ открытію истины, рѣшился предоставить тому же самому народу, той же самой земщинѣ, на показаніяхъ которой обыщики основывали свои рѣшенія, право наказывать преступниковъ. Такимъ образомъ возникъ губной институтъ, въ руки котораго перешелъ повальный обыскъ. Вся земщина извѣстнаго округа должна была »свестясь всѣ за одинъ«, учинить у себя въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три или четыре въ каждой волости, и подъ ихъ надзоромъ обыскивать промежъ себя лихихъ людей—разбойниковъ, да обыскавъ и доведчи на нихъ«, пытать, и на основаніи всѣхъ этихъ доказательствъ подвергать заслуженному наказанію.

Но здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: губной институтъ и повальный обыскъ сдѣлались-ли сразу учрежденіями повсемѣстными, или нѣтъ? Первая засвидѣтельствованная грамотою передача суда по преступленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повальнаго обыска въ руки народныя, состоялась 23 октября 1539 года. Въ этотъ день изданы Каргопольская и Бѣлозерская губныя грамоты [64]). Въ этихъ грамотахъ говорится о губномъ институтѣ, какъ объ учрежденіи повсюдномъ [65]).

Въ такомъ же смыслѣ выражается объ этомъ учрежденіи и Судебникъ Іоанна IV [66]). Но, не смотря на эти указанія губныхъ гра-

---

[64]) Доп. къ Акт. Истор. Т. I. № 31 и Ак. Экс. Т. I. № 187.

[65]) А который разбойникъ скажетъ своихъ товарищей разбойниковъ же въ другихъ городахъ, и выбъ о тѣхъ разбойникахъ писали грамоты въ тѣ города къ дѣтемъ боярскимъ, которые въ тѣхъ городѣхъ и въ волостехъ учинены у того дѣла въ головахъ и т. д.

[66]) Ср. ст. 60 Царскаго судебника. Только въ Москвѣ во времена Судебника не было губныхъ старостъ (Ст. 59).

мотъ и Судебника, въ виду другихъ историческихъ данныхъ можно съ полною увѣренностью полагать, что въ дѣйствительности губной институтъ не былъ введенъ во всемъ государствѣ, ибо не только во времена изданія первыхъ губныхъ грамотъ, но и во времена Царскаго Судебника въ нѣкоторыхъ частяхъ тогдашней Россіи продолжали существовать древнія учрежденія [67]). Что касается до поголъпаго обыска, то онъ примѣнялся не только губными старостами, но и другими судьями. Обыскивали также и обыщики, продолжавшіе посылаться въ различныя мѣстности, обыскивали и бояре, завѣдывавшіе розыскомъ въ Москвѣ, обыскивали и намѣстники и волостели [68]). Такимъ образомъ примѣненіе повальнаго обыска не зависѣло отъ введенія или не введенія въ извѣстной мѣстности губнаго института, ибо повальный обыскъ не созданъ этимъ учрежденіемъ: онъ образовался въ тѣ времена, когда для поимки и преслѣдованія лихихъ людей, верховная власть преимущественно употребляла одно средство—посылку обыщиковъ. Впрочемъ, и повальный обыскъ не вездѣ примѣнялся, въ чемъ легко можно убѣдиться посредствомъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ эпохи [69]).

Какъ же уяснить себѣ всѣ эти противорѣчія въ памятникахъ? По нашему мнѣнію законодатель намѣревался сперва ввести повсемѣстно губной институтъ, но, встрѣтившись съ различными препятствіями, ограничился провозглашеніемъ необходимости введенія этого учрежденія въ принципѣ, а на дѣлѣ осуществлялъ свой планъ исподволь. Нѣкоторымъ мѣстностямъ напр. въ видѣ исключенія оставлено было право судиться по старымъ порядкамъ. И это была дѣйствительная привиллегія для тѣхъ мѣстностей, которыя не особенно страдали отъ разбойниковъ, ибо со введеніемъ губнаго института было со-

---

[67]) О продолженіи системы кормленія даже послѣ Іоанна IV сравн. Неволинъ. П. Собр. Сочин. Т. IV, стр. 194. Ср. также вышеупомянутую Пермскую уставную грамоту, гдѣ уголовныя дѣла по прежнему вѣдаются намѣстникомъ.

[68]) Такъ, ст. 52, 56 и 57 Судебника говорятъ о повальномъ обыскѣ, какъ о доказательствѣ, примѣнявшемся различными судьями.

[69]) Сравни ту же Пермскую уставную грамоту, гдѣ примѣняется прежняя система доказательствъ, и гдѣ вопросъ лихой-ли человѣкъ приводный или нѣтъ, разрѣшается по прежнему свидѣтелями.

пряжено и введеніе новыхъ налоговъ, необходимыхъ для содержанія новаго учрежденія.

Но и тамъ, гдѣ введенъ былъ губной институтъ, приказное начало получило вліяніе на отправленіе правосудія, ибо всѣ губныя учрежденія находились подъ контролемъ Разбойнаго Приказа въ Москвѣ, который наблюдалъ также и за другими уголовными судами. Въ этотъ приказъ отписывалось и о всѣхъ дѣлахъ, которыхъ почему-либо »рѣшить было не мочно« [70]). Бояре, засѣдавшіе въ приказѣ, докладывали въ сомнительныхъ случаяхъ царю, который, »поговоривъ съ бояры«, и разрѣшалъ дѣло указомъ.

Такимъ образомъ постановленія о повальномъ обыскѣ розыскнаго судопроизводства вырабатывались, какъ можно заключить изъ предъидущаго: *a*. Народною жизнію, тамъ, гдѣ въ слѣдствіе введенія губнаго института народъ самъ промежъ себя обыскивалъ разбойниковъ. *b*. Боярами московскими, намѣстниками и волостелями городскими, которые обыскивали земщиною разбойниковъ и татей тамъ, гдѣ губной институтъ не былъ введенъ, и *c*. Разбойной избой и Царской думой, высшими контрольными учрежденіями надъ разбойнымъ дѣломъ. О томъ, какъ громадна была дѣятельность этихъ двухъ послѣднихъ учрежденій, свидѣтельствуетъ Уставная Книга Разбойнаго Приказа.

Въ послѣдующей главѣ мы разсмотримъ постоповленія о повальномъ обыскѣ, возникшія во времена Царскаго Судебника и Уложенія подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ разнородныхъ учрежденій, теперь же въ заключеніе мы упомянемъ о результатахъ, къ которымъ насъ привела первая глава нашего изслѣдованія.

Результаты эти могутъ быть выражены въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) Повальный обыскъ розыскнаго порядка судопроизводства образовался въ слѣдствіе изложенныхъ выше историческихъ причинъ въ началѣ царствованія Іоанна Грознаго.

2) Сыскъ преступниковъ, производившійся древнею общиною, не непосредственно перешелъ въ повальный обыскъ: онъ является только элементомъ сложенія этого института; онъ, такъ сказать, подготовилъ для него почву.

---

[70]) Срав. Ак. Эксп. Т. I. № 224.

5) Повальный обыскъ розыска не должно смѣшивать съ повальнымъ обыскомъ суда: первый состоитъ въ обязательномъ сыскѣ разбойниковъ извѣстнаго округа всею земщиною этого округа, второй въ допросѣ жителей извѣстной мѣстности о какомъ-нибудь фактѣ, въ слѣдствіе безъименной на нихъ ссылки. Одна только форма сходна въ обоихъ институтахъ, ибо и тамъ и тутъ допрашиваются всѣ жители извѣстнаго округа; но суть, а равно и вліяніе на судебное рѣшеніе не одинаковы, неодинаковы также, какъ мы видѣли выше, и причины возникновенія обоихъ учрежденій и самый процессъ ихъ развитія. Однимъ словомъ, это два различные института, каждый съ совершенно опредѣленнымъ своеобразнымъ характеромъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

—

Обыскъ временъ Царскаго Судебника и Уложенія.

§ 1. *Общій обзоръ.*

Въ предъидущей главѣ, указывая на различіе между повальнымъ обыскомъ суда и повальнымъ обыскомъ розыска, мы замѣтили, между прочимъ, что это были два различные института, сходные другъ съ другомъ только относительно внѣшностей—формы. Да и форма, если обратить вниманіе на первыя губныя грамоты,—только сходна, но не тождественна, ибо въ дѣлахъ гражданскихъ мы постоянно встрѣчаемся съ извѣстною общественною властью, *допрашивающею* жителей извѣстной мѣстности о спорномъ фактѣ, въ дѣлахъ же уголовныхъ всѣ жители извѣстнаго округа, собравшись на сходъ, *сами промежъ себя обыскиваютъ лихихъ людей—разбойниковъ.* Правда, это различіе скоро сглаживается, ибо въ позднѣйшихъ губныхъ грамотахъ и въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа выборнымъ властямъ сообщается неизвѣстный имъ дотолѣ характеръ: они не только присутствуютъ на сходѣ и заправляютъ ходомъ обыска, но прямо, подобно правительственнымъ сыщикамъ, допрашиваютъ собравшихся на сходъ обывателей про татей и разбойниковъ [71]).

---

[71]) Изъ Каргопольской и Бѣлозерской губныхъ грамотъ видно, что первоначально губные головы, а также и другія выборныя власти, были только руководителями схода при производствѣ обыска и произ-

Сглаживаются также съ теченіемъ времени и другія различія. Такъ въ розыскномъ судопроизводствѣ возникаютъ виды повальнаго обыска, болѣе подходящіе къ обыску суда чѣмъ первоначальный обыскъ розыска, состоявшій въ общемъ сыскѣ разбойниковъ всѣми обывателями извѣстной мѣстности; между этими новыми видами обыска главное мѣсто занимаетъ: 1) обыскъ объ оговорныхъ людяхъ, 2) обыскъ объ извѣстномъ опредѣленномъ преступленіи, и наконецъ 3) обыскъ объ отдѣльныхъ опредѣленныхъ фактахъ, относящихся къ преступному дѣянію. Сей послѣдній видъ повальнаго обыска розыскнаго порядка судопроизводства ближе всѣхъ остальныхъ подходитъ къ повальному обыску суда, и даже, если дозволено такъ выразиться, сливается съ нимъ. Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго въ теченіи этого періода мы начинаемъ встрѣчаться все чаще и чаще съ распространеніемъ постановленій о повальномъ обыскѣ суда на повальный обыскъ розыска и на оборотъ. Но, не смотря на все это, полнаго слѣянія обоихъ институтовъ не произошло по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому что въ розыскномъ порядкѣ судопроизводства вплоть до новѣйшаго времени продолжалъ существовать тотъ видъ повальнаго обыска, который мы назвали выше первоначальнымъ, и который по существу своему былъ и остался отличнымъ отъ повальнаго обыска суда институтомъ; 2) потому, что по-

---

несеніи приговора: сходъ самъ обыскивалъ и казнилъ лихихъ людей; только ихъ животы онъ отдавалъ губнымъ головамъ для дальнѣйшаго распоряженія. А которыхъ разбойниковъ вѣдомыхъ поймаете, и, обыскавъ ихъ, казните, и тѣхъ бы разбойниковъ подворья, животы и статки отдавали бъ есте тѣмъ людемъ, которыхъ учините у себя въ головахъ, а онибъ отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ разбойники разбивали, въ ихъ иски. . . . . Ак. Экс. Т. I. № 187 и Доп. къ А. Ист. Т. I. № 31. Сравн. также губную Соль-Галицкую грамоту 1540 года. (А. Экс. Т. I. № 192), гдѣ читаемъ »и выбъ, безъ нашего вѣдома, тѣхъ всѣхъ людей сами всѣмъ городомъ имали, да про ихъ бы есте межъ себя обыскивали«.

Уже въ 1549 году, въ губной грамотѣ селамъ Кириллова монастыря, встрѣчаемся мы съ новымъ характеромъ губныхъ старостъ. Здѣсь губные старосты и цѣловальники, »свѣстясь всѣ за одинъ«, *обыскиваютъ* жителями различныхъ селъ про татей и разбойниковъ. (Ак. Эк. Т. I. № 224 стр. 214) Этотъ новый принципъ введенъ повсемѣстно 42 ст. уставной книги Разбойнаго приказа. А въ городѣхъ и въ губахъ губнымъ старостамъ обыскивать про татей и про разбойниковъ по всѣ годы и того беречь накрѣпко, чтобъ одиначно татей и разбойниковъ ни въ которой губѣ становъ и пріѣздовъ не было.

ральный обыскъ розыска въ *разематриваемое нами время* не отождествлялся съ простымъ свидѣтельскимъ показаніемъ подобно повальному обыску суда.

Однакожъ, вышеупомянутыя точки соприкосновенія вводили иногда въ заблужденіе даже государственныхъ людей и законодателей *конца разематриваемаго нами времени* и въ извѣстной степени отождествляли *въ нѣкоторыхъ* повальный обыскъ суда съ повальнымъ обыскомъ розыска. Вотъ еще почему издавались общія для повальнаго обыска суда и повальнаго обыска розыска постановленія.

Такъ-то было во времена Царскаго Судебника и Уложенія отношеніе повальнаго обыска розыска къ повальному обыску суда.

Въ тоже самое время повальный обыскъ проникаетъ во всѣ отрасли слѣдственнаго судопроизводства, въ особенности въ судъ и слѣдствіе по преступленіямъ противъ должности. Здѣсь онъ примѣняется въ громадныхъ размѣрахъ. Акты разбираемой нами эпохи полны обысковъ о насиліяхъ и вымогательствахъ различныхъ чиновныхъ людей [72]). Здѣсь примѣръ разслѣдованія дѣла повальнымъ обыскомъ подали суды, подчиненные духовенству, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, а равно повальный обыскъ относительно этихъ преступленій весьма сходенъ съ повальнымъ обыскомъ суда. Иногда въ памятникахъ того времени встрѣчаемся мы и съ обысками по преступленіямъ противъ Государства. И здѣсь обыскъ служитъ преимущественно для разъясненія извѣстныхъ опредѣленныхъ вопросовъ, значитъ близко подходитъ къ обыску суда. Примѣромъ подобнаго обыска можетъ служить обыскъ по дѣлу Степьки Разина, помѣщенный въ IV томѣ Актовъ Историческихъ. № 202. CVII.

Напротивъ того корчемный обыскъ—обыскъ, заимствованный изъ губнаго судопроизводства: здѣсь слѣдствіе производится не о преступныхъ дѣяніяхъ какой-нибудь извѣстной личности, но о томъ находятся-ли въ извѣстной мѣстности корчемники или нѣтъ? Однимъ словомъ корчем-

---

[72]) Сравн. напр. Ак. Ист. Т. II. № 97, Т. III. № 114, Т. IV № 74. Акт. Экси. Т. III № 118. Акты города Шуи Выпускъ II № 16, 19 и 44. Короченскіе акты въ № 9 за 1848 Чтен. въ общ. ист. и древностей, № 14, и наконецъ громадное слѣдственное дѣло о князѣ Пожарскомъ въ I книгѣ Чтеній въ Имп. общ. ист. и древностей за 1870 годъ.

ный обыскъ состоитъ главнымъ образомъ въ общемъ сыскѣ корчемниковъ извѣстной мѣстности [73]).

Далѣе, повальный обыскъ начинаетъ примѣняться какъ способъ изслѣдованія истины не только въ дѣлахъ судебныхъ и розыскныхъ, но и въ дѣлахъ управленія, въ дѣлахъ административныхъ.

Подобные административные обыски вовсе не рѣдкость въ 17 столѣтіи. Такъ въ 1623 году производится обыскъ касательно недодѣланнаго Сольвычегодскими охотниками острога [74]), въ 1643 году обыскивается въ Суздалѣ духовенствомъ о томъ, нужень-ли тамъ въ осадное время валъ [75]), а въ дѣлахъ Посольскаго приказа подъ 1646 годомъ мы находимъ обыскъ о постройкѣ башенъ и замкнутіи желѣзными цѣпями Березовскаго устья Двины, для воспрепятствованія тайному проходу иностранныхъ кораблей [76]). Встрѣчаемся также съ обысками о сытѣ и послѣдствіяхъ мороваго повѣтрія. Такъ въ 1668 году произведенъ подобный обыскъ въ Шуи о моровомъ повѣтріи, бывшемъ въ 1654 и 1655 годахъ [77]).

Это введеніе повальнаго обыска въ дѣла административныя объясняется частью тѣмъ, что съ чисто административными вопросами часто соединялся вопросъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, не исполнившихъ своихъ обязанностей, частью общимъ характеромъ управленія того времени. Подобно тому какъ при разрѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ собирался и выслушивался земскій соборъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, относившихся къ извѣстной мѣстности, высшее правительство, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе, желало прислушаться къ голосу этой мѣстности. Способъ, посредствомъ котораго правительство удобнѣе всего могло познакомиться съ мнѣніемъ жителей извѣстнаго округа, оно заимствовало изъ судопроизводства, гдѣ тоже объ извѣстныхъ фактахъ допрашивались всѣ жители извѣстной мѣстности. Наконецъ, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи повальный обыскъ является для высшаго правительства единственнымъ средствомъ узнать истину, ибо оно не могло разсчитывать на добро-

---

[73]) Напр. Акт. Шуи Т. I. № 22 и Т. II. № 41. Акт. Юрид. изданные въ 1838 г. № 60.

[74]) Акт. Экс. Т. III. № 140.

[75]) Акт. Ист. Т. III. № 224.

[76]) Доп. къ Акт. Ист. Т. III. № 13.

[77]) Акт. Шуи Т. I. № 43.

совѣстность своихъ воеводъ и приказныхъ людей, къ которымъ само относилось съ недовѣріемъ.

Въ настоящей главѣ мы предполагаемъ ближе ознакомиться съ только-что упомянутыми явленіями въ исторіи повальнаго обыска времень Царскаго Судебника и Уложенія, и указать на причины этихъ явленій. Главнѣйшимъ образомъ мы сосредоточимъ вниманіе наше на повальномъ обыскѣ губныхъ дѣлъ, постараемся прослѣдить исторію главнаго *первоначальнаго* вида этого обыска и уяснить причины возникновенія другихъ видовъ. За тѣмъ мы изложимъ въ системѣ постановленія современныхъ законодательныхъ памятниковъ о повальномъ обыскѣ губныхъ дѣлъ, поясняя ихъ, насколько это будетъ возможно, юридическими актами эпохи. Одною изъ главныхъ задачъ нашего изслѣдованія будетъ также обыскъ по другимъ слѣдственнымъ дѣламъ, т. е. по преступленіямъ противъ Государства, по преступленіямъ должностныхъ лицъ и т. д.

Постановленія объ обыскѣ въ дѣлахъ гражданскихъ, помѣстныхъ, межевыхъ и административныхъ займутъ второстепенное мѣсто въ нашей работѣ. Мы ихъ коснемся на столько, на сколько это будетъ необходимо для уясненія различныхъ вопросовъ по главному предмету нашего изслѣдованія.

---

§ 2. *Различные виды повальнаго обыска древнѣйшихъ Губныхъ грамотъ и Царскаго Судебника.*

Въ главѣ первой нашего изслѣдованія (§ 3) мы видѣли, какимъ образомъ общій сыскъ разбойниковъ возложенъ былъ на земщину, и какъ за тѣмъ земщинѣ же даровано было право наказывать уличенныхъ злодѣевъ; теперь приступимъ къ изложенію порядка этого сыска по губнымъ грамотамъ. Въ древнѣйшихъ изъ сихъ послѣднихъ порядокъ этотъ былъ чрезвычайно простъ. Собравшіеся на общій сходъ служилые люди различныхъ разрядовъ, а равно и крестьяне различныхъ наименованій, должны были подъ руководствомъ своихъ выборныхъ властей (губныхъ старостъ и цѣловальниковъ), по Государеву крестному цѣлованію (т. е. такъ, какъ они обѣщали Государю, принося ему присягу на вѣрность), вправду безъ хитрости, [78]), рѣшить слѣдующіе вопросы:

---

[78]) По Государеву Крестному цѣлованію. Между учеными относительно значенія этого выраженія существуетъ разногласіе. Каве-

1) Кто у нихъ лихіе люди разбойники?

2) Кто у себя разбойниковъ держитъ? и

линъ (Смотри его сочиненія, часть I, стр. 176 и 181), Пахманъ (о судебныхъ доказательствахъ стр. 175) и Лангъ (Der Eid nach russischem Recht. Dorpat, 1849, Seite 24) думаютъ, что какъ простые свидѣтели такъ и обыскные люди каждый разъ приводились къ присягѣ, и что такимъ образомъ »сказать по Государеву крестному цѣлованію« означаетъ тоже что »дать показаніе подъ присягой«.

Другаго мнѣнія Дмитріевъ; на стран. 266 Исторіи Судебныхъ Инстанцій онъ говоритъ: Допросъ (при обыскѣ) дѣлается духовенству по священству и иноческому обѣщанію, а остальнымъ людямъ по крестному цѣлованію. Обыкновенно думаютъ, что послѣднее означаетъ присягу, даваемую передъ допросомъ, но кажется что сначала здѣсь разумѣлась вообще присяга Государю». Сравн. также стр. 407, 408 и 417 того же сочиненія.

По нашему убѣжденію, авторъ Исторіи Судебныхъ Инстанцій, не смотря на то, что высказываетъ свое мнѣніе въ видѣ гипотезы, вполнѣ вѣрно понялъ разбираемое нами выраженіе. Основываемся мы при семъ:

1) На формулѣ присяги на вѣрность Борису Годунову (Акт. Экс. Т. II. № 10. стр. 60), гдѣ читаемъ:

А какъ Государь Царь и Великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Русіи пришлетъ къ намъ въ городъ кого, обыскивать про свои государевы и про земскіе про которые дѣла, и про разбой, и про татбу, и про убивство, и про пожегу, и про исцовы иски, и про которые дѣла нибудь, и мнѣ про тѣ дѣла сказывать въ правду, по сему Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеи Русіи крестному цѣлованію: другу не дружити, а не другу не мстити, и не затѣяти ни на кого никоторыми дѣлы, по дружбѣ татей и разбойниковъ и душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей не укрывати, и добрыми людми не называти, а добрыхъ людей по недружбѣ разбою и татбы и всякихъ лихихъ дѣлъ въ обыскѣхъ не взводити, и не затѣяти ни на кого ни которыми дѣлы, и разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ по дружбѣ, въ грабежные дѣла не сказывати, а грабежевъ, по недружбѣ, въ разбойные дѣла не сказывати, и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого не имати ничего, ни которыми дѣлы, по сему крестному цѣлованію; а кто учнетъ въ обыскѣхъ лгати, и татей и розбойниковъ, и душегубцовъ и всякихъ лихихъ людей укрывати, и мнѣ про то сказати Государю своему Борису Ѳедоровичу всея Руссіи, или его государевымъ бояромъ или ближнимъ людемъ, въ правду, по сему крестному цѣлованію, какъ дѣлалось, а не утаити мнѣ никоторыми дѣлы.

2) На самомъ названіи крестнаго цѣлованія *Государевымъ*. Во времена междуцарствія, когда Государя не было, обыскивалось по *земскому* крестному цѣлованію. Такъ, до насъ дошла память головѣ Мисюрю Ивановичу, Соловцову да сыну боярскому Солмапову 1612 г.

3) Къ кому разбойники пріѣзжаютъ или разбойную рухлядь привозятъ?

За тѣмъ весь сходъ отправлялся, »имати этихъ людей« [79]), и немедленно подвергалъ ихъ пыткѣ. Далѣе, если сходъ убѣждался въ ихъ виновности, то ихъ били »кнутьемъ«, и казнили смертью. Изъ губныхъ грамотъ древнѣйшаго періода не видно, чтобъ рѣшеніе схода зависѣло отъ исхода пытки, напротивъ того сходъ судитъ по своему внутреннему убѣжденію: »то есми положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ, и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту«.

Равнымъ образомъ для примѣненія пытки и наказанія не требовалось необходимаго по судебнику 1497 года показанія пяти или шести человѣкъ, добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ« о томъ, что приводный »тать вѣдомый и прежъ сего неодинова крадывалъ«, но обличованный въ обыскѣ считался уже въ слѣдствіе этого вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ: да гдѣ которыхъ розбойниковъ обыщете, или кто у собя розбойниковъ держитъ, или къ кому розбойники пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ, и выбъ тѣхъ розбойниковъ вѣдомыхъ межъ себя имали, да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ, и пытали на крѣпко, и допытався у нихъ, что розбиваютъ, да тѣхъ бы есте розбойниковъ бивъ кнутьемъ, да казнили смертью.

іюля 12 дня, гдѣ имъ предписывается обыскать въ Суздалѣ на посадѣ »протопономъ, попы и дьяконы по священству, а дѣтми боярскими и всякими дворовыми людьми, и старосты, и цѣловальники, и крестьяны по земскому крестному цѣлованію.

3) На одномъ дѣлѣ 1611 г. (А. Ю. изданіе 1838 г. № 58), гдѣ свидѣтель—любая правда, Терентей Зеховъ, даетъ показаніе слѣдующимъ образомъ: »скажу, государь, по Государеву крестному цѣлованію« Здѣсь Зеховъ ссылается на крестное цѣлованіе Государю, а не даетъ присяги, иначе онъ сказалъ-бы; »крестъ цѣлую и говорю слѣдующее«.

Что же касается словъ »вправду, безъ хитрости« то они объясняются губными грамотами еще опредѣленнѣе:

А по недружбѣ, въ земскомъ дѣлѣ, или въ брани въ какой нибуди, межъ собя не мстилися никто никому, по нашему крестному цѣлованію, и невинно есте не имали и не казнили никакова человѣка, того бы есте межъ собя обыскивали накрѣпко, по нашему крестному цѣлованію, вправду, безъ хитрости (Сравн. Бѣлозерскую и Каргопольскую губныя грамоты).

[79]) Сравни напр. выписку изъ Соль-Галицкой губной грамоты, сдѣланную нами въ 71 примѣчаніи нашего изслѣдованія.

Таковъ былъ общій сыскъ разбойниковъ, общій про нихъ повальный обыскъ.

Въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 г. порядокъ этотъ нѣсколько измѣняется. А именно:

1) Уже не сходъ земскій обыскиваетъ и судитъ преступниковъ, но обыскиваютъ, пытаютъ и произносятъ приговоръ выборные головы, мало-по-малу превращающіеся въ приказныхъ людей, и непосредственно подчиненные Разбойному приказу. Согласно этому и весь наказъ отличается отъ прежнихъ большею опредѣленностью постановленій, и имъ открывается тотъ рядъ грамотъ и наказовъ, гдѣ порядокъ производства обыска нормируется свыше. Однимъ словомъ, то, что было сначала вполнѣ предоставлено собравшейся на сходъ земщинѣ, начинаетъ теперь отчасти опредѣляться законодательнымъ порядкомъ. Я говорю отчасти, потому что законодатель вмѣшивался въ это дѣло только иногда, когда выборныя власти просили разрѣшить какой-нибудь спорный вопросъ. Правда, что выборныя власти часто просили этого разрѣшенія, правда и то, что разрѣшивъ данный случай, законодатель вносилъ рѣшеніе, обобщивъ его предварительно, въ уставную книгу Разбойнаго приказа, а изъ этой книги дѣлались болѣе или менѣе систематическія выписки и разсылались по всей Россіи къ губнымъ старостамъ для руководства на будущее время, такъ что такимъ образомъ приказное законодательство сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ губныхъ учрежденій тогдашней Россіи и вытѣснило въ этомъ отношеніи произволъ земщины. Явленіе это объясняется тѣмъ, что судъ былъ отданъ земщинѣ не только какъ право, но и какъ обязанность, какъ тягло: государство поручило [80]) земщинѣ отправленіе одной изъ *своихъ*

---

[80]) Относительно причины, по которой государство отдало земщинѣ судъ и слѣдствіе надъ преступниками, существуютъ въ нашей литературѣ два различныя мнѣнія.

Чичерипъ (Областныя учрежденія Россіи въ 17 вѣкѣ, стр. 450) говоритъ:

Губные старости были земскою властью по своему происхожденію: въ 16 вѣкѣ общини чувствовали потребность въ истребленіи воровъ и разбойниковъ и просили царя позволить имъ самимъ преслѣдовать и казнить ихъ. Царь давалъ губныя грамоты, которыми дозволялось имъ преслѣдовать и судить воровъ и разбойниковъ, «сыскавъ межъ самихъ себя»; казнь ложилась на ихъ души. Это было одно изъ началъ земскаго управленія, установленнаго Иваномъ IV. Но вмѣ-

функцій, а потому и считало себя вполнѣ въ правѣ видоизмѣнять порядокъ этого отправленія по своему усмотрѣнію.

стѣ съ тѣмъ возникшее государство сознавало это, какъ собственную потребность и собственную обязанность; оно видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины.

Не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами, которые дѣлаетъ Чичеринъ изъ только-что приведенныхъ положеній (напр. съ тѣмъ, что правительство, въ слѣдствіе сознанія лежащей на немъ обязанности преслѣдовать разбойниковъ, не удовольствовалось пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, но сдѣлало губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи), нельзя не согласиться съ вѣрностью взгляда вообще. Не такъ судитъ Градовскій: на стран. 106 своего сочиненія (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи) онъ говоритъ:

Губныя грамоты первоначально имѣли въ виду уничтожить права намѣстниковъ и волостелей и передать это какъ такое же право общинамъ. Прежде намѣстники имѣли право вѣдать разбойныя дѣла, и этому праву соотвѣтствовала обязанность крестьянъ ходить къ нимъ на судъ, а не расправляться самимъ съ разбойниками. Крестьяне въ своихъ челобитныхъ прямо говорятъ, что они разбойниковъ межъ себя обыскивать не смѣютъ, боясь опалы и продажи. Слѣдовательно въ первое время правительство установило право для общинъ, привиллегію, но никакъ не повинность. Поэтому нельзя принять предположенія г. Чичерина, что »правительство видѣло въ губномъ институтѣ не общинное дѣло, а государственное, и что только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины.« Намъ вообще кажется страннымъ убѣжденіе, что введеніе самоуправленія есть признакъ государственной слабости. Далѣе Градовскій говоритъ, что губное управленіе только въ послѣдствіи получило характеръ тягла, когда сдѣлалось повсемѣстнымъ учрежденіемъ, ибо »*общее значеніе въ то время имѣли и могли имѣть не право, а повинности*«, слѣдовательно и учрежденія, основанныя не на правахъ, а на повинностяхъ. Но мнѣніе Градовскаго не справедливо. А именно:

1) Государство поручило общинамъ отправленія суда надъ разбойниками, сознавая, какъ справедливо замѣчаетъ г. Чичеринъ, недостатокъ собственныхъ средствъ, ибо сперва, когда обыватели жаловались на грабежи и на разбои и на бездѣйствіе намѣстниковъ и волостелей, то правительство сразу не давало имъ губныхъ грамотъ, но посылало къ нимъ обыщиковъ и только тогда, когда *и этотъ органъ центральной* власти оказался несостоятельнымъ, правительство передало судъ земщинѣ.

2) Обыскъ производится не только »князми, дѣтми боярскими и всѣми служилыми людми, и старостами и сотскими и десятскими, и всѣми крестьяны«, но и »игумены и попы и дьякопы«. Это знаменательно въ двоякомъ отношеніи:

a) потому что обыскъ послѣ этого включенія духовенства превратился въ настоящій *повальный* обыскъ, и

b) потому что духовенство, принимая такимъ образомъ участіе въ уголовномъ слѣдствіи, необходимо должно было пріобрѣтать все болѣе и болѣе вліянія на порядокъ производства опаго.

Но этимъ общимъ сыскомъ разбойниковъ и татей не могла ограничиться дѣятельность губныхъ учрежденій. Имъ предоставленъ былъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, *весь* судъ надъ разбойниками, а потому они производили слѣдствіе не только надъ оличенными въ общихъ повальныхъ обыскахъ, но и въ слѣдующихъ частныхъ случаяхъ:

1) При оговорѣ пытанными злодѣями третьихъ лицъ.

Этотъ видъ повальнаго обыска называется обыскомъ объ оговорныхъ людяхъ. Онъ возникъ какъ необходимое слѣдствіе общаго сыска разбойниковъ: при семъ послѣднемъ у преступниковъ старались выпытать главнымъ образомъ, кто ихъ товарищи, кто разбойную рухлядь принимаетъ, и къ кому разбойники пріѣзжаютъ?

Людей, на которыхъ указывали преступники, немедленно схватывали, привлекали къ слѣдствію и подвергали пыткѣ; но для этого необходимо было предварительно признать ихъ лихими людьми. Сей послѣдній вопросъ разрѣшался повальнымъ обыскомъ, ибо свидѣтельство пяти или шести человѣкъ, добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ, не примѣнялось, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ губныхъ учрежденіяхъ:

А на которыхъ людей на своихъ товарищей учнуть которые розбойники пытаны говорити, что съ ними розбивали, или къ кому пріѣзжали, а тѣ будуть люди живутъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ; и выбъ тѣхъ разбойниковъ ималижъ, да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ на крѣпко, казнили смертьюжъ.

---

2) Губное управленіе съ самаго начала носитъ характеръ тягла. За неисполненіе обязанностей, возложенныхъ на земщину, ей угрожается казнями и денежными взысканіями, уплатою »исцовыхъ исковъ вдвое безъ суда« и т. д.

Если оговорные жили въ другихъ городахъ или волостяхъ, то къ выборнымъ властямъ тѣхъ городовъ или волостей посылались грамоты съ просьбою объ учиненіи обыска:

А который разбойникъ скажетъ своихъ товарищевъ разбойниковъ же въ иныхъ городѣхъ, и выбъ о тѣхъ розбойникѣхъ писали грамоты въ тѣ городы къ дѣтемъ боярскимъ, которые дѣти боярские въ тѣхъ городѣхъ и въ волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ, и гдѣ который розбойникъ живетъ; а въ грамотахъ бы есте писали, чтобъ тѣхъ разбойниковъ въ тѣхъ городѣхъ *межъ себя потомужъ имали* [81]), да обыскавъ, и доведчи, казнили по нашимъ грамотамъ.

2) При извѣтѣ со стороны полицейскихъ властей на проѣзжихъ людей, »необычныхъ и незнаемыхъ«, остановившихся въ какомъ нибудь селеніи, принадлежащемъ къ губному округу, и сказавшихся при осмотрѣ ихъ полицейскими властями »не имянно и не путно.« А именно: въ одно время съ введеніемъ общаго сыска лихихъ татей и разбойниковъ, *проживавшихъ въ извѣстной мѣстности*, высшее правительство, принимая во вниманіе, что по большей части злодѣи не имѣли осѣдлости, но кочевали съ одного мѣста на другое, ставились иногда по селамъ подъ видомъ путешественниковъ и потомъ ночью грабили и жгли эти села, установило особые спеціальные [82]) органы для преслѣ-

---

[81]) Такъ выражаются древнѣйшія губныя грамоты (Бѣлозерская, Каргопольская и Грамота селамъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ [Акт. Эксп. Т. I, № 194, II]). Знаменательный варіантъ содержитъ Грамота селамъ Кириллова монастыря—варіантъ, указывающій на измѣнившееся значеніе выборныхъ властей: А въ грамотѣхъ бы есте писали, чтобъ тѣхъ разбойниковъ и татей въ тѣхъ городѣхъ и въ волостяхъ, *потому же имали и управу чинили по нашимъ грамотамъ.*

[82]) Нельзя принять вмѣстѣ съ г. Шальфѣевымъ (Уставная Книга Разбойнаго Приказа, стран. 44 и 45), что сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, которыхъ мы называемъ здѣсь спеціальными органами преслѣдованія кочующихъ преступниковъ, съ самаго начала имѣли значеніе *общихъ* полицейскихъ органовъ, и чтобъ въ ихъ учрежденіи высказалось стремленіе высшаго правительства отдѣлить судебную власть отъ полицейской. Въ древнѣйшихъ губныхъ грамотахъ они имѣютъ значеніе властей *спеціально* учрежденныхъ для осмотра записи и, въ случаѣ нужды, преслѣдованія проѣзжихъ людей. Только мало-по-малу на нихъ возлагаются различныя функціи общей полиціи благочинія. Такъ въ уставной Двинской грамотѣ 1556 года на нихъ возлагается обязанность представить лихаго человѣка, который жилъ въ »ихъ сотной«, и

дованія кочующихъ преступниковъ: оно повелѣло учинить »у десяти дворовъ десятскаго, а у пятидесять дворовъ пятидесятскаго, а у ста дворовъ сотскаго, во всѣхъ дворѣхъ чьи нибуди. . . .«

Если въ которомъ нибудь изъ этихъ дворовъ останавливался кто либо ночевать, то домохозяинъ долженъ былъ подать явку десятскому, десятскій доносилъ пятидесятскому, а пятидесятскій сотскому. Сей послѣдній вмѣстѣ съ пятидесятскими и десятскими производилъ вышеупомянутый осмотръ и записывалъ какіе люди въ которомъ дворѣ ставятся.

Если проѣзжіе люди не удовлетворительно отвѣчали на распросы сотскаго и его товарищей, то ихъ или отводили къ властямъ (городовымъ или монастырскимъ приказщикамъ, губнымъ старостамъ и т. д.), или же выдавали отправляющему правосудіе земскому сходу. Послѣ этого про нихъ производился обыскъ, и за тѣмъ они или немедленно освобождались или же подвергались пыткѣ, смотря по исходу обыска. Правила производства обыска и слѣдствія объ этихъ проѣзжихъ, невѣдомыхъ людяхъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе опредѣленныхъ и ясно изложенныхъ постановленій древнѣйшихъ губныхъ грамотъ.

Такъ мы видимъ, что за лихованнымъ обыскомъ немедленно слѣдуетъ пытка, а за пыткою, правильно, согласно постановленіямъ грамоты, т. е. въ присутствіи городоваго прикащика и представителей общины (дворскаго, цѣловальниковъ и лутчихъ людей), совершенною— наказаніе »кнутьемъ« и смертная казнь.

Вотъ какъ описываетъ это производство Соль-Галицкая губная грамота:

котораго выборные судьи »въ подворьяхъ не изъѣдутъ.« Вполнѣ значеніе общихъ органовъ полиціи благочинія они пріобрѣтаютъ въ 17 ст. когда они, по выраженію Актовъ города Шуи (Выпускъ I, № 41), выбирались *для извету всякихъ воровскихъ дѣлъ*.

Не совсѣмъ вѣрно также и мнѣніе г. Чичерина (Областныя Учрежденія въ Россіи, стр. 469 и 470) который думаетъ, что число сотскихъ не опредѣлялось количествомъ дворовъ. Такъ было дѣйствительно въ позднѣйшее время, что и доказано по памятникамъ г. Чичеринымъ, но этого никакъ нельзя отнести къ началамъ разбираемаго нами института, ибо тогда мы были-бы въ противорѣчіе съ прямымъ и яснымъ текстомъ губныхъ грамотъ, гдѣ, какъ мы замѣтили въ текстѣ, повелѣвается учинить у десяти дворовъ десятскаго, а у пятидесяти дворовъ пятидесятскаго, а у ста дворовъ сотскаго.

А которые люди проѣзжіе, и необычные и незнаемые, въ которыхъ дворѣхъ на посадѣ у Соли станутъ, а станутъ сказыватися неимянно и не путно, и выбъ тѣхъ людей имали да приводили къ прикащикомъ къ городовымъ, да про тѣхъ бы еси людей съ прикащики съ городовыми обыскивали вправду, безъ хитрости, по нашему крестному цѣлованію, какіе они люди: а обыщете что они люди добрые, и выбъ тѣхъ людей имена, написавъ на списокъ, да ихъ отпущали, не издерживая. А которые будутъ люди лихіе, разбойники, и вамъ тѣхъ людей обыскавъ, и доведчи на нихъ, а ихъ съ прикащики городовыми пытати накрѣпко, а у пытки бъ стояли дворской да цѣловальники и лутчіе люди: и скажутся тѣ люди, что они розбиваютъ, и тѣбъ у вастъ рѣчи писалъ дьякъ земской, а выбъ къ тѣмъ рѣчемъ руки свои прикладывали, который разбойникъ, въ каковѣ дѣлѣ скажется, да тѣхъ бы есте разбойниковъ вѣдомыхъ, у Соли бивъ кнутьемъ, по всѣмъ торгомъ, да ихъ бы есте казнили смертію, то есми положилъ на вашихъ душахъ.

Опредѣленность этихъ правилъ объясняется тѣмъ, что въ этомъ обыскѣ и въ производствѣ пытки участвовали городовые приказщики, т. е. власти съ приказнымъ характеромъ.

3) При ограбленіи кого-либо разбойниками въ предѣлахъ губнаго округа. Здѣсь земство должно было «межъ себя» обыскать про этотъ разбой. Такъ Соль-Галицкая губная грамота говоритъ:

А кого разбойники у Соли на посадѣ, или на вспольѣ подъ посадомъ, ограбятъ, и вы бъ межъ себя обыскивали про тотъ разбой сами всѣмъ посадомъ, и доискався лихихъ людей, и обыскавъ, и доведчи на нихъ, и пытавъ ихъ, казнили смертію.

Такимъ образомъ, въ слѣдствіе порученія земству всего суда надъ разбойниками, возникли только что упомянутые виды повальнаго обыска и замѣнили собою въ губномъ процессѣ свидѣтельство пяти или шести человѣкъ, добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ, считавшееся въ судебникѣ Іоанна III непремѣннымъ условіемъ признанія подсудимаго лихимъ человѣкомъ и примѣненія пытки и наказанія. Съ той же самой замѣной встрѣчаемся мы и въ другихъ памятникахъ, изданныхъ не только для губныхъ учрежденій, но и для другихъ судовъ, отправлявшихъ уголовное правосудіе. Да оно и не могло быть иначе: правительство, ознакомившись съ болѣе соотвѣтственнымъ способомъ от-

крытія истины, не могло не стремиться замѣнить ими старые, отжившіе свой вѣкъ порядки, и ввести его въ повсемѣстное употребленіе 83).

По этому-то развившійся въ губныхъ учрежденіяхъ порядокъ и излагается въ Царскомъ Судебникѣ въ видѣ общаго закона.

---

83) Слѣдуетъ замѣтить, что и у другихъ славянскихъ народовъ мало-по-малу молва народная сдѣлалась въ соединеніи съ пытью необходимымъ условіемъ произнесенія приговора. Такъ напр. въ Судебникѣ короля Казимира 1468 года (Акт. относящіеся къ Истор. Западной Россіи. Томъ I, № 67, стр. 82). читаемъ:

А коли тати приѣдутъ, а на кого сокъ усочитъ, а домучатся татбы, а будетъ перво того крадывалъ и кому плачивалъ, а околица то будетъ вѣдала и безъ лица обѣсити.

А какъ ли сокъ усочитъ на кого, а лица не будетъ, а перво будетъ укралъ, и околица будетъ перво злодѣйства на него не вѣдала, а будетъ никому не плачивалъ, ино ему платити татбу пятью и вину; а смертьною рапою его не казнити.

Для насъ имѣютъ особое значеніе эти постановленія Литовскаго Судебника. Признаніе литовскимъ законодательствомъ (съ которымъ мы все болѣе и болѣе знакомились, и изъ котораго мы сдѣлали столько заимствованій въ Уложеніи) того способа изслѣдованія истины, который господствовалъ въ губныхъ учрежденіяхъ, не могло не утвердить правительство въ его намѣреніи, повсемѣстно ввести этотъ способъ. А что Литовскій Судебникъ былъ извѣстенъ древней Россіи, на это мы имѣемъ указаніе въ Акт. Экспед. Т. III, № 290. А именно въ 1639 послана была въ Бѣлозерскій Кириловъ монастырь грамота царская съ приказомъ—прислать въ Приказъ Большого Дворца разныя книги: между ними поименована и «Книга, въ началѣ Судебникъ Казимира короля польскаго», которой имѣлось, какъ видно изъ той же царской грамоты, нѣсколько экземпляровъ въ монастырскомъ книгохранилищѣ. По сему можно предполагать, что судебникъ былъ—книга весьма распространенная въ древней Россіи.

О значеніи народной молвы въ Чехіи Ирѣчекъ въ своемъ сочиненіи das Recht in Böhmen und Mähren (Abth II. S. 129 и 130) говоритъ слѣдующее: verschieden von dieser Art Zeugenschaft war die Aussage der Nachbarn ueber den guten oder schlechten Ruf des Beeinzichtigten. Lateinisch wird die se Aussage testimonium vicinorum (Jure) § 7, testimonium vicinatus 1222, testimonium fori communis (Conc) genannt. Der gute sowie der schlechte Ruf bestand in dem Zeugnisse der rechtschaffenen Nachbarsleute, die in der Lage waren, die Handlungen des Mannes zu beobachten und zu beurtheilen. Wurde Jemand z. b. von seinen Nachbarn allgemein als Dieb bezeichnet, so war diess im Falle einer Diebstahlsbeeinzichtigung eben auch ein Beweis gegen ihn.

Царскій Судебникъ предписываетъ производить повальный обыскъ:

1) При приводѣ съ поличнымъ въ первый разъ (Ср. Суд. ст. 52).

Здѣсь дѣло, смотря по исходу обыска, могло принять двоякій оборотъ: а) когда приводнаго въ обыскѣ называли лихимъ человѣкомъ, то онъ подвергался пыткѣ и, если сознавался, то казнился смертію, если же не сознался, то осуждался на пожизненное тюремное заключеніе, и b) когда про приводнаго въ обыскѣ говорили, что онъ добрый человѣкъ, то дѣло вершилось по суду.

2) При поимкѣ татя съ татьбою въ другой разъ, если онъ не смотря на пытку, которой его подвергали немедленно по приводѣ, не сознавался въ содѣянномъ преступленіи (ст. 86). Если въ слѣдъ за симъ татя называли лихимъ человѣкомъ, то онъ сажался въ тюрьму до смерти, если же его добрили, то онъ отдавался на крѣпкую поруку; при неимѣніи порукъ Судебникъ повелѣваетъ: вкинути его въ тюрьму, доколѣ по немъ крѣпкая порука будетъ.

3) При оговорѣ третьихъ лицъ пойманными злодѣями (ст. 57). Облихованіе въ обыскѣ влечетъ здѣсь за собою пытку, и въ случаѣ признанія, смертную казнь: если же »въ обыску про него лиха не скажуть«, то предписывается »татинымъ рѣчемъ не вѣрити, дати его на поруку«.

Постановленія Судебника разнятся отъ постановленій губныхъ грамотъ: 1) тѣмъ, что въ нихъ не упоминается объ общемъ сыскѣ разбойниковъ. Это объясняется характеромъ Судебника, какъ закона общаго для всѣхъ судей государства, а между этими судьями были и такіе, которые не производили общихъ обысковъ.

2) Большею опредѣленностію своихъ постановленій, указывающею на то, что онъ преимущественно предназначался для судей съ приказнымъ характеромъ.

Развитіе законодательства отъ Царскаго Судебника до уложенія мы разсмотримъ въ слѣдующемъ §.

---

§ 3. *Развитіе законодательства о повальномъ обыскѣ губнаго дѣла отъ Царскаго Судебника до Уложенія 1649 года.*

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію въ системѣ постановленій законодательныхъ памятниковъ конца 16 и первой половины 17 вѣка о повальномъ обыскѣ *губныхъ дѣлъ*, намъ необходимо разрѣшить сперва

общій вопросъ о томъ, что считалось въ разсматриваемое нами время губнымъ или земскимъ (какъ его называютъ нѣкоторые памятники, напр. подкрестная запись Борису Годунову. Акт. Эксп. Т. II, № 10.) лихимъ дѣломъ. Мы видѣли, что въ древнѣйшихъ губныхъ грамотахъ подъ губными дѣлами подразумѣвались дѣла о *разбойникахъ, вѣдавшіяся органами губнаго управленія.* Въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря къ этимъ дѣламъ пріобщены и дѣла татебныя. Нѣкоторые изслѣдователи (Чичеринъ, Обл. Учрежд. Россіи въ 17 вѣкѣ, стр. 481. Градовскій, Ист. мѣст. Управ. въ Россіи, стр. 345. Шалфѣевъ, Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, стр. 19—22) полагаютъ, что этимъ и исчерпывался кругъ дѣятельности губныхъ учрежденій вплоть до начала 17 столѣтія. Такъ профессоръ Чичеринъ говоритъ: Первоначально одни только разбойныя дѣла предоставлены были губнымъ старостамъ, потомъ сюда присоединены были татиныя, въ началѣ 17 вѣка убійственныя, а въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ къ этому разряду причислены и другія преступленія, какъ-то: зажигательство, совращеніе съ вѣры, насиліе женщинъ, сводничество, непочтеніе къ родителямъ».

Но мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Мы имѣемъ несомнѣнныя историческія доказательства того, что вѣдомству губныхъ учрежденій и въ 16 столѣтіи, кромѣ разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ, подлежали еще дѣла о зажигателяхъ, убійцахъ, корчемникахъ, ябедникахъ и подписчикахъ [84]).

---

[84]) Сравн. Уставныя Грамоты: Волжскую 1552 года марта 21 (Акт. Эксп. Т. I, № 234) и Двинскую 1556 года, (Акт. Эксп. Т. I, № 250), гдѣ предоставляется выборнымъ судьямъ губное право и гдѣ читаемъ:

А кто у нихъ на Колмогорахъ на посадѣ и въ станѣхъ взворуется, учнетъ красти или разбивати, или къ кому лихимъ людемъ пріѣздъ или у кого корчмы будутъ, и кто учнетъ ябедничати и руки подписывати, и иныя которыя лихія дѣла учнетъ чинити, и они того человѣка, поимавъ, отдадутъ выборнымъ своимъ судьямъ, и выборные ихъ судьи, про ево лихо обыскиваютъ по моему Цареву и Великаго Князя Крестному цѣлованію, вправду, безъ всякіе хитрости.

Сравни далѣе сходныя между собой грамоты. Уставную Переславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ 1556 г. апрѣля 29 (Акт. Ист. Т. I, № 165) и Судную удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи, крестьянамъ. (Ак. Эк. Т. I, № 257).

Въ 17 столѣтіи кругъ предметовъ, подлежавшихъ вѣдомству губнаго управленія, еще болѣе разширился, но въ тоже самое время сталъ довольно неопредѣленнымъ, ибо въ большей части памятниковъ, по исчисленіи главнѣйшихъ преступленій противъ имущества и личности частныхъ лицъ, почти всегда прибавляется «и иное какое лихое дѣло». Только Государево лихое дѣло никогда не относилось къ вѣдомству губныхъ учрежденій [85]). Здѣсь слѣдствіе производилось или мѣстнымъ воеводою [86]), или же, если дѣло представляло особую важность, то по-

---

Въ этихъ грамотахъ находятся слѣдующія, относящіеся сюда постановленія:

А кто на комъ взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или татбы, и выборнымъ судьямъ съ *губными старостами* про то сыскивати всѣми крестьяны, и скажутъ на кого крестьяне того села, иное истецъ искъ заплатити изъ его статка, изъ отвѣтчиковыхъ животовъ; а что затѣмъ останется животовъ, и то отписати на имя Царя и Великаго Князя. А доведутъ на кого разбой, или душегубство, и пожегу, и лбедничество, и подписку, или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, и выбортымъ судьямъ съ *губными старостами* тѣхъ людей судити и управу имъ чинити по *Губнымъ грамотамъ*.

Наконецъ, сравни жалованную несудимую грамоту 1585 года Угличкаго удѣльнаго князя царевича Димитрія Іоанновича Покровскому монастырю (Акты Эксп. Т. I. 329), гдѣ говорится.

Такожъ и наши *Углецкіе губные старосты* и городовые прикащики Покровскаго монастыря игумена и братію, и слугъ, и крестьянъ, не судятъ ни въ чемъ, *опричь душегубства*. . . . Слѣдовательно душегубство, которое исключается здѣсь изъ данной Покровскому монастырю привилегіи, и оставляется за «Нашими Углецкими губными старостами,» подлежало вѣдомству сихъ послѣднихъ. Что убійственное дѣло и до боярскаго приговора 1625 года, помѣщеннаго въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа, вѣдалось органами губнаго управленія, видно еще изъ даннаго 1614 г. апрѣля 29 дня наказа стрѣлецкому головѣ Димитрію Дернову, гдѣ читаемъ:

А будетъ который стрѣлецъ учнетъ воровать, разбивать или грабить, или зернью играть, и блядню у себя и безъявочное питье держать, или учнетъ продавать, и головѣ Димитрію тѣхъ воровскихъ людей велѣть имать и, распрашивая, кто доведется будетъ до какого государева дѣла, и его отсылать къ воеводамъ а будетъ какое разбойное, или татиное, или убойственное дѣло, и тѣхъ отсылать къ *губнымъ* старостамъ или къ земскимъ людемъ. (Акт. Эксп. Т. III. № 34).

85) Сравни Ак. Эксп. Т. III. № 34.

86) Сравни Акт. ист. Т. IV. № 202.

слался кто-нибудь изъ бояръ произвести обыскъ, и рѣшеніе обыкновенно произносилъ самъ Царь [78]). Также и о преступленіяхъ должностныхъ лицъ обыскивали воеводы или особые обыщики, и обыскъ большею частью отправлялся къ Великому Государю къ Москвѣ. Впрочемъ здѣсь иногда производились обыски и губными старостами [88]).

Таковъ былъ кругъ предметовъ, подвѣдомственныхъ губному управленію. Чичеринъ (Обл. Учрежден. стр. 480) не относитъ къ губнымъ дѣламъ всѣ иски, имѣвшіе своимъ основаніемъ простое обвиненіе, а не лихованный обыскъ или язычную молку или поимку съ поличнымъ. Онъ говоритъ, что вѣдомство губныхъ старостъ опредѣлялось не столько предметомъ управленія, сколько способомъ обвиненія и порядкомъ дѣлопроизводства, т. е., что, если обвинитель приводилъ вора или разбойника съ поличнымъ или требовалъ пристава для выемки поличнаго, то процессъ принадлежалъ къ вѣдомству губныхъ старостъ; но если онъ просто обвинялъ кого-нибудь въ кражѣ или въ разбоѣ, тогда дѣло отсылалось къ приказнымъ судьямъ, которые судили его обыкновеннымъ порядкомъ, и только тогда, когда нужно было употребить пытку, опять отсылали его въ Разбойный приказъ.

Мнѣніе это не совсѣмъ вѣрно: въ началѣ разсматриваемаго нами періода органы губнаго управленія начинали слѣдствіе и на основаніи простаго обвиненія [89]). Только въ концѣ царствованія Ѳео-

---

[87]) С. Г. Г. и Д. Т. II. № 60. И Государь Царь і Великій князь приказалъ бояромъ и велѣлъ углецкое дѣло по договору вершити.

[88]) Акты города Шуи (при Описаніи Шуи и окрестностей, составленномъ Борисовымъ) № 16. Здѣсь губный староста Фролъ Кишкинъ обыскиваетъ по Великаго Государя грамотѣ о насиліяхъ Шуйскаго воеводы Дмитрія Овцына надъ товарищами Шуйскаго кабацкаго откупщика Мишки Никифорова, Посничкомъ Семеновымъ и Ивашкомъ Яковлевымъ.

[89]) Сравни приведенныя въ прим. 84, Судную Грамоту удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи крестьянамъ, и уставную Переславскаго уѣзда Царевыхъ подклѣтныхъ сель крестьянамъ, гдѣ читаемъ: А кто *взыщетъ* пожоги или душегубства, или разбоя, или татбы, и выборнымъ судьямъ съ *губными старостами* того сыскивати всѣми людми вправду. Въ этихъ же грамотахъ о приводѣ съ поличнымъ находятся особыя постановленія.

Сравни также 17 статью Уставной книги и губные наказы, Бѣлозерскій 1571 года (Акт. Экс. Т. I. № 231), и старостѣ вотчинъ

дора Ивановича занесенъ въ Уставную книгу Разбойнаго Приказа слѣдующій указъ: на которыхъ людей иесцы бьютъ челомъ въ татбахъ и въ розбояхъ имянно, безъ поличнаго и безъ язычной молки, и не по лиховапнымъ обыскомъ, тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ Судной Приказъ, гдѣ ихъ судимъ, а будетъ въ Судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла розбойные доши до пытокъ и тѣхъ исцовъ и отвѣтчиковъ изъ Суднаго Приказу отсылать въ Разбойный приказъ. . . . А не скажутъ на себя въ разбоѣ, а въ обыску про нихъ разбой имянно скажутъ, иное ихъ по обыску казнити, а животы ихъ отдати исцемъ по тому жъ оцѣня.

Послѣ того, какъ мы опредѣлили такимъ образомъ, что называлось губнымъ дѣломъ, намъ необходимо для нашей цѣли въ общихъ чертахъ познакомиться съ органами, завѣдовавшими губнымъ дѣломъ въ разбираемое нами время. Мы видѣли, что во времена Царскаго судебника разбойными и татиными дѣлами завѣдовали: 1) губные старосты, головы и приказщики, власть которыхъ уже въ Грамотѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 года сравнительно съ древнѣйшими губными грамотами значительно успилась насчетъ полноправности земскаго схода. 2) Бояре, которые завѣдывали разбойнымъ дѣломъ въ Москвѣ.

Во второй половинѣ 16-го вѣка губное дѣло стало иногда поручаться не особеннымъ нарочно выбраннымъ для того всѣми сословіями органамъ, но общимъ земскимъ властямъ. Въ это время мы встрѣчаемся съ отставленіемъ намѣстниковъ и съ возложеніемъ ихъ функцій на земскихъ старостъ - излюбленныхъ головъ, выбранныхъ посадскими и волостными людьми: имъ предоставленъ былъ судъ въ гражданскихъ дѣлахъ, имъ же отдало правительство и губное дѣло. Вѣдали они лихихъ людей или самостоятельно, или же вмѣстѣ съ губными старостами, въ округѣ которыхъ входили тѣ общины или посады, ко-

---

Троицкаго Сергіева монастыря, Измирѣ Амосову, 1586 года (Акт. Эксп. Т I. № 33 *). Въ семъ послѣднемъ наказѣ постановляется:

А на которыхъ людехъ иесцы ищутъ розбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ разбоѣхъ не говорятъ, а иесцы опричь поля улики не учинятъ никоторые, и губному старостѣ Измирѣ про тѣхъ людей обыскивати: и скажутъ про нихъ въ обыску что они лихіе люди, а лиха про нихъ въ обыску въ разбоѣхъ имянно не скажутъ же и губному старостѣ Измирѣ тѣхъ людей посадити по обыску въ тюрму на смерть.

торымъ было даровано самоуправленіе. Иногда выборные судьи разбирали только тѣ лихія дѣла, которыя подлежали дотолѣ вѣдомству намѣстниковъ, разбойныя же дѣла судили губные старосты.

Согласно этому и уставныя грамоты періода можно раздѣлить на три различныя категоріи:

1) Грамоты, въ которыхъ право суда надъ всѣми лихими дѣлами предоставлено *исключительно* выборнымъ судьямъ. Примѣромъ могутъ служить Важская и Двинская уставныя грамоты. (Акт. Эксп. Т I. №№ 234 и 250).

2) Грамоты, гдѣ выборные судьи вѣдаютъ *всѣ* лихія дѣла вмѣстѣ съ губными старостами. Таковы уже не разъ приводимыя нами грамоты, судная удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Замосковной, Вохонской волости, бобровничьей полусохи крестьянамъ, и Уставная Переславскаго уѣзда, Царскимъ подклѣтнымъ селамъ.

3) Грамоты, гдѣ губное дѣло не подчинено земскимъ выборнымъ, судьямъ, но вѣдается исключительно губными старостами. Таковы грамоты: Переславскимъ рыболовамъ 1555 года и Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Засецкихъ волостей крестьянамъ (Ак. Эксп. Т. I №№ 242 и 243).

Здѣсь мы постоянно встрѣчается съ постановленіемъ:

А въ разбойныхъ дѣлахъ волостныхъ людей судити имъ и управливати губнымъ старостамъ по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ.

По нашему мнѣнію разширеніе понятія губнаго лихаго дѣянія и состоялось именно путемъ этого обоюднаго вторженія земскихъ выборныхъ судей въ область губныхъ старостъ, и губныхъ старостъ въ область земскихъ судей: такимъ образомъ подводились подъ одну категорію разбой, судившійся губными старостами, и остальныя лихія дѣла, судъ надъ которыми выборные земскіе судьи унаслѣдовали отъ древнихъ намѣстниковъ и волостелей.

Также и центральное правительство посылало иногда въ города обыщиковъ для производства обыска о различныхъ *губныхъ* дѣлахъ. Такъ напр. въ 1573 году посланъ былъ сыщикъ Андрей Колупаевъ обыскать въ городѣ Коломнѣ и въ Коломенскомъ уѣздѣ про разбой «Коломнятина Романа Богданова сына Волжина,» а обыскные списки

приказано ему было подать въ Москвѣ, въ Розбойный приказъ [90]). Здѣсь рѣшеніе произносилъ Розбойный приказъ.

Эти обыщики—знаменательное явленіе въ исторіи нашего судопроизводства. Они указываютъ на значительное усиленіе приказнаго начала. Вскорѣ, а именно въ началѣ 17-го столѣтія, стали посылаться въ города обыщики не для одного какого-нибудь опредѣленнаго обыска, но для постояннаго завѣдованія губнымъ дѣломъ вмѣстѣ съ губными старостами.

Поручалось губное лихое дѣло иногда и воеводамъ, которые дѣйствовали или самостоятельно [91]) или же вмѣстѣ съ губными старостами. Съ симъ послѣднимъ явленіемъ мы встрѣчаемся тогда, когда жители губнаго округа были недовольны своимъ старостой и просили Государя запретить ему, вѣдать ихъ въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ безъ воеводы. Подобному ограниченію подвергались иногда и сыщики [92]).

Таковы были органы губнаго управленія первой четверти 17 столѣтія.

Но всѣ эти различные органы не только не удовлетворяли своей цѣли, но даже мѣшали однообразному примѣненію распоряженій центральной власти и единству дѣйствія въ дѣлѣ преслѣдованія разбойниковъ. Правительство не знало, что дѣлать, а между тѣмъ разбои въ слѣдствіе смутъ періода междуцарствія дошли до грандіозныхъ размѣровъ [93]);

---

[90]) Акты Юридическіе, изданные Колачевымъ, Т. II. № 230. II и III. О томъ, что подобная посылка сыщиковъ случалась нерѣдко, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ подкрестной записи на вѣрность Борису Годунову: А какъ Государь Царь и Великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Россіи пришлетъ къ намъ въ городъ кого, обыскивать про свои государевы и про земскіе про которые дѣла и про разбой, и про татбу и про убивство и про пожегу. и т. д.

[91]) Ср. Временникъ. Кн. IV. Матеріалы. стр. 32—52. Дѣла о губныхъ старостахъ и воеводахъ. Изъ этихъ дѣлъ видно. что когда по челобитью жителей губные старосты замѣнялись воеводами, то сіи послѣдніе судили въ уголовныхъ дѣлахъ на правахъ первыхъ: А которые люди учнуть воровать, разбивать и красть; и ему (воеводѣ) тѣхъ воровъ разбойниковъ и татей велѣти имати и сыскивать про ихъ воровство *по Государеву указу, каковъ о томъ Государевъ указъ прислань въ Дмитровъ изъ Разбойнаго приказу.*

[92]) Акт. Шуп. I. № 18.

[93]). Правительству приходилось иногда вести настоящую войну съ воровскими шайками. Такъ изъ Разрядной книги 7123 года видно, что въ замосковные и поморскіе города пришли »воры козаки многіе люди«:

наконецъ въ Москвѣ рѣшились привести въ исполненіе мысль Грознаго, и сдѣлать губныхъ старость учрежденіемъ повсюднымъ въ Россіи. Въ 1627 году изданъ былъ царскій указъ, которымъ повелѣвалось, »во всѣхъ городѣхъ устроити губныхъ старостъ, ... а впредъ сыщиковъ, для сыску татиныхъ и розбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ въ городы не посылать« (Акт. Эксп. Т. III. № 171).

Но вводимое такимъ образомъ повсемѣстно губное управленіе носитъ на себѣ совершенно другой характеръ чѣмъ то, которое столѣтіе тому назадъ устраивалъ Иванъ IV. Губные старосты ничѣмъ не отличаются болѣе отъ приказныхъ людей. Даже выборъ ихъ былъ болѣе номинальный чѣмъ дѣйствительный. Такъ, если земскій сходъ не учнетъ выбирать лучшихъ людей въ губные старосты, то повелѣвается »устроить губнаго старосту, по списку лутчаго человѣка, а выборы на него на дворянѣхъ и на всякихъ людѣхъ доправити«.

Но и это нововведеніе просуществовало не долго. Сыщики стали

про нихъ говорится, что они въ уѣздѣхъ по селамъ и по деревнямъ и по дорогамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и гостей и торговыхъ и уѣздныхъ всякихъ людей, гдѣ ково наѣдутъ побиваютъ до смерти и изъ животовъ пытаютъ, жгутъ и мучатъ разными муками и животы грабятъ и села и деревни жгутъ и собрався къ городамъ приступаютъ и къ Москвѣ ни съ чѣмъ не пропускаютъ и *тѣсноту Московскому государству чинятъ великую.*

Къ этимъ ворамъ посланы были сперва различныя духовныя лица для увѣщеванія и съ ними бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, который, »если козаки отъ воровства не отстанутъ,« долженъ былъ »съ людьми сбираться въ Ярославлѣ« и ходить на козаковъ.

За тѣмъ противъ разбойниковъ высылаемы были наемныя войска, Литва и Нѣмцы, подъ начальствомъ стольника Ивана Васильевича Измайлова.

Наконецъ, не смотря на всѣ эти мѣры, шайки пришли подъ Москву, гдѣ и были на голову разбиты окольничьимъ Ортемьемъ Измайловымъ (Ср. Разрядную книгу 7123 года въ Временникѣ Общ. Ист. и древностей [кн. I.]). Обыкновенно воеводѣ, посылаемому съ военною силою въ извѣстный округъ для искорененія разбойниковъ, поручалось и завѣдываніе *всѣми* губными дѣлами этого округа. При семъ и губный процессъ нѣсколько видоизмѣнялся, принимая болѣе суммарный характеръ. Такъ князю Дмитрію Пожарскому, посланному съ военными силами въ Суздаль, Владиміръ и Шую, приказано вѣдать и всѣ губныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ уже начатыхъ но еще не вершенныхъ: эти дѣла приказано вершить губнымъ старостамъ. (Ср. Разрядную книгу 7124 года въ Временникѣ. Кн. II. стр. 52—55)

снова посылаться (Ак. Шуи. I. № 27 и 28), а губныхъ старостъ во многихъ городахъ не было выбрано. Въ сихъ послѣднихъ городахъ по прежнему губнымъ дѣломъ завѣдывали воеводы. Этотъ порядокъ получилъ санкцію Верховной власти въ Уложеніи (Гл. XXI. ст. 3): А вѣдати въ городѣхъ розбойныя и убійственныя и татиныя дѣла Губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ по наказамъ изъ Разбойного приказу, а Воеводамъ въ городѣхъ такихъ дѣлъ ничѣмъ не вѣдати. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, и въ тѣхъ городѣхъ губныя дѣла вѣдать Воеводамъ и приказнымъ людямъ.

Всѣ эти органы были подчинены контролю Разбойнаго приказа въ Москвѣ. Сюда присылались всѣ дѣла, которыя почему либо »вершить было не мочно,« а равно и всѣ остальныя, если приказъ, по челобитію заинтересованныхъ лицъ или же по собственному усмотрѣнію, находилъ это необходимымъ. Мнѣніе Чичерина, что въ первой половинѣ 17 столѣтія губные старосты подчинялись областнымъ приказамъ, и что только въ Уложеніи постановлено всѣ губныя дѣла по всему государству вѣдать въ Разбойномъ приказѣ, не выдерживаетъ критики. Чичеринъ основывается на показаніяхъ »записки о царскомъ дворѣ«, помѣщенной въ Акт. Ист. Т. II, № 355, и составленной во времена Михаила Ѳеодоровича, но съ этимъ показаніемъ не согласны всѣ акты эпохи. Такъ въ Уставной Грамотѣ посадскимъ людямъ города Шуи 1606 года (Акт. Шуи I. 1), въ челобитной Шуянъ на сыщика Павла Кузминскаго 1614 года (Акт. Шуи I. 4), въ грамотѣ новоторжскому воеводѣ князю Кропоткину о выборѣ губнаго старосты (Акт. Эксп. Т. III, № 171) 1627 года, въ грамотѣ губному старостѣ Переславля Рязанскаго Смагину 1647 года (Акт. Юрид. изданные Колачевымъ № 55 X) и во всѣхъ памятникахъ эпохи, до насъ дошедшихъ, говорится о Разбойномъ приказѣ, какъ объ учрежденіи, завѣдывавшемъ разбойнымъ дѣломъ по всей Россіи. Да и показаніе записки о царскомъ дворѣ весьма темно и можетъ быть истолковано такъ, что не будетъ противорѣчія съ другими памятниками [94]).

[94]) Относящееся къ нашему предмету мѣсто записки читается слѣдующимъ образомъ.

И въ большихъ городѣхъ по боярину, а диѣ и два, да по дьяку, а въ меньшихъ по дворянину, и завѣдаютъ всякіе дѣла; а на разбойные и татебные дѣла по всѣмъ городамъ устроены губные старосты изъ дворянъ, и ежегодъ привозятъ дѣла къ Москвѣ, всякой въ свой приказъ и на Москвѣ бояре дѣлъ слушаютъ и указъ чинятъ.

Дѣятельность Разбойнаго приказа является весьма неопредѣленною, а посему и вызвала разногласіе между изслѣдователями. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ (напр. Неволинъ, Полное собраніе сочиненій Т. VI, стр. 198—199; Градовскій, Ист. Мѣстн. Упрв. стр. 343–344) утверждаютъ, что въ 17 столѣтіи областныя власти, какъ воеводы такъ и губные старосты, производили только слѣдствіе, приговоръ же произносился Разбойнымъ приказомъ. По ихъ мнѣнію,– и при этомъ они ссылаются на показаніе Котошихина (Гл. VIII. 1)– только воеводамъ Астрахани, Сибири и Терка предоставлено было право казнить разбойниковъ безъ доклада. Напротивъ того другіе, а именно Чичеринъ (Обл. Учрежд. стр. 148–150. 493–494) и Дмитріевъ (Ист. Суд. Инст. стр. 55 и 306) полагаютъ, что уголовныя дѣла поступали на разсмотрѣніе Разбойнаго приказа только въ извѣстныхъ случаяхъ. Относительно губныхъ старостъ Чичеринъ говоритъ: Наказанія также совершались по распоряженію губныхъ старостъ, которые по Уложенію имѣли право наказывать преступниковъ и смертью, не донося о томъ въ Разбойный приказъ. По назначеніе мѣста ссылки предоставлено было высшему правительству; ему же губные старосты доносили о людяхъ, пойманныхъ безъ отпускныхъ писемъ съ вырѣзанными ушами. Запрещено было также освобождать безъ царскаго указа преступниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ болѣе полугода. Что же касается до воеводъ, то Чичеринъ думаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли неограниченное право суда и наказанія, другіе же въ важныхъ дѣлахъ должны были, по произведеніи слѣдствія, дожидаться царскаго рѣшенія, третіи наконецъ должны были о всѣхъ преступникахъ доносить государю и, не совершая наказанія, держать ихъ въ тюрьмѣ до указа (стр 148). При семъ Чичеринъ высказываетъ мысль, что слова Котошихина: «А казнити ихъ (т. е. воровъ) кто бы каковъ ни былъ, безъ указу царскаго и не описався къ нему не вельно, и учинити никто не смѣетъ, кромѣ Сибири и Астрахани, и Терка. . . . . », не подтверждаются другими оффиціальными памятниками.

Если послѣднія слова отнести не къ однимъ губнымъ старостамъ, но ко всѣмъ поименованнымъ приказнымъ людямъ, то противорѣчія между запиской и приведенными нами грамотами не существуетъ, ибо въ такомъ случаѣ записка утверждаетъ только, что всякій приказный человѣкъ привозитъ дѣла въ тотъ приказъ, которому онъ подчиняется.

Разберемъ сперва этотъ споръ относительно губныхъ старостъ, а за тѣмъ относительно воеводъ.

Неоспоримо то, что у насъ нѣтъ ни одного общаго законодательнаго постановленія, въ которомъ губнымъ старостамъ предписывается по *всѣмъ* дѣламъ посылать докладъ въ Разбойный приказъ, но неоспоримо также и то, что Чичеринъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ по Уложенію дѣло не вершилось безъ доклада и слѣдовавшаго за нимъ Государева указа.

Такъ во многихъ случаяхъ (ср. напр. ст. 42, 43 и 44, Гл. XXI Уложенія) предписывается подсудимыхъ посадити въ тюрьму до Государева указа. Впрочемъ незадолго до изданія Уложенія губныя власти вершили и эти дѣла безъ доклада. А именно въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ выраженіемъ »посадити въ тюрьму на смерть« вмѣсто »посадити въ тюрьму до Государева указу«. И такъ мы можемъ сказать, что вообще губные старосты были обязаны посылать доклады въ Разбойный приказъ только въ *извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ* [95]). Замѣтимъ при семъ, что по мѣрѣ проникновенія губнаго вѣдомства приказнымъ на-

---

[95]) Воронежскіе Акты, приводимые въ доказательство противнаго Г. Градовскимъ, по которымъ болѣе или менѣе можно заключить, что изъ Воронежа всѣ дѣла посылались на рѣшеніе въ Разбойный приказъ, ничего не доказываютъ, ибо, согласно характеру всего тогдашняго законодательства, отдѣльные наказы губнымъ старостамъ могли, какъ справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, содержать въ себѣ самыя разнообразныя ограниченія власти губныхъ старостъ. Градовскій кромѣ того ссылается на Акты Юрид. № 55, X, XIX, XXI (1 и 2). Все это грамоты изъ Разбойнаго приказа къ губнымъ старостамъ объ учиненіи наказанія татямъ и разбойникамъ. Но грамоты эти опять-таки не могутъ служить доказательствомъ. Въ первой изъ нихъ (№ X) дѣло представлено въ Разбойный Приказъ губнымъ старостой по собственному усмотрѣнію, потому что ему этого дѣла почему-то »рѣшить было немочно«, т. е. потому, что онъ не умѣлъ его вершить: это видно изъ того, что онъ приводнаго съ поличнымъ даже не пытаетъ,—на что онъ имѣлъ неоспоримое право, но дожидается разрѣшенія Разбойнаго Приказа. Во второй грамотѣ (XIX) дѣло идетъ о ссылкѣ, которая всегда опредѣлялась указомъ изъ Разбойнаго приказа. Наконецъ въ 3-й (XXI 1. 2) грамотѣ дѣло переносится въ Москву по просьбѣ одного изъ заинтересованныхъ лицъ.

Самое перечисленіе Уложеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло вершиться Государевымъ указомъ указываетъ на то, что *не всегда* этотъ указъ былъ необходимъ.

чаломъ, кругъ этихъ случаевъ все болѣе и болѣе разширялся, что явствуетъ изъ сличенія Уложенія съ Уставной книгой Разбойнаго приказа [96]).

Относительно воеводъ намъ кажется, что невозможно установить общаго правила. Степень власти воеводъ опредѣлялась каждый разъ наказомъ, даваемымъ воеводѣ. Показаніе Котошихина не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ, ибо Котошихинъ говоритъ только, что въ *его время* правомъ казнить злодѣевъ безъ доклада пользовались только воеводы Сибири, Астрахани и Терка: онъ не излагаетъ намъ исторію воеводскаго управленія *во все продолженіе 17 столѣтія.* А между тѣмъ у насъ есть много наказовъ воеводамъ, гдѣ не говорится о докладѣ [97]), да и иностранные писатели упоминаютъ о воево-

---

[96]) Такъ еще въ царствованіе Грознаго предписывалось тѣхъ лицъ, »на которыхъ исцы учнутъ искать имянно разбоевъ и татьбъ, безъ поличнаго и язычной молки«, и про которыхъ въ обыскѣ скажутъ, что они лихіе люди, но лиха имянно не скажутъ, сажать въ тюрьму до Государева указа. (Сличи Уст. книгу Разб. Прик. ст. 17).

Въ царствованіе Бориса Ѳедоровича данъ въ Разбойный приказъ указъ: которые розбойники были на одномъ или на двухъ розбояхъ, а убивства и пожеговъ на тѣхъ розбояхъ не было, и тѣмъ *розбойникомъ сидѣти въ тюрмѣ до указу.*

Мало-по-малу эти случаи доклада все увеличивались и увеличивались.

[97]) Эти наказы приведены у Чичерина (обл. Учрежд. стр. 149). Градовскій думаетъ, что въ нихъ содержится вышеупомянутое ограниченіе воеводской власти, ибо выраженіе »а по сыску тѣмъ ворамъ чинить наказаніе« онъ считаетъ тождественнымъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ »чинить указъ до чего доведется«, которое онъ въ свою очередь признаетъ равнозначущимъ съ выраженіемъ »исполнить приговоръ московскаго приказа«. При семъ Градовскій указываетъ на то, что въ 1641 году Воронежскому губному старостѣ предписано было нѣкоего Луку Чистяка и другихъ оговоренныхъ людей »пытать и указъ имъ чинить, по наказу и языцкой молкѣ, кого до чего доведется«, и что, не смотря на это, въ концѣ указа все-таки прибавлено: да что въ томъ дѣлѣ сыскъ твой будетъ . . . . . и тыбъ все подлинное дѣло за своею рукою прислалъ къ намъ, къ Москвѣ, и велѣлъ отписку и сыскъ подать въ разбойномъ приказѣ . . . . а Луку Чистяка и Попова зятя Ивашка и наймита Ивашка изъ посади въ тюрьму до нашего указу«. Слѣдовательно, продолжаетъ Градовскій, выраженіе чинить указъ до чего доведется означало предписаніе исполнить приговоръ, который со временемъ состоится въ Москвѣ. Врядъ-ли оно могло означать что нибудь другое и въ наказѣ Олонецкому воеводѣ. Не говоря

дахъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ, которые наравнѣ съ воеводами Сибири, Астрахани и Терка пользовались правомъ самостоятельно казнить злодѣевъ. Одно только что можно сказать—это то, что большею частью воеводы должны были посылать доклады въ Москву.

Кромѣ этихъ дѣлъ, присылавшихся по закону на рѣшеніе Разбойнаго приказа, сей послѣдній произносилъ окончательный приговоръ еще въ слѣдующихъ отдѣльныхъ случаяхъ:

1) Когда губные старосты, которымъ по чему-либо »не мочно было вершити дѣла« испрашивали разрѣшенія приказа.

2) Когда заинтересованныя стороны просили Великаго Государя взять дѣло въ Розбойный приказъ, къ Москвѣ. Это случалось весьма часто при тогдашнихъ притѣсненіяхъ со стороны областныхъ властей. (Сравн. напр. Акт. Юрид. № 55, XXI, 1, 2. Акты города Шуи, I, № 97).

3) Когда для изслѣдованія какого-нибудь важнаго дѣла Розбойный приказъ посылалъ обыщика или же предписывалъ мѣстнымъ властямъ произвести обыскъ.

Такова была власть Разбойнаго приказа.

Мы разсмотрѣли органы, завѣдовавшіе губнымъ дѣломъ въ городахъ Московскаго государства. Въ самой Москвѣ уголовное правосудіе отправлялось нѣсколько иначе. Здѣсь дѣлами полиціи благочинія и уголовнаго суда завѣдовалъ Земскій приказъ, которому подчинены были объѣзжіе головы, рѣшеточные сторожи, приставы и ярышки. (Ср.

уже о томъ, что выраженіе »а по сыску тѣмъ ворамъ велѣть чинить наказаніе« далеко не тождественно съ выраженіемъ »чинить указъ до чего доведется«, намъ не понятно, съ какой стати законодатель, который въ другихъ наказахъ, гдѣ власть воеводская на самомъ дѣлѣ ограничена, высказывается такъ ясно и опредѣленно о докладѣ, въ разбираемыхъ нами наказахъ замѣнилъ эти ясныя и точныя выраженія словами, »а по сыску тѣмъ ворамъ велѣть чинить наказаніе«, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ его мысли. А что законодатель умѣлъ опредѣленно выразиться объ ограниченіи воеводской власти, это мы видимъ напр. изъ наказа Керольскому и Мезенскому воеводѣ 1646 г. (Доп. къ Акт. II. Т. III, № 18), гдѣ говорится слѣдующее: А къ которымъ людемъ разбойникомъ и татемъ пріѣздъ будетъ, или сами учнутъ розбивать и красть, и про тѣхъ людей сыскивать, а сыскавъ писати ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу къ Москвѣ, а тѣхъ людей сажати въ тюрму до Государева указу, и Государь тѣмъ людемъ велитъ указъ учинить.

Акт. Ист. Т. IV, № 6, VIII, Улож. гл. XXI, ст. 2, П. С. З. № 6. Наказъ о градскомъ благочиніи, Неволинъ. Полное собраніе сочиненій Т. VI, стр. 186). Приказное начало исключительно господствовало во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, а потому и правила судопроизводства, примѣнявшіяся въ Земскомъ приказѣ, нѣсколько отличаются отъ правилъ, бывшихъ въ употребленіи въ другихъ частяхъ Россіи, на что мы будемъ имѣть случай не разъ указать въ нашемъ изслѣдованіи. Земскій приказъ не подчинялся Розбойному, но дѣлалъ самостоятельные доклады Царю, а поэтому и разрѣшенія на эти доклады отличались иногда отъ разрѣшеній, данныхъ въ подобныхъ же случаяхъ Розбойному приказу. Впрочемъ, иногда Земскій приказъ въ сомнительномъ дѣлѣ не испрашивалъ разрѣшенія Государя, но посылалъ память въ Розбойный приказъ съ просьбою выписать изъ Уставной книги Государевъ указъ, по которому можно рѣшить данный случай (Сравни Акт. Ист. Т. IV, № 6, VII и IX).

Теперь переходимъ къ разсмотрѣнію постановленій о повальномъ обыскѣ памятниковъ временъ Царскаго Судебника и Уложенія.

А. Повальный обыскъ, состоящій въ общемъ сыскѣ злодѣевъ извѣстной мѣстности.

Обыскъ этотъ, какъ мы видѣли, уже во времена непосредственно предшествующія Судебнику принялъ отличный отъ первоначальнаго характеръ. Сошедшіеся на земскій сходъ люди уже не обыскивали »межъ себя« разбойниковъ, но напротивъ того *ими обыскивалось* про злодѣевъ, тревожившихъ извѣстную мѣстность: они не могли дѣйствовать самостоятельно, не могли предпринять ту или другую мѣру: они просто *должны* были отвѣчать на вопросы, предлагаемые имъ обыщиками; въ дальнѣйшее производства дѣла обыскные люди не имѣли права вмѣшиваться: всѣмъ ходомъ процесса заправляли различныя завѣдовавшія губнымъ дѣломъ власти, о которыхъ мы говорили выше. Этимъ властямъ предписано было собирать въ одно мѣсто всѣхъ, подвѣдомственныхъ имъ, жителей извѣстной округи и обыскивать ими про татей и разбойниковъ. Въ губныхъ грамотахъ конца 16 столѣтія не опредѣляется, какъ часто должны были производиться подобныя обыски; по всей вѣроятности это было предоставлено усмотрѣнію губныхъ старостъ. Напротивъ того Уставная книга Разбойнаго приказа (см. 12) предписываетъ »въ городѣхъ и въ губахъ губнымъ старостамъ обыскивать про татей и проразбойниковъ по *всѣ годы* и того беречь накрѣпко, чтобъ однолично

татей и разбойниковъ ни въ которой губѣ становъ и пріѣздовъ не было.

Въ Уложеніи опять не назначается опредѣленныхъ сроковъ для общихъ обысковъ:

А то Губнымъ старостамъ приказывати накрѣпко, и въ наказѣхъ писати имъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы они про татей и про разбойниковъ сыскивали, и того смотрѣли, и берегли накрѣпко, чтобы однолично нигдѣ татей и розбойниковъ, розбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было (Гл. XXI. ст. 5).

Иногда высшее правительство, извѣстившись объ умноженіи разбоевъ, повелѣвало произвести общіе повальные обыски. Такъ въ полномъ собраніи законовъ (№ 256) находимъ подъ 1659 годомъ слѣдующую грамоту Боярину и Воеводѣ князю Долгорукову:

Вѣдомо Великому Государю учинилося Коширскаго, Коломенскаго уѣздовъ и иныхъ мѣстъ уѣздные люди, по вѣстямъ бѣгутъ въ городы въ осаду; и тѣхъ уѣздныхъ людей воровскіе люди, устращивая воинскими людьми, и ясакомъ кличутъ Татарскимъ, по дорогамъ грабятъ и въ деревняхъ разоряютъ; а иные де воры на Коширѣ перепманы, и Боярину и Воеводѣ велѣно отъ себя послать дворянъ добрыхъ и про тѣхъ воровъ сыскать великихъ чиновъ людьми, а про которыхъ допряма сыщется и тѣхъ воровъ велѣно бить кнутомъ нещадно, а пущихъ заводчиковъ по человѣку въ городѣ велѣно повѣсить, чтобъ, на то смотря, неповадно было иным воровать.

Эти обыски губные старосты, а равно и всѣ остальные сыщики, должны были дѣлать по Государеву крестному цѣлованію и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого, ничего, ни которыми дѣлы. За нарушеніе этого предписанія угрожается тяжкимъ наказаніемъ. Такъ въ наказѣ губному старостѣ отчины Сергіева монастыря 1586 года (Акт. Экси. Т. I. № 330) читаемъ:

А учнетъ губной староста Измиря татиные и розбойные дѣла дѣлати неприямо, по недружбѣ, или мстя кому недружбу, или по посуломъ, а послѣ про то сыщется, и губному старостѣ Измирѣ отъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи въ томъ быти кажнену.

Но губные старосты въ дѣйствительности мало обращали вниманія на подобнаго рода угрозы закона: по мѣрѣ того, какъ они проникались приказнымъ началомъ, они позволяли себѣ все болѣе и болѣе

грубыя насилія и обманы [98]): вотъ почему мы и встрѣчаемся во все продолженіе 17 вѣка съ челобитными мѣстныхъ жителей на губныхъ старостъ. Да и сыщики не исполняли своихъ обязанностей и притѣсняли земство. Они иногда даже покровительствовали разбойникамъ и, подобно древнимъ доводчикамъ, вмѣстѣ съ ними грабили мѣстныхъ жителей. Такъ въ челобитной Шуянъ на сыщика Беклемишева 1617 года (Акт. Шуи, II, № 13) говорится:

Въ прошломъ въ 125 году присланы къ намъ въ Шую и въ Шуйскій уѣздъ Михаилъ Бекломишевъ да Подьячій Петръ Копцинъ для твоего Государева дѣла сыскивати татей и разбойниковъ и вся-

---

[98]) На что способны были губные старосты—видно изъ челобитной Шуйскаго воеводы Дмитрія Овцына на губнаго старосту Фрола Кишкина 1628 года (Акт. Шуи, I, № 16). Губному старостѣ было поручено обыскать про насилія воеводы Овцына. Какъ же онъ произвелъ обыскъ? Объ этомъ въ челобитной говорится слѣдующее: и тотъ, Государь, губной староста, Фролъ Кишкинъ, по той твоей Государевѣ по обыскной обыскиваетъ и у иныхъ людей, Государь, у себя на дворѣ поитъ и велитъ обыски писать своему дьячку Ивашку Семенову, который съ нимъ сидѣлъ у твоего Государева дѣла, въ губной избѣ, нарова имъ откупщикомъ и ему Мишкѣ съ товарищемъ; да тотъ же Фролъ Кишкинъ взялъ обыскъ у Архимандрита Шуйскаго Троицкаго монастыря за ихъ руками, и воровски, Государь, велѣлъ дьячку тому Ивашку Семенову, обыскъ Троицкой переписать, рѣчи и руку дьякона Чернова, Троицкаго Капидона, на склѣйкѣ вырѣзалъ, и подписавъ воровски въ тово дьякона мѣсто руку ниже склѣйки, и тотъ обыскъ Троицкой, посылалъ, переписавъ, въ Шартомскій монастырь Николы Чудотворца къ архимандриту Варсанофью и хкѣларю и ко всѣмъ братьемъ съ Никольскимъ же крестьяниномъ губнымъ Цѣловальникомъ, а велѣлъ написать вобыску также, какъ онъ Фролъ воровски написалъ въ Троицкомъ обыску; и многимъ, Государь, тотъ Троицкой обыскъ, уѣзднымъ людемъ казалъ, и въ села посылалъ, переписавъ, чтобъ противъ тово воровскова обыску всѣ дали обыски; и свѣдалъ Государь, то воровство Троицкій архимандритъ Варнава съ братьею, что ихъ обыскъ Фролъ Кишкинъ рѣчи переписалъ, и руку дьяконову вырѣзалъ и подписалъ иную руку, и ѣздилъ къ нему, ко Фролу, самъ архимандритъ о томъ обыску говорить ему Фролу, что онъ своровалъ обыскъ ихъ, переписалъ рѣчи, и дьяконову руку вырѣзалъ и иную подписалъ, и тотъ, Государь, губной староста Фролъ Кишкинъ къ нему ко архимандриту тотъ ихъ обыскъ прислалъ, съ казначеемъ съ Троицкимъ, со Львомъ старцемъ переписавъ рѣчи въ третьи и безъ дьяконови руки. . . . . И это дѣлалось при обыскѣ, производившемся по обыскной грамотѣ изъ Москвы! Чтожъ могло твориться при производствѣ общихъ повальныхъ обысковъ?

кихъ лихихъ людей и тотъ, Государь, Михаилъ Бекленишевъ съ товарищи воровскихъ людей татемъ и разбойникомъ наровять и не сыскивають, а съ нихъ Государь, емлютъ поминки рублевъ по сту по двѣсти и больше, и тѣ, Государь, таги и разбойники, *по ихъ умышлению*, села и деревни разбивають въ день, и на насъ на сиротъ твоихъ, по ихъ наученью грозятца . . . .

Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, правительство издало особые законы, клонящіеся къ предотвращенію злоупотребленій сыщиковъ при повальныхъ обыскахъ. Обращаемся теперь къ самому производству обысковъ и къ обыскнымъ людямъ.

Прежде всего разсмотримъ составъ схода.

Когда повальный обыскъ былъ не только обязанностью, но въ то же самое время и правомъ, тогда въ немъ принимали участіе всѣ »безъ омѣны« жители извѣстнаго округа [99]). Не то мы видимъ въ губныхъ грамотахъ конца 16 столѣтія. Только люди служилаго сословія и ихъ приказщики, а равно и духовенство, поголовно являются на сходъ, крестьяне же присылаютъ только съ выти по человѣку [100]). Иногда даже и этого не требуется: нужно только, чтобъ сошлись крестьяне, многіе люди [101]).

---

[99]) Это сохранилось еще въ грамотѣ селамъ Кириллова монастыря, составляющей, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, переходъ отъ стараго къ новому порядку вещей: собственно говоря эта грамота идетъ даже въ извѣстномъ отношеніи далѣе предъидущихъ; ибо, не смотря на то, что губное управленіе даруется только селамъ Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, что Великій Государь пожаловалъ именно только *старостъ и сотскихъ и десятскихъ и всѣхъ крестьянъ Кириллова монастыря селъ*, въ губные старосты все-таки выбираются дѣти боярскіе, и имъ предписывается обыскивать про татей и про разбойниковъ »*князми*, *дѣтми боярскими* и *всѣми служилыми людьми*, и старостами и сотскими и десятскими и всѣми крестьяны. Ничего подобнаго не встрѣчается въ позднѣйшихъ грамотахъ. Такъ въ губной грамотѣ Троицкому Сергіевому монастырю и обыскивается *только* »попы дьякопы, приказщики и крестьяны«.

[100]). А. Экп. Т. I, № 281.

[101]). А. Экп. Т. I, № 330, II. Такимъ образомъ производство обыска въ дѣлахъ розыскныхъ принимаетъ тотъ же характеръ какъ и въ судныхъ. Мы имѣли уже случай замѣтить (ср Гл. I § 2 настоящаго изслѣдованія), что законъ 21 авг. 1556 года только лучшимъ людямъ предписываетъ являться поголовно къ обыскамъ, относительно же остальныхъ требуется только многолюдство.

Въ 17 столѣтіи общихъ сходовъ изъ цѣлаго уѣзда по всей вѣроятности и не было. Сыщикъ разбивалъ свой участокъ на нѣсколько частей и въ этихъ частяхъ производилъ отдѣльные повальные обыски. Всѣ эти отдѣльные повальные обыски составляли въ совокупности общій большой повальный обыскъ [102]). Это дѣленіе объясняется обширностью участковъ, дававшихся сыщикамъ въ 17 столѣтіи.

Уложеніе въ главѣ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ умалчиваетъ о составѣ схода обыскныхъ людей. Въ розыскныхъ дѣлахъ обыскивалось тѣми же людьми что и въ судныхъ. Постановленія же о сихъ послѣднихъ содержитъ ст. 161 главы X Уложенія: изъ нея видно, что кромѣ Русскихъ людей къ обыску призывались и Татары, Черемисы, Вотяки и Чуваши, а равно и Литва и Нѣмцы.

Мало-по-малу духовенство стало исключаться изъ повальныхъ обысковъ; такъ уже въ 1665 году въ общемъ обыскѣ, произведенномъ въ Шуѣ сыщикомъ Огибаловымъ, не обыскивается духовенствомъ [103]), а въ грамотѣ въ Бѣжецкій Верхъ на Городецъ о содѣйствіи государеву сыщику [104]) 1667 года между обыскными людьми, подлежавшими за ложные обыски наказанію, ничего не упоминается о лицахъ духовныхъ. Это происходитъ оттого, что въ разсматриваемое нами время пришли къ убѣжденію, что не подобаетъ свѣтскимъ сыщикамъ допрашивать духовныхъ, а слѣдуетъ отсылать ихъ къ своимъ судьямъ.

По закрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, ихъ не устранили отъ

---

[102]). Такъ до насъ дошелъ одинъ обыскной листъ 1644 года: въ немъ говорится, что сыщикъ стольникъ князь Михаилъ Ивановичъ Щетининъ и подъячей Ѳеофанъ Протопоповъ обыскивали въ Шуѣ на посадѣ и въ Шуйскомъ уѣздѣ большимъ повальнымъ обыскомъ, архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы по священству, а старцы по иноческому обѣщанію, а боярскихъ и дворянскихъ и дѣтей боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ прикащики и старосты и крестьяны, и Шуяны, посацкими людьми, по Государеву цареву и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича крестному цѣлованію.

Еслибъ всѣ вышеупомянутые обыскные люди сошлись на одинъ общій земскій сходъ, то и рѣчи ихъ были-бы записаны вмѣстѣ. Между тѣмъ въ обыскномъ листѣ находятся только рѣчи духовенства и посадскихъ людей города Шуи: значитъ для обыскныхъ людей Шуйскаго уѣзда составленъ былъ другой обыскной листъ, а равно они собирались на другой сходъ (Ср. Акт. Шуи, I. 27).

[103]) Акт. Шуи, II. 94.

[104]) Акт. Эксп. Т. III. 159.

участія въ обыскахъ, но во избѣжаніе воздѣйствія на нихъ ихъ господъ симъ послѣднимъ воспрещено было писаться въ обыски вмѣстѣ съ ними, (Ул. Т. X, ст. 161). Таковъ былъ составъ схода обысныхъ людей. За тѣмъ собравшіеся обыскные люди должны были отвѣчать на предлагаемые обыщиками вопросы.

Что касается этихъ вопросовъ, то чѣмъ повѣе губная грамота или обыскной листъ, тѣмъ болѣе специализированы эти вопросы. Обыщикъ уже не удовлетворяется тѣмъ, что земцина считаетъ такос-то лицо лихимъ человѣкомъ, онъ желаетъ знать кого розбивалъ или кралъ обвиняемый, и что его лихо. Это въ общихъ чертахъ уже видно въ Царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ 12 марта 1571 года (Акт. Экси. Т. I, 281).

И на кого въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, тати и розбойники, и къ кому розбойники пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привезутъ, и кому розбойники розбойную рухлядь продаютъ за разбойное, *и что ихъ лихо, кого розбивали и кого крали.* . . . . .

Еще опредѣленнѣе высказывается этотъ принципъ въ наказѣ губному старостѣ Троицкаго Сергіева монастыря Измирѣ Амосову 1586 года (Акт. Экси. Т. I, 330, II). Здѣсь различается общій, такъ сказать обвинительный повальный обыскъ про татей и разбойниковъ и спеціальные обыски объ оговоренныхъ на общемъ обвинительномъ обыскѣ людяхъ. А именно Измирѣ Аммосову предписывается обратиться сперва къ обыскнымъ людямъ съ общими вопросами: кто у нихъ въ Троецкой вотчинѣ въ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ, и къ кому тати и разбойники пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на разбой ѣздятъ, и кому разбойную рухлядь продаютъ за розбойное.

За тѣмъ, когда обыскные люди отвѣтятъ на эти вопросы, то губному старостѣ предписывается приступить къ спеціальнымъ обыскамъ. А на кого именно на лихихъ людей обыскные люди скажутъ, что они лихіе люди, тати и розбойники, или на кого въ пріѣздѣ розбойниковъ скажутъ и губному старостѣ Измирѣ *про оговорныхъ людей обыскныхъ людей распрашивати подлинно*: что чье лихо, кто кого розбивалъ, или кто кого кралъ и сколь давно, и къ кому съ разбоя и на разбой ѣздили.

Въ 17 вѣкѣ вопросы еще болѣе спеціализируются. Такъ напр. въ обыскномъ листѣ 1644 года сыщикъ Щетининъ предлагаетъ Шуя-

намъ слѣдующіе вопросы: Хто у нихъ въ тѣхъ городѣхъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ лихихъ людей, татей и розбойниковъ и душегубцовъ, а гдѣ у ково имянемъ живутъ, и сколь давно, и въ которомъ году, и о кою пору розбойники ково розбивали или тати ково крали, или хто ково убилъ до смерти. И хто нынѣ крадетъ и розбиваетъ и до смерти людей побиваетъ, и какіе люди, и гдѣ хто, и откуды и отъ ково имянемъ розбойники розбивали,—ѣздятъ ли и розбоемъ хкому пріѣзжаютъ? И хто станы держитъ, и во всемъ норовитъ, и хкому татинную и разбойную рухлядь привозитъ и гдѣ нынѣ разбойники, или тати, и за кѣмъ именемъ по селамъ и по деревнямъ живутъ и гдѣ по дорогамъ, и по лѣсомъ и по пустошамъ собрався станы стоятъ [105]).

Что означаетъ это постепенное спеціализированіе вопросовъ?

Намъ кажется, что тутъ отражается процессъ развитія уголовнаго права: Государство начинаетъ сознавать, что несправедливо преслѣдовать цѣли общественной безопасности въ ущербъ правамъ отдѣльныхъ личностей, что напротивъ того слѣдуетъ »коемужъ воздати по дѣломъ его«. Законодатель руководится здѣсь тѣми же началами, которыя побудили кроткаго царя Ѳеодора Ивановича воспретить казнить смертію не сознавшихся злодѣевъ.

Вотъ почему облихованнаго въ общемъ обвинительномъ обыскѣ и не подвергали тотчасъ пыткѣ, но обыскивали »про его лихо« особымъ спеціальнымъ обыскомъ, который въ свою очередь подчинялся правиламъ обязательнымъ для спеціальныхъ обысковъ вообще, имѣвшихъ въ виду опредѣлить степень виновности *извѣстнаго* подсудимаго. Эти правила мы разсмотримъ ниже. Теперь же займемся разборомъ остальныхъ постановленій объ общихъ обвинительныхъ обыскахъ.

По губнымъ грамотамъ конца 16 столѣтія обыскные люди должны были отвѣчать на вопросы прямо, вправду, по Государеву Цареву и Великаго Князя крестному цѣлованію. Также давались показанія и въ первой половинѣ 17 столѣія (См. напр. Акт. Ш. I, № 27).,

Ясачными людьми, какъ мы видимъ изъ Уложенія (Гл. X. 161), обыскивалось по ихъ вѣрѣ по шерти [106]). Литва же и нѣмцы показывали безъ всякихъ формальностей: они только подписывали обыскъ [107]).

---

[105]) Сравн. также Акт. Шуи, II, 94. Сказка Шуянъ о разбойникахъ и татяхъ, данная сыщику Огибалову 1665 года.

[106]) Т. е. съ ссылкою на шертную запись на вѣрпость Государю.

[107]) И это насъ еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что выраженіе »по

Въ шестидесятыхъ годахъ 17 столѣтія встрѣчаемся съ новою формою обыскныхъ показаній. Такъ въ 1665 году обыскные люди Шуяне отвѣчаютъ сыщику Огибалову »по святой, Христовѣ, непорочной заповѣди Господней ей же, ей«. Форма эта, какъ мы увидимъ ниже, окончательно признана законодательствомъ въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 года. Заимствована она по всей вѣроятности изъ обысковъ, производившихся духовенствомъ [108]). Сіе послѣднее основывалось при семъ на словахъ Спасителя: Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сего, отъ неприязни есть (Мат. Гл. V, 37). При тогдашнемъ стремленіи очистить вѣроученіе отъ вкравшихся въ оное заблужденій, эта заповѣдь Господня не могла пройти не замѣченной относительно показаній свидѣтелей и обыскныхъ людей.

Предъ допросомъ обыщики должны были внушать обыскнымъ людямъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, »чтобъ они не лгали, и лихихъ людей не укрывали, а добрыхъ бы людей напрасно не клепали, и семьями бы и заговоры по дружбѣ и по недружбѣ рѣчей своихъ не говорили ни на кого ни въ чемъ; а учнутъ лгати лихихъ людей укрывати, а добрыхъ людей напрасно учнутъ клепати, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ обыскнымъ, которые учнутъ лгати, отъ Государя быти казненнымъ«.

Эта казнь состояла по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа во взиманіи вытей и въ наказаніи двухъ или трехъ лучшихъ людей обыскныхъ кнутомъ (ст. 27). Уложеніе (Гл. X, ст. 162) подвергаетъ солгавшихъ денежному штрафу на Государя въ размѣрѣ отъ 1—50 рублей, смотря по положенію виновнаго. Кромѣ того духовные отсылаются къ

Государеву крестному цѣлованію« означаетъ ссылку на подкрестную запись. Лица, не дававшія подобной записи, и не ссылались на нее.

[108]) Такъ уже въ 1658 г. десятильникъ Филопъ Ивановичъ Давыдовъ обыскиваетъ по указу архіепископа Суздальскаго и Торусскаго Филарета посадскими людьми Шуянами, по Христовѣ Евангельской непорочной заповѣди ей ей вправду«, о томъ »ѣздилъ-ли соборный попъ Иванъ на медвѣдѣ« (Акт. Шуи I, № 33). Во времена до и непосредственно послѣ Уложенія и духовенство обыскивало по Государеву крестному цѣлованію. Такъ въ 1642 году Шуяне, посадскіе люди сказали обыщику преосвященнаго Серапіона архіепископа Суздальскаго и Торускаго, по Государеву крестному цѣлованію, что »попъ Антипа, отъ Свѣтлаго Воскресенья и по сіе мѣсто, на кабакъ ходитъ, и пьетъ и съ кабака покупаючи пьетъ, и къ себѣ на дворъ носитъ«.

своимъ властямъ для смиренія, а изъ приказныхъ и крестьянъ десятый человѣкъ подвергался наказанію кнутомъ. Далѣе Уложеніе постановляетъ, что если кому-либо отъ лживыхъ обысковъ учинится »убытка и проѣсти и волокиты: и то все доправити на тѣхъ же людяхъ, кто въ обыску солжетъ, и отдати тому, кому тѣ убытки учинятся. А будетъ которые люди по такимъ лживымъ обыскомъ будутъ пытаны: и тѣмъ пытаннымъ людемъ велѣти на тѣхъ людехъ кто въ обыску солжетъ, правити безчестіе и увѣчье вчетверо.

Эти постановленія Уложенія о наказаніи за лживые обыски относились собственно къ обыскамъ въ дѣлахъ судныхъ, но они примѣнялись и въ обыскахъ розыска, какъ видно изъ ст. 61 XXI главы Уложенія.

Это примѣненіе въ розыскѣ правилъ суда весьма замѣчательно. Мы только что видѣли, что Уставная книга Разбойнаго приказа назначаю за лживые обыски въ розыскномъ судопроизводствѣ другое наказаніе, чѣмъ то, которое примѣнялось въ дѣлахъ судебныхъ. Составители Уложенія изглаживаютъ это различіе и, разъ постановивъ въ главѣ »о судѣ« выше приведенныя взысканія за лживыя показанія обыскныхъ людей, въ главѣ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, въ которой говорится о розыскномъ судопроизводствѣ, излагаютъ относящуюся сюда 27-ю статью Уставной книги Разб. приказа слѣдующимъ образомъ: А которые обыскные люди въ городѣхъ на посадѣхъ, и въ уѣздѣхъ по селамъ и по деревнямъ въ обыску скажутъ, что у нихъ розбойниковъ нѣтъ, а посѣ розбойники сыщутся, а они ихъ въ обыскѣхъ укрыли: и тѣмъ обыскнымъ людемъ за ихъ ложь чинити указъ противъ того же, какъ про обыскныхъ людей за лживые обыски написано въ судной статіѣ выше сего.

Это еще одинъ примѣръ постепеннаго сліянія обоихъ институтовъ.

Постановленія Уложенія о лживыхъ обыскахъ повторены и въ царской грамотѣ въ Бѣжецкій Верхъ на Городище о содѣйствіи Государеву сыщику (Акт. Экси. IV. 159).

Подобному же наказанію подвергались и такъ-называемые ослушники, »которые обысковъ давати не учнутъ«, ибо всѣ подданные Великаго Государя должны были въ дѣлѣ поимки преступниковъ содѣйствовать какъ правительственнымъ властямъ, такъ и частнымъ лицамъ. А именно: повальный обыскъ является только однимъ изъ видовъ этого содѣйствія; наряду съ ними находятся и другіе виды, издревле сущест-

вовавшіе въ Россіи. Мы считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о сихъ послѣднихъ, для большаго уясненія лежавшей на обыскныхъ людяхъ обязанности, указывать властямъ на преступниковъ, ихъ сообщниковъ и укрывателей.

Въ первой главѣ нашего изслѣдованія мы подробно разсмотрѣли обязанности, лежавшія на древней славянской общинѣ относительно преслѣдованія преступленій. Мы тогда уже замѣтили, что обязанности эти съ теченіемъ времени стали возлагаться и на сложныя изъ общинъ единицы, и что онѣ подготовили почву для возникновенія института повальнаго обыска. Но въ то же самое время всѣ эти обязанности не слились въ одно учрежденіе повальнаго обыска,—напротивъ того, они продолжали существовать рядомъ съ нимъ какъ самостоятельные виды. Одно только, что можно сказать, это то, что онѣ болѣе или менѣе утратили свой характеръ общинныхъ обязанностей и приняли характеръ земскій, съ самаго начала присущій повальному обыску. Въ тоже самое время возникли новые виды этихъ обязанностей. Такимъ образомъ къ концу 16 и въ особенности въ 17 столѣтіи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ комплектомъ подобнаго рода повинностей. Важнѣйшія изъ нихъ, кромѣ *прямаго* отвѣта въ повальномъ обыскѣ, суть слѣдующія:

1) Обязанность ловить и приводить въ губу разбойниковъ, татей и убійцъ, проживающихъ въ извѣстной мѣстности. Еще въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа обязанность эта носитъ въ извѣстой степени прежній общинный характеръ, ибо въ случаѣ не представленія татя въ губу взысканію вытей подвергаются *всѣ* жители той сотни, улицы, волости, села, вотчины или помѣстья, гдѣ тотъ тать имѣлъ свое мѣстопребываніе (ст. 28). Въ Уложеніи характеръ этотъ измѣняется, ибо по ст. 62 Гл. XXI Уложенія отвѣчаютъ только тѣ люди, которые того татя знали и укрывали. Въ вышеупомянутомъ царскомъ наказѣ въ Бѣжецкій Верхъ на Городище обязанность эта является съ вполнѣ выработавшимся общеземскимъ характеромъ. Всѣмъ градскимъ и уѣзднымъ разныхъ чиновъ людямъ предписывается разбойниковъ, татей и вѣдуновъ и всякихъ воровскихъ людей у себя не таить, но имая приводить къ Государеву сыщику.

За неисполненіе этого предписанія угрожается тяжкими казнями: и тѣмъ людямъ кто такихъ воровъ учнетъ укрывать и у себя держать и воровство ихъ таить, отъ насъ Великаго Государя стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ и жильцомъ, и городовымъ дво-

рядомъ и дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ служилымъ знатнымъ людемъ быть *въ великой опалѣ и въ сылкѣ, и помѣстья ихъ и вотчины укажемъ мы, Великій Государь, отписати на насъ, Великаго Государя, и роздать въ розчачу безъ поворота*; а градскимъ и уѣзднымъ и иныхъ всякихъ меншихъ чиновъ людемъ быть *въ смертной казни, безъ всякаго милосердія, а дворы ихъ и животы взяты будутъ на насъ же, Великаго Государя, и розданы будутъ въ исцовы иски.*

Изъ Уложенія видно, что преступники непремѣнно должны были быть представлены въ губу, и что изымавшіе ихъ не могли самовольно подвергнуть ихъ наказанію. Такъ у помѣщика, сыскавшаго у себя разбойниковъ, своихъ людей или крестьянъ, и не представившаго ихъ въ губу, отнимается помѣстье и отдается въ роздачу, непомѣстные люди за такое правонарушеніе подвергаются наказанію кнутомъ по торгамъ, а крестьяне смертной казни [109]).

А для того, чтобы законное предписаніе исполнялось и на дѣлѣ, чтобы всѣ приводили татей въ губу, не страшась быть оговоренными отъ нихъ въ сообщничествѣ, уже въ Уставной книгѣ разбойнаго приказа постановляется: А которые люди приведутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ будетъ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей говорити, которые ихъ приведутъ, розбой или татбу; или иное какое воровство и тому всговору не вѣрить, для того, чтобъ всякимъ людемъ безстрашно было воровъ имая въ губу приводить.

2) Обязанность выходить на »вопъ розбитыхъ людей«.

Если гдѣ-нибудь случится разбой, то всѣ, слышавшіе крикъ разбиваемыхъ, должны были немедленно спѣшить къ нимъ на помощь. Точно также, если »розбитые люди« звали въ погоню или на слѣдъ, то никто не могъ отказаться слѣдовать за ними. На лицъ, не исполнившихъ эту обязанность, потерпѣвшіе отъ преступленія могли принести жалобу. Тогда производился обыскъ окольными людьми, которые въ тѣ поры въ погонѣ и на слѣду были: если исходъ обыска былъ неблаго-

---

[109]) Эти постановленія возникли подъ вліяніемъ Грекоримскаго права и ими обозначенъ новый успѣхъ государственной идеи. На источники этихъ статей я имѣлъ уже случай указать въ другомъ мѣстѣ (Смотри мое сочиненіе: Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen. Dorpat, 1868. Seite 70). Прибавимъ здѣсь, что для полнѣйшаго уразумѣнія приведенныхъ тамъ источниковъ не мѣшаетъ сравнить еще Basilicorum, Liber LX, Tit. XXXIX, 30.

пріятный для обвиняемыхъ, то на нихъ за »выдачку и ослушаніе« взимались выти. Таковы постановленія по этому предмету Уставной книги Разбойнаго приказа (ст. 36) [110]).

Они повторены слово въ слово въ Уложеніи (Гл. XXI, ст. 59); только согласно видоизмѣнившемуся взгляду на преступленіе за выдачку и ослушаніе назначается не одно взиманіе вытей, но и нещадное сѣченіе кнутомъ. До насъ дошло описаніе подобнаго призыва на слѣдъ и возникшихъ при семъ безпорядковъ въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, въ Шую, губному старостѣ Любиму Васильевичу Кикину, гдѣ читаемъ:

А въ челобитной ихъ (архимандрита Троицкаго монастыря Антонія съ братьею) написано: въ нынѣшнемъ 175 году, января противъ десятаго числа, въ ночи, въ Шуѣ, на посадѣ, покрали тати церковь Воскресенія Христова, отъ образа пречистые Богородицы Смоленскіе прикладные кресты, и деньги и серги, и ту де пропажу осмотрѣли въ воскресенье, попы Олексѣй Ивановъ, да Григорей Васильевъ, пришодъ заутрею служить, и какъ отслужили заутреню и про ту де пропажу прихожанамъ своимъ, по дворамъ ходя, сказывали. И какъ де будетъ часъ дня, умысля тѣ попы съ прихожаны своими, съ посацкими людьми, и почали слѣдить дорогою къ ихъ монастырю; пришли де на монастырь многіе посацкіе люди полемъ, а имъ архимандриту и братьѣ не сказавъ, и вѣсти не подавъ, и онъ де архимандритъ Антоней съ братьею, увидавъ на монастырѣ, и учалъ ихъ спрашивать: для чего многіе люди въ монастырь пришли? И онѣ де, Шуяне, посацкіе люди, сказали имъ: покрали де тати, церковь Воскресенія Христова, отъ образа Пречистыя Богородицы Смоленскія прикладные кресты и деньги и серги,—и слѣдъ де пришолъ въ монастырь. И они, архимандритъ Антоней, и съ братьею, видя ихъ напрасное нападеніе, что прислонили къ монастырю слѣдъ, не дѣломъ сговорились, чтобъ розыскать и разсмотрѣть слѣдъ подлинной и по кельямъ себя обыскивать велѣли. И они де Шуяне, посацкіе люди, въ кельи ихъ на обыскъ не пошли, и не обыскивали, и говорили, что де ихъ искать нечево;—и по тому, де, ихъ напраспому слѣду, тѣ, Воскресенья Христова, попы Алексѣй да

---

[110]) Это не что иное какъ дальнѣйшее развитіе приведеннаго нами выше постановленія Русской Правды о томъ же предметѣ (Гл. I, § 1).

Григорей, съ прихожаны своими, съ Ивашкомъ Смольяниномъ, съ Габкою Корчевымъ, съ Олешкою Тюлепевымъ, съ Ондрошкою Тѣлегою, съ Ивашкою Рѣпинымъ, съ Офонькою Дыринымъ, и съ церковными цѣловальниками Ѳедькою Аѳанасьевымъ и съ Петькою Болотовымъ, стакався ложно, и умысля попять на домъ живоначальныя Троицы и на нихъ архимандрита Антонія, съ братьею,—бьютъ челомъ намъ, Великому Государю, словесно (Акт. Ш. I, 97).

Таковы были въ общихъ чертахъ обязанности по сыску преступниковъ, лежавшія на земствѣ.

Займемся теперь разсмотрѣніемъ дальнѣйшаго хода повальнаго обыска.

Вслѣдъ за общимъ обвинительнымъ обыскомъ производились спеціальные обыски объ отдѣльныхъ оболхованныхъ личностяхъ. За тѣмъ показанія записывались обыскными людьми. Если какое-нибудь дѣло по существу своему должно было быть послано въ Разбойный приказъ, то съ него снималась копія, которая оставалась для вѣдома въ губной избѣ, между тѣмъ какъ подлинные обыски отсылались въ Москву.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ обыска была посылка за оговорными: оговорные имались, ихъ животы и статки переписывались, печатались и отдавались съ поруками на сбереженіе окольнымъ сосѣдямъ »докуды дѣло вершится«. Далѣе оболхованные подвергались пыткѣ, имѣвшей цѣлью подтвержденіе результатовъ, добытыхъ обыскомъ. Если обвиняемый признавался, то онъ приговаривался по Уставной книгѣ Разбойнаго приказа къ наказанію смертію (ст. 1). Уложеніе подвергаетъ виповнаго наказанію, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ преступленіе (Гл. XXI, 35). Не признавшихся преступниковъ сажали по силѣ 9 статьи Уст. книги Разб. прик. въ тюрьму на смерть. Постановленіе это введено, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, царемъ Ѳедоромъ Иваповичемъ. Прежде же этого, если въ обыскахъ про несознавшагося преступника говорили лихо имянно, то онъ не смотря на запирательство все-таки подвергался смертной казни [111]).

---

[111]) Сличи Ак. Экси. Т. I, № 330. II ст. 397. Впрочемъ приведенное здѣсь постановленіе не относится къ общимъ обвинительнымъ и непосредственно вытекающимъ изъ нихъ спеціальнымъ обыскамъ. Поэтому высказанное нами въ текстѣ мы основываемъ преимущественно на аналогіи.

Такимъ образомъ результатъ нашихъ изслѣдованій объ общихъ повальныхъ обыскахъ можетъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ: *Въ разсматриваемое нами время общіе повальные обыски служатъ простымъ способомъ для поднятія уголовнаго иска: изъ нихъ непосредственно вытекаютъ спеціальные обыски объ оболихованныхъ людяхъ, являющіеся въ свою очередь не чѣмъ инымъ какъ простымъ судебнымъ доказательствомъ.*

Б. Частные (спеціальные) повальные обыски. Кромѣ этихъ общихъ обвинительныхъ и непосредственно вытекающихъ изъ нихъ спеціальныхъ повальныхъ обысковъ уже въ періодъ царскаго Судебника, какъ мы видѣли выше, встрѣчаются частные повальные обыски, происхожденіе которыхъ мы имѣли уже случай объяснить при разборѣ постановленій Судебника и древнѣйшихъ губныхъ грамотъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ:

I. Обысвъ объ оговорныхъ людяхъ.

Постановленія объ этомъ видѣ повальнаго обыска изобилуютъ въ памятникахъ конца 16 и начала 17 столѣтія. Ими же богата и XXI Глава Уложенія о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ.

Чтобъ понять развитіе законодательства по этому предмету, необходимо перепестись нѣсколько назадъ и припомнить постановленія Судебниковъ. Въ предъидущемъ § мы видѣли, какимъ образомъ язычная молка сдѣлалась могучимъ средствомъ для открытія и преслѣдованія преступниковъ. За тѣмъ мы замѣтили, что въ началѣ дальнѣйшую участь подсудимаго рѣшалъ повальный обыскъ, на основаніи котораго онъ или освобождался или же подвергался пыткѣ. Таковы простыя и несложныя постановленія Судебника по этому предмету. Но послѣдующія памятники, въ которыхъ очевидно высказывается желаніе согласить интересы общественной безопасности съ правами отдѣльныхъ личностей и съ отвлеченною идеею справедливости, проповѣдуемою церковью, содержатъ болѣе сложныя и болѣе казуистическія постановленія. Окончательный приговоръ по дѣлу, поднятому на основаніи язычной молки, законодатель ставитъ въ зависимость отъ различныхъ условій. Для признанія преступника *вполнѣ* виновнымъ необходимо было напр., чтобъ не было противорѣчія между оговоромъ и показаніями обыскныхъ людей, а равнымъ образомъ, чтобъ оговоръ и обыскъ были подтверждены очною ставкою съ языкомъ и пыточными рѣчами самаго оговорнаго. Изъ этихъ-то четырехъ факторовъ, оговора, очной

ставки, повальнаго обыска и пытки, и создавалось убѣжденіе судьи въ полной виновности подсудимаго. Но такой результатъ получался только тогда, когда всѣ эти доказательства являлись съ тѣмъ характеромъ, который требовался отъ нихъ по закону: при малѣйшей погрѣшности въ этомъ отношеніи подсудимый не могъ быть признанъ вполнѣ виновнымъ и полное наказаніе не могло быть примѣнено. Напротивъ того, если находились налицо извѣстныя условія, въ слѣдствіе которыхъ одно изъ вышеупомянутыхъ доказательствъ получало особое, если можно такъ выразиться, квалифицированное въ сравненіи съ обыкновеннымъ значеніе, то для примѣненія высшаго наказанія иногда достаточно было одного такимъ образомъ обставленнаго доказательства. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣненіе высшаго наказанія не имѣло мѣста, подсудимый не освобождался вполнѣ отъ суда и слѣдствія, но приговаривался къ менѣе строгимъ наказаніямъ, иногда просто только ко взысканію истцовыхъ вытей. И здѣсь примѣненіе того или другаго наказанія зависѣло отъ *количества* и *качества* приведенныхъ доказательствъ.

Задачею нашею будетъ опредѣлить 1) порядокъ, къ которомъ вышеупомянутыя доказательства слѣдовали одно за другимъ на судѣ, и 2) вліяніе повальнаго обыска на окончательный приговоръ, при чемъ необходимо будетъ указать и на различнаго рода комбинаціи судебныхъ доказательствъ и на ту роль, которую въ этихъ комбинаціяхъ игралъ повальный обыскъ.

Но прежде всего этого мы должны рѣшить вопросъ, примѣнялся ли повальный обыскъ въ дѣлахъ, возникшихъ по лычнымъ молкамъ, во все продолженіе этого періода и во всѣхъ-ли мѣстностяхъ Россіи?

Изъ постановленій памятниковъ конца 16 столѣтія, Уставной книги Разбойнаго приказа и Уложенія видно, что постепенно отдается преимущество пыткѣ предъ повальнымъ обыскомъ, но съ полнымъ устраненіемъ повальнаго обыска изъ процесса объ оговорныхъ людяхъ не встрѣчаемся. Правда, на дѣлѣ часто обходились и безъ повальнаго обыска, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя, дошедшія до насъ челобитныя на губныхъ старостъ.

Теперь переходимъ къ разсмотрѣнію того порядка, въ которомъ слѣдовали судебныя доказательства одно за другимъ на судѣ.

По Судебнику, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, за оговоромъ слѣдовалъ обыскъ и за тѣмъ уже пытка. Тоже самое видимъ мы и въ

Губномъ Бѣлозерскомъ наказѣ 1571 года. Впрочемъ здѣсь уже упоминается одинъ исключительный случай, въ которомъ пытка могла быть произведена и до обыска: А на которыхъ людей языки говорятъ а они учнутъ бити челомъ о обыску, чтобъ про нихъ послали въ тѣ мѣста, гдѣ они прежъ сего жили: и старостамъ послати въ тѣ мѣста обыскати, гдѣ они прежъ сего жили; а пеци на нихъ учнутъ бити челомъ и на пытку ихъ просити, и старостамъ тѣхъ людей до обыску пытати и управу чинити по семужъ наказному списку.

Исключеніе это сдѣлано очевидно въ пользу частнаго интереса потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, а потому и не имѣетъ особеннаго значенія.

Горяздо важнѣе постановленіе о пыткѣ оговоренныхъ людей наказа губному старостѣ Пзмирѣ Аммосову, показывающее въ законодателѣ стремленіе предпослать пытку обыску вообще и чрезъ это дать ей преобладающее значеніе въ процессѣ.

Да тѣхъ оговорныхъ людей съ разбойники, которые на нихъ говорили, ставити съ очей на очи во многихъ людехъ: да кого розбойники и тати товарищевъ своихъ во многихъ людехъ познаютъ и учнутъ на нихъ въ татьбахъ и въ разбоѣхъ говорити тожъ, что и за очи говорили и губному старостѣ Пзмирѣ тѣхъ людей пытати; а пытаны не учнутъ на себя говорити, и про тѣхъ людей обыскати многими людьми.

Правда, что это единственный случай примѣненія пытки прежде обыска, упоминаемый наказомъ 1586 года. Дѣло идетъ здѣсь о подсудимыхъ, оговоренныхъ преступниками, въ свою очередь облихованными большимъ обвинительнымъ повальнымъ обыскомъ. Значитъ предполагается цѣлая масса язычныхъ молокъ, направленныхъ противъ одной и той же личности. Въ слѣдствіе этого оговоръ пріобрѣталъ особое квалифицированное значеніе и могъ непосредственно помимо повальнаго обыска вести къ пыткѣ. Одна язычная молка никогда не имѣла по наказу 1586 года подобнаго значенія. Даже двѣ и три молки не оправдывали непосредственнаго примѣненія пытки [112]).

Уставная книга Разбойнаго приказа относительно порядка при-

---

[112]) А на котораго человѣка говорятъ въ разбоѣ языка два или три, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ а половина лихимъ, и того человѣка пытати.

мѣненія доказательствъ различаетъ строго, сдѣланъ-ли оговоръ однимъ языкомъ или же нѣсколькими. Въ первомъ случаѣ повальный обыскъ обыкновенно предшествуетъ пыткѣ (ст. I. 7), во второмъ же случаѣ пытка—обыску, или лучше сказать обыскъ производится только тогда, когда подсудимый не сознается на пыткѣ.

Единственными исключеніями являются: 1) оговоръ однимъ языкомъ бродящаго человѣка, который объ обыску быти челомъ не учнетъ, а скажетъ, что его нигдѣ не знаютъ. Такого человѣка предписывается »по *язычной молкѣ* пытати«. 2) Оговоръ, подтвержденный признаніемъ самаго оговореннаго: подобное признаніе обыкновенно сопровождалось пыткой (ст. 24). Пытка такимъ образомъ является главнымъ и важнѣйшимъ средствомъ, для открытія истины, но въ то же самое время средствомъ, которое должно быть *примѣняемо* съ осторожностью. Обыкновенно пыткѣ предшествуетъ оговоръ, очная ставка и повальный обыскъ. Непосредственно за оговоромъ пытка слѣдуетъ только тогда, когда это можетъ быть оправдано квалифицированнымъ характеромъ оговора, именно когда два языка, между которыми нельзя предполагать стачки, показываютъ на извѣстное лицо, какъ на своего товарища разбойника. Впрочемъ для того, чтобъ оговоръ нѣсколькихъ языковъ имѣлъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ пытку, необходимо было, чтобъ онъ былъ подтвержденъ очною ставкой. Въ противномъ случаѣ пыткѣ и здѣсь предшествовалъ повальный обыскъ.

Когда при запирательствѣ обвиняемаго обыскивалось послѣ пытки, то это имѣло цѣлью или подтвердить оговоръ, неподтвержденный пыткою, или же уничтожить въ *извѣстной степени* вредныя для подсудимаго послѣдствія оговора.

Уложеніе повторяетъ постановленія Уставной книги Разбойнаго Приказа (Гл. XXI. ст. 35, 38, 40—44); оно дѣлаетъ одно только исключеніе въ пользу знатныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей, которые прежде того въ приводѣ не бывали; всѣ эти знатные люди подвергались пыткѣ лишь по обнихованіи въ повальномъ обыскѣ, хотя бы ихъ оговаривало и нѣсколько языковъ (ст. 39). Относительно причинныхъ людей продолжали дѣйствовать прежнія узаконенія.

Обращаемся теперь къ вліянію повальнаго обыска на окончательный приговоръ.

Результатъ повальнаго обыска, имѣвшій вліяніе на постановленіе

окончательнаго рѣшенія, могъ состоять: 1) въ одобреніи оговорнàго, или 2) въ облихованіи онаго, или же 3) въ объясненіи со стороны обыскныхъ людей, что они подсудимаго не знаютъ, или, хотя и знаютъ, но про то не вѣдаютъ, лихой ли онъ человѣкъ или добрый. Кромѣ того мнѣнія обыскныхъ людей могли раздѣлиться, одна сторона могла назвать оговорнаго лихимъ человѣкомъ, другая добрымъ. Относительно вліянія одобренія на окончательный приговоръ нѣтъ колебанія въ законодательствѣ, нѣтъ противорѣчій въ памятникахъ. Губныя грамоты конца 16 столѣтія, Уставная книга Разбойнаго приказа, Уложеніе, однимъ словомъ, всѣ памятники освобождаютъ оправданнаго отъ уголовнаго наказанія. Только исцовы выти взыскиваются на немъ по язычной молкѣ. Отъ платежа вытей нельзя было *обыкновенно* отдѣлаться повальнымъ обыскомъ. Въ видѣ привиллегіи Уложеніе освобождаетъ знатныхъ людей, одобренныхъ въ обыскѣ, отъ платежа вытей.

Да будетъ въ обыску ихъ одобрятъ: и ихъ дати на чистую поруку съ записью, и животы имъ отдати, и выти на нихъ не имати.

Одобренныхъ отдавали на поруки за обыскныхъ людей. Съ этой порукой мы встрѣчаемся уже въ Губномъ Бѣлозерскомъ наказѣ 1571. Уставная книга Разбойнаго приказа содержитъ подробныя постановленія по этому предмету.

Обыскные люди, одобрившіе *виновнаго*, въ случаѣ, если это потомъ открывалось, подвергались платежу вытей, и кромѣ того изъ нихъ выбирали »лутчихъ двухъ или трехъ человѣкъ« и били кнутомъ (ст. 2). Однимъ словомъ здѣсь примѣнялось общее наказаніе за лживые обыски. Если же одобренный подсудимый, отданный на поруки обыскнымъ людемъ, начиналъ воровать за ихъ порукою, то на порутчикахъ предписывалось взять выть (ст. 3).

Кромѣ того поручители обязаны были поставить передъ судьей одобреннаго ими человѣка, какъ только его попытаютъ, т. е. по первому требованію судебной власти. Уложеніе повторяетъ эти постановленія Указной книги Разбойнаго Приказа, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что оно не назначаетъ наказанія обыскнымъ людямъ за ложное одобреніе виновнаго, а ссылается, какъ и въ постановленіяхъ объ общихъ повальныхъ обыскахъ, на судную статью, согласно которой и повелѣвается чинити указъ обыскнымъ людямъ за лживые обыски. Въ этомъ опять-таки видна нивелирующая дѣятельнось составителей Уложенія.

Относительно вліянія облихованія въ законодательствѣ замѣтны колебанія. Вообще говоря, къ облихованію законодатель питаетъ менѣе довѣрія чѣмъ къ одобренію. Правда, въ губныхъ грамотахъ конца 16 столѣтія облихованіе даже при запирательствѣ подсудимаго вело къ обвиненію и смертной казни, но только такое облихованіе, которому предшествовалъ оговоръ, подтвержденный очною ставкою. Если же оговоръ, вызвавшій повальный обыскъ, результатомъ котораго было облихованіе, не подтверждался очною ставкою, если языкъ не узнавалъ между многими людьми оговореннаго имъ человѣка, то для примѣненія высшаго наказанія—смертной казни, въ случаѣ запирательства со стороны подсудимаго, необходимо было не простое, но квалифицированное облихованіе, требовалось, чтобъ обыскные люди сказали про подсудимаго *лихо съ доводомъ*; въ противномъ случаѣ смертная казнь не имѣла мѣста, но замѣнялась тюрмою до смерти. А на которыхъ людей языки учнутъ говорити въ разбоѣ, а съ очей на очи на ставкѣ учнутъ сговаривати; а въ обыску ихъ назовутъ лихими людьми съ доводомъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску пытати; и учнутъ пытаны на собя говорити, и старостамъ ихъ казнити; а не учнутъ пытаны на собя и на своихъ товарищевъ говорити въ разбоѣхъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску казнити же.

Тоже самое повторяется и въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа. Сперва высказывается общее правило, по которому въ случаѣ оговора языками и облихованія въ повальномъ обыскѣ, подсудимый, не смотря на запирательство, подвергается смертной казни.

А на которыхъ людей языки съ пытки въ разбоѣ говорятъ, а сами на себя съ пытокъ не говорятъ, а въ обыскѣхъ ихъ многіе люди назовутъ лихими людьми, и тѣхъ людей, по язычнымъ молкамъ и по лихованнымъ обыскомъ, казнити смертью, а животы ихъ продавати въ выть (ст. 6).

За тѣмъ дѣлается исключеніе, относящееся къ повальному обыску, произведенному по оговору, не подтвержденному очною ставкою. Здѣсь постановленія Уставной книги Разбойнаго Приказа болѣе обобщены чѣмъ постановленія губныхъ грамотъ. Не дѣлается никакого различія между облихованіемъ съ доводомъ и безъ довода, но просто постановляется, что въ томъ случаѣ, когда оговоръ не подтвержденъ очною ставкой, то облихованіе не достаточно для примѣненія высшаго наказанія.

Кромѣ того Уставная книга содержитъ еще одну статью, которая какъ будто противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ постановленіямъ и только-что изложенному нами ученію. Статья эта говоритъ, что при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, данъ въ Разбойный приказъ указъ, по которому вообще воспрещалось казнить смертью не сознавшихся злодѣевъ. Противорѣчіе это объясняется характеромъ Уставной книги какъ сборника указовъ, дававшихся въ различное время въ Разбойный приказъ. Впрочемъ постановленіе это по всей вѣроятности относительно обыска объ оговорныхъ людяхъ дѣйствовало не долго. По крайней мѣрѣ оно не повторено въ Уложеніи. Между тѣмъ какъ въ сіе послѣднее внесены почти безъ измѣненій ст. 6 и 12 Уставной книги (ср. ст. 41 и 44). Только вмѣсто тюрьмы на смерть Уложеніе предписываетъ здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, посадить въ тюрьму до Государева указу. Впрочемъ изъ сличенія ст. 1, 5,6 и 12 Уставной книги и ст. 1, 41 и 44 Главы XXI-ой Уложенія можно вывести предположеніе, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда оговоръ подтверждался очною ставкою, облихованіе влекло за собой примѣненіе высшаго наказанія только тогда, когда оговоръ состоялъ изъ нѣсколькихъ язычныхъ молокъ. Такъ, говоря объ оговорѣ кого-либо однимъ языкомъ, разбираемые нами памятники предписываютъ казнить подсудимаго смертью, когда онъ самъ на себя учнетъ говорить; въ тѣхъ же случаяхъ, когда постановляется не стѣсняться запирательствомъ подсудимаго, всегда употребляется выраженіе »а на которыхъ людей *языки* съ пытки въ разбоѣ говорятъ«.

Обращаемся теперь къ тому случаю, когда обыскные люди дѣлились на двѣ партіи, на добрящихъ и лихующихъ оговорнаго. Здѣсь губныя грамоты и Уставная книга дѣлаютъ различіе, произведенъ-ли обыскъ на основаніи простаго или же квалифицированнаго оговора.

При простомъ оговорѣ различается далѣе, раздѣлились-ли обыскные люди на двѣ равныя или же на двѣ неравныя стороны, и находится-ли на сторонѣ, лихующей подсудимаго, человѣкъ пятнадцать или двадцать больше чѣмъ на другой: въ первомъ случаѣ подсудимый отдавался на поруки за тѣхъ обыскныхъ людей, которые его добрили, во второмъ же онъ сажался въ тюрьму на смерть.

При квалифицированномъ оговорѣ, когда на оговорнаго нѣсколько языковъ говорятъ въ разбоѣ, не дѣлается никакого различія, дѣлятся-ли обыскные поровну или не поровну, но во всякомъ слу-

чаѣ, гдѣ нѣтъ единства между обыскными, предписывается посадить оговорнаго въ тюрьму на смерть.

Въ Уставной книгѣ задается вопросъ, какъ рѣшать дѣла, когда обыскные раздѣлятся на двѣ стороны, и на той половинѣ, которая добритъ, будетъ больше обыскныхъ людей чѣмъ на другой (ст. 70 и 71)? Разрѣшенія на этотъ вопросъ Уставная книга не содержитъ. Такъ какъ и Уложеніе ничего объ этомъ не говоритъ, то слѣдуетъ полагать, что вышеупомянутое обстоятельство не имѣло никакого вліянія на приговоръ. Если на добрящей половинѣ и было больше обыскныхъ людей, то при квалифицированномъ оговорѣ подсудимый все-таки сажался на смерть въ тюрьму. При простомъ оговорѣ дѣло также не измѣнялось, ибо мы видѣли, что если противъ подсудимаго была только одна язычная молка, то уже простое раздѣленіе обыскныхъ людей поровну давало такой же результатъ какъ и полное одобреніе, т. е. подсудимый освобождался на поруки за обыскныхъ людей.

Уложеніе повторяетъ постановленія Уставной книги о раздѣленіи обыскныхъ людей на двѣ половины при простомъ оговорѣ, но умалчиваетъ о томъ же случаѣ при оговорѣ квалифицированномъ. Впрочемъ не безъ основанія можно предполагать, что и здѣсь продолжали дѣйствовать постановленія Уставной книги. Утверждаемъ мы это на основаніи слѣдующей статьи Уложенія.

А будетъ которые розбойники два или три человѣка съ пытокъ учнутъ говорити на кого въ разбоѣ на причинныхъ людей: и тѣхъ причинныхъ людей и безъ обыску пытать, и указъ имъ чинити до чего доведется (ст. 40. Гл. XXI). Здѣсь Уложеніе не указываетъ, какъ поступать, если оговорный съ пытокъ не повинится, оно ссылается на предъидущее законодательство, а это законодательство записано въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что кромѣ облихованія и одобренія, въ памятникахъ разбираемаго нами времени встрѣчается еще объясненіе обыскныхъ людей, что они оговорнаго не знаютъ, или хотя и знаютъ, но не вѣдаютъ, добрый-ли онъ или лихой человѣкъ. Уже въ губныхъ грамотахъ повелѣвается въ такомъ случаѣ сажать въ тюрьму на смерть. Тоже самое повторено и въ Уставной книгѣ Розбойнаго Приказа (ст. 11). Уложеніе и здѣсь замѣняетъ пожизненное тюремное заключеніе заключеніемъ до Государева указа.

Кромѣ этихъ общихъ правилъ объ оговорѣ, въ губныхъ грамотахъ, въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа и въ Уложеніи содержатся спеціальныя правила объ оговорѣ людей и крестьянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Поставить оговорнаго для очной ставки съ языкомъ лежало здѣсь на обязанности того, у кого жилъ оговорный. За неисполненіе сей обязанности съ хозяина взыскивались выти. Посему, если хозяинъ запирался и говорилъ, что у него такихъ людей не бывало, то производился обыскъ окольными многими людьми и дѣло вершилось согласно исходу этого обыска. Уже въ губномъ Бѣлозерскомъ наказѣ постановляется:

А на котораго княжего и боярскаго человѣка въ разбоѣ языкъ говоритъ, а тотъ князь или сынъ боярскій такого человѣка у собя не скажетъ: и старостамъ около ихъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, обыскати многими людьми, бывалъ ли у него таковъ человѣкъ; и скажутъ въ обыску, что у него таковъ человѣкъ былъ, и старостамъ на томъ князѣ или на сынѣ боярскомъ, за того человѣка имати выти въ полы истцова иску; а того князя и сына боярскаго дати на поруки, что ему того человѣка добывъ поставить передъ старостами . . . . ; а скажутъ въ обыску, что у него таковъ человѣкъ не бывалъ, на котораго языкъ говорилъ, и старостамъ на томъ князѣ и на сынѣ боярскомъ выть не имати.

Постановленіе это перешло въ Уставную книгу Разб. Прик. (ст. 14) и въ Уложеніе (Гл. XXI, ст. 46) безъ важныхъ измѣненій.

Ц. Обыскъ о приводныхъ съ поличнымъ людяхъ.

По Царскому Судебнику обыскъ производился при приводѣ съ поличнымъ *впервые*.

Судныя и Уставныя грамоты пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ 16 столѣтія развиваютъ это постановленіе Судебника. Согласно этимъ памятникамъ о приведенномъ съ поличнымъ впервые производился повальный обыскъ; если его добрили, то дѣло вершилось по суду, если же его называли лихимъ человѣкомъ, то онъ подвергался пыткѣ. За тѣмъ въ случаѣ признанія примѣнялась смертная казнь, въ случаѣ же запирательства тюремное заключеніе (Сравн. Акт. Экси. Т. I, № 257. А. Ист. Т. I, № 165).

Мало-по-малу въ законодательствѣ установились другія правила

объ обыскѣ про приводныхъ съ поличнымъ людей. Уставная книга Разбойнаго приказа различаетъ:

1) Приводъ съ поличнымъ *съ приставомъ*.

Когда поличное было выпуто съ приставомъ и съ понятыми, то въ слѣдствіе этого обстоятельства приводный немедленно подвергался пыткѣ, и ему чинился указъ *до чего доведется* (ст. 21).

2) Приводъ съ поличнымъ безъ пристава.

Въ настоящемъ случаѣ, если приводный билъ челомъ, что »псцы ополичнили его сильно«, то производился повальный обыскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его съ поличнымъ поймали, и повелѣвалось *указъ чинить потому, что въ сыску скажутъ, кто до чего доведется* (ст. 22).

Также, если кто-либо не давалъ приставу выпуть у себя поличнаго, то обыскивали понятыми и другими сторонними людьми, и если въ обыскѣ говорили, что »онъ поличнаго у себя выпути не далъ«, то онъ немедленно подвергался пыткѣ (ст. 23).

Все это постановляется на случай запирательства приводнаго. Если же онъ винился »не пытанъ«, то за этимъ признаніемъ слѣдовала пытка, и все дѣло вершилось на основаніи сей послѣдней, а повальный обыскъ совсѣмъ устранялся изъ слѣдствія (ст. 24. Сравн. также Грамоту 1647 года августа 17, губному старостѣ Переславля Рязанскаго, Дмитрію Смагину, о допросѣ съ пыткою лавочнаго сторожа Петра Кровопускова касательно воровства и разбоя. Акт. Ю. изданные Колачевымъ № 55).

Въ этихъ постановленіяхъ Уставной книги Разбойнаго Приказа замѣчательно то, что ими опредѣляется только порядокъ примѣненія судебныхъ доказательствъ на судѣ въ процессѣ о приводныхъ людяхъ, между тѣмъ какъ о вліяніи доказательствъ на окончательный приговоръ ничего не говорится. Поэтому слѣдуетъ предполагать, что здѣсь дѣйствовали правила подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говорили, разбирая постановленія объ обыскѣ по язычнымъ молкамъ [113]), хотя несомнѣнно и то, что существовали различія, обусловливаемыя *самимъ характеромъ причины возникновенія слѣдствія*.

Уложеніе развиваетъ постановленія Уставной книги Разб. приказа.

---

[113]) Наше мнѣніе мы основываемъ также и на ст. 24. У. книг. Р. прик., гдѣ говорится совмѣстно о язычной молкѣ, приводѣ съ поличнымъ и лиховашномъ обыскѣ.

Такъ относительно челобитной приводнаго о томъ, что истцы его ополичнили сильно, Уложеніе постановляетъ:

1) Что, если въ этомъ дѣлѣ »сыскати будетъ некѣмъ«, то въ томъ дать судъ и съ суда указъ учинить по тому же, до чего доведется (Гл. XXI, ст. 54).

2) Что если жалоба приводнаго будетъ подтверждена повальнымъ обыскомъ, то тѣмъ людямъ, которые его ополичнили, »чинити жестокое наказаніе, при многихъ людѣхъ бити ихъ кнутомъ нещадно«. (Гл. XXI, ст. 55).

3) Что, если по обыску окажется, что приводнаго подкинули ополичные не истцы а другіе люди, то »этимъ людямъ за такой воровской подметъ потому же чинити жестокое наказаніе, при многихъ людяхъ бити ихъ кнутомъ нещадно (Гл. XXI ст. 46).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ несправедливо обвиняемому виновные должны были уплатить безчестье вдвое (Гл. XXI, ст. 55 и 56).

III. Обыскъ о неотведшихъ отъ себя слѣда людяхъ.

Неотведенный слѣдъ бросалъ подозрѣніе въ учиненіи татьбы или разбоя и служилъ достаточнымъ основаніемъ для возбужденія уголовнаго слѣдствія. Слѣдствіе это начиналось обыскомъ, а за тѣмъ слѣдовала пытка, если по обыску оказывалось, что обвиняемые дѣйствительно »слѣду не отвели«. Послѣ обыска и пытки повелѣвалость чинить указъ, кто до чего доведется. Въ этомъ опять-таки нельзя не видѣть ссылки на постановленія объ обыскѣ про оговорныхъ людей. О неотведенномъ слѣдѣ говорится уже въ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа (ст. 26). Тоже самое повторяется и въ Уложеніи (Гл. XXI, ст. 60). Кромѣ того въ обыскныхъ листахъ начала 17 столѣтія неотведенный слѣдъ часто упоминается между основаніями для возбужденія уголовнаго слѣдствія [114]).

IV. Обыскъ о пойманныхъ »на разбоѣ« людяхъ.

Выше мы видѣли, что по призыву »розбитыхъ людей« всѣ жители окрестныхъ деревень и селеній должны были выходить къ нимъ

---

[114]) Такъ въ 1613 году священники города Шуи и посадскіе люди сказали Суздальскому осадному головѣ Ѳедору Мяпичу Болотникову, обыскивавшему про разбой князя Михаила Ѳедоровича Волконскаго, что князь Михайло Волконскій съ своими людьми не воровалъ, и слуху про нихъ не слыхали, и явокъ къ намъ отъ нихъ не бывало, и *слѣдомъ къ нимъ не прихаживали и полишнова у нихъ не выимывали* . . . . .

на помощь. Такимъ образомъ устранвалась правильная погони за злодѣями. При семъ всѣ люди, попадавшіеся по дорогѣ, по которой бѣжали разбойники, и подавшіе какой-либо поводъ къ подозрѣнію, забирались въ губу, гдѣ и подвергались пыткѣ. Если же пойманные, не смотря на все это, продолжали увѣрять, что они невинны, что они не разбойники, то про нихъ обыскивалось около ихъ житья. Облиховаиіе влекло за собою повтореніе пытки, а въ случаѣ, если обвиняемый продолжалъ запираться, тюремное заключеніе (Улож. Гл. XXI, ст. 28). Одобреніе имѣло своимъ слѣдствіемъ освобожденіе отъ слѣдствія и отдачу на поруки тѣмъ людямъ, которые одобряли подсуднмаго въ томъ, что ему »никакимъ воровствомъ не промышлять« (Гл. XXI, ст. 29).

V. Обыскъ по простому обвиненію со стороны частныхъ лицъ.

Въ началѣ разсматриваемаго нами времени и простое обвиненіе влекло за собою, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, уголовное слѣдствіе. Слѣдствіе это само собою разумѣется начиналось повальнымъ обыскомъ. Обыскивалось при семъ всѣми жителями той мѣстности, которая входила въ округъ обыскивающей власти. Если всѣ обыскные люди въ одинъ голосъ признавали подсуднмаго виновнымъ, то онъ немедленно казнился смертію, животы же его по удовлетвореніи истца отписывались на Государя. Напротивъ того, когда не всѣ обыскные люди говорили про него лихо, то онъ сажался въ тюрьму »до указу«.

Такъ рисуютъ это производство грамоты, Уставная Переславскаго уѣзда царскимъ подклѣтнымъ селамъ и Судная, Замосковной Вохонской волости бобровничьей полусохи крестьянамъ (Акт. Эксп. Т. I, 257 и Акт. Ист. Т. I, № 165).

Губныя грамоты конца 16 столѣтія а равно и Уставная книга Разбойнаго приказа также упоминаютъ объ обыскѣ по извѣту и жалобѣ частныхъ лицъ [115]). Только въ царствованіе Ѳедора Ивановича приказано подобнаго рода дѣла вѣдать судебнымъ порядкомъ (Сравни ст. 9 Уставной книги Рабойнаго приказа).

И точно съ подобными постановленіями мы уже не встрѣчаемся ни въ Уставной грамотѣ, данной въ 1606 году царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуянамъ, посадскимъ людямъ (Ак. Шуи I, 1), ни

---

[115]) О порядкѣ производства подобнаго обыска мы говорили выше.

въ Судной грамотѣ Устюжны-Желѣзопольской 1614 года (Ак. Эксп. Т. III, № 36), не смотря на то, что эти грамоты какъ по формѣ такъ и по содержанію принадлежатъ къ одной категоріи съ вышеупомянутыми, Судной Вохонской волости и Уставной Переславскимъ подклѣтнымъ селамъ.

Впрочемъ, иногда Разбойный приказъ посылалъ обыскивать и по извѣту со стороны частныхъ лицъ, какъ то можно предполагать, судя по обыскному листу 1613 года, помѣщенному въ Актахъ города Шуи (II, 9).

Что касается характера разбираемаго нами вида обыска, то видно, что обыщики должны были стараться главнымъ образомъ, чтобы обыскные люди говорили про обвиняемыхъ лихо »имянно«, такъ какъ только въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли выше, возможно было примѣненіе высшаго наказанія. Посему всѣ мельчайшія подробности, упоминаемыя въ челобитной истца, повторялись и въ обыскной памяти, дававшейся обыщику.

Такъ въ памяти Ондрѣю Михайлову сыну Колупаеву, доженствовавшему произвести обыскъ про разбой Романа Волжина, предписывается ему обыскать накрѣпко про слѣдующія обстоятельства:

Въ нынѣшнемъ въ 81 году сей осени съ пятницы на субботу, въ вечеру противъ Михайлова дни архангила, тотъ Романъ со многими людми въ то село Степановское Никитина человѣка Романовича къ Никифоровой Собычакова матери къ Ографенѣ да къ брату его къ Гришѣ Собычакову разбоемъ пріѣзживалиль, и мать Никифоркову Собычакову, и брата его Гришу, и жену его и дѣтей, и свояченицу Лукерью съ дочерью, да людей матери его и брата его четырнадцать душъ мужиковъ и жонокъ и дѣвокъ всего двадцать двѣ головы до смерти убилиль, и живота ихъ, лошадей, и платья и кузни, и низанье, и кобылъ и денегъ, всего на шестьсотъ на пятьдесятъ рублевъ съ полтиною взялиль, и кто съ нимъ на томъ розбоѣ товарищевъ былъ и откуда пріѣзжали и розбивъ куды поѣхали?

Таковы постановленія о каждомъ изъ спеціальныхъ обысковъ въ отдѣльности.

Кромѣ того въ памятникахъ разбираемой нами эпохи находятся правила, равно примѣнимыя ко всѣмъ спеціальнымъ обыскамъ. Сюда принадлежатъ:

1) Положенія о повтореніи обысковъ.

Мы видѣли, что повтореніе повальнаго обыска по закону 1556 года допускалось для дѣлъ судныхъ. Такъ напр., если обыскные люди дѣлились по ровну, то предписывалось послать на обыскъ вдругіе.

Не то мы видимъ въ розыскномъ судопроизводствѣ. Вопросъ о повтореніи обыска долгое время считался здѣсь спорнымъ. Такъ еще 72 ст. Уставной книги Разб. Прик. говоритъ слѣдующее:

А которыхъ людей въ обыскѣхъ обличуютъ, а они учнутъ бити челомъ о другомъ, о повальномъ о большомъ обыску, а про первый обыскъ скажутъ, что про нихъ обыскивали ихъ недругами: и про тѣхъ людей въ другородь, безъ пытки, обыскивать ли?

Разрѣшеніе этого вопроса воспослѣдовало только въ 1630 году, въ засѣданіи Боярской Думы августа 31 дня (Ср. Акт. Ист. № 167. стр. 310). Въ этотъ день Великій Государь указалъ обвиняемыхъ по обличованіи въ обыскѣ немедленно подвергать пыткѣ, и только, когда они съ пытокъ не вопятся, посылать согласно ихъ челобитью обыскивать про нихъ »въ другорядь«. Если во второмъ обыскѣ многіе люди ихъ добрили и *воровства на нихъ нѣкотораго* не говорили, и въ тѣхъ »добряныхъ« обыскахъ передъ лихованными было человѣкъ 15 или 20 больше, то дѣло и вершилось по этому второму обыску.—Постановленіе это просуществовало не долго. По всей вѣроятности правительство имѣло не разъ случай убѣдиться, что жалобы на обличованіе по недружбѣ не лишены были основанія.

Вотъ почему составители Уложенія и не внесли въ него указа 31 августа 1630 года.

По Уложенію (Гл. XXI, ст. 76) предписывается въ случаѣ жалобы оговорныхъ на то, что ближніе окольные люди лиховали ихъ по недружбѣ, не производить пытки, но »послати вдругорядъ обыскать«. Въ случаѣ одобренія во второмъ обыскѣ, дѣло и вершилось согласно оному, а на первыхъ обыскныхъ людяхъ, »которые ихъ (т. е. обвиняемыхъ) лиховали недѣломъ«, бралась Государева пеня, а сами они подвергались общему за ложные обыски наказанію.

2) Положенія о непримѣненіи обыска и о пыткѣ »до обыску« въ случаѣ признанія подсудимаго въ распросѣ (Уст. книга Разб. прик. ст. 24. Уложеніе, XXI, ст. 58).

Мы имѣли случай уже не разъ упомянуть объ относящихся сюда статьяхъ памятниковъ.

3) Положенія о большомъ повальномъ обыскѣ и объ обыскѣ окольными людьми.

Въ памятникахъ разбираемаго нами времени употребляются относительно обыска различныя выраженія; то предписывается »обыскать большимъ повальнымъ обыскомъ«, то »обыскать около житья, окольными людьми«, то просто »обыскать повальнымъ обыскомъ«.

Относительно значенія этихъ различныхъ выраженій существуютъ у насъ въ литературѣ различныя мнѣнія. Кавелинъ (Сочиненія, часть I, стр. 174) полагаетъ, что всѣ эти различныя названія не означали различныхъ видовъ повальнаго обыска, юридически отличныхъ другъ отъ друга, и служили только для выраженія нѣкоторыхъ фактическихъ оттѣнковъ его въ различныхъ случаяхъ. Дмитріевъ (Ист. Суд. Инст. стр. 417) подразумѣваетъ подъ большимъ повальнымъ обыскомъ, обыскъ произведенный на пространствѣ отъ 15 до 20 верстъ, подъ малымъ же обыскъ около житья. Наконецъ Шалфѣевъ (объ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, стр. 55) различаетъ обыскъ окольными людьми отъ большаго повальнаго обыска, но не отличаетъ большаго повальнаго обыска отъ простаго обыска.

Что эти различныя наименованія не употребляются безразлично памятниками, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и легко можно убѣдиться изъ сличенія относящихся сюда постановленій памятниковъ. Такъ обыскъ окольными людьми употребляется или въ случаяхъ маловажныхъ (напр. чтобъ опредѣлить, вышли-ли жители извѣстнаго селенія на слѣдъ или нѣтъ) или же въ такихъ случаяхъ, гдѣ помимо повальнаго обыска имѣется такое сильное подозрѣніе на подсудимаго, что достаточно мнѣнія окольныхъ людей, чтобъ считать его уличеннымъ (напр. при поимкѣ на разбоѣ). Далѣе, если обыскъ окольными людьми считался подсудимымъ пристрастнымъ, то позволялось бить челомъ о другомъ, о большомъ повальномъ обыскѣ. Значитъ дѣлалось различіе между этими двумя видами обыска. Различія между большимъ повальнымъ обыскомъ и просто повальнымъ обыскомъ дѣйствительно не было, ибо въ памятникахъ эти выраженія замѣняются иногда другъ другомъ (Ср. напр. П. С. З. 441, ст. 28 и 35).

Большой повальный обыскъ въ смыслѣ спеціальнаго обыска производился по мѣрѣ возможности такъ, какъ производились общіе обвинительные обыски, посвященіе преимущественно названію большихъ обы-

сковъ [116]). А потому для того чтобъ повальный обыскъ назывался большимъ необходимы были два условія:

1) Чтобъ обыскивалось на довольно значительномъ пространствѣ.

2) Чтобъ къ обыску привлечены были лица всѣхъ состояній, живущія въ извѣстной мѣстности.

Такъ уже въ 1573 году, въ не разъ упомянутой нами обыскной памяти сыщику Андрею Колопаеву мы встрѣчаемся съ предписаніемъ обыскивать версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти, и по пятинадцати, и по двадцати, и по полутретьятцати (т. е. 25), и по тридцати на всѣ четыре стороны съ ряду съ одного, а не выборомъ, архимариты, и игумены, и протопопы, и попы и діяконы по священству, а князми и дѣтми боярскими и ихъ приказщики и крестьяны по государеву крестному цѣлованію.

Вскорѣ такимъ образомъ стали обыскивать и въ дѣлахъ судныхъ и межевыхъ. Такъ до насъ дошелъ одинъ подобный межевой обыскъ 1606 года (Ак. Ю. изданные въ 1838 году № 59).

Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ постановленія о повальномъ обыскѣ розыска распространились мало-по-малу на повальный обыскъ суда.

Таковы въ совокупности общія и частныя постановленія о спеціальныхъ обыскахъ губнаго дѣла.

Если мы по примѣру предъидущихъ главъ и параграфовъ спросимъ себя объ окончательныхъ результатахъ нашего изслѣдованія объ обыскѣ губныхъ дѣлъ, то результаты эти могутъ быть изложены въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) *Повальному обыску слѣдственнаго порядка судопроизводства, возникшему главнымъ образомъ на основаніи различныхъ обязанностей, издревле лежавшихъ на русскихъ общинахъ касательно преслѣдованія правонарушеній, сообщается подъ конецъ первой половины 16 столѣтія вслѣдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ, а именно вслѣдствіе безсилія слагавшейся тогда государственной власти въ извѣстной степени характеръ* права, присущаго земскому сходу. *Но такое положеніе вещей длилось не долго. Когда переходное положеніе миновало, когда центральная власть окрѣпла, она мало-по-малу обратила земскія сыборныя власти въ свои собственные органы, прооб-*

---

116) Ср. напр. Акты Шуи I, № 27.

разила ихъ въ приказныхъ людей. Этимъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ полноправности земскаго схода, и съ этихъ поръ въ повальномъ обыскѣ замѣчается характеръ обязанности а не права. Но въ слѣдствіе всего предъидущаго развитія обязанность эта является обязанностью общеземскою, а не общинною.

2) *Идея безусловной справедливости, внесенная въ наше законодательство церковью, оставляетъ слѣдующіе слѣды своего вліянія на постановленіяхъ о повальномъ обыскѣ:*

a. *Общіе повальные обыски сами по себѣ уже не ведутъ къ пыткѣ и вершенію дѣла: они служатъ только поводомъ къ началу слѣдствія и производству новыхъ* спеціальныхъ *обысковъ о каждой обличенной личности.*

b. *Спеціальнымъ обыскамъ сообщается строгій характеръ судебныхъ доказательствъ, порядокъ примѣненія которыхъ, а равно какъ и вліяніе на окончательный приговоръ, съ точностью опредѣлены.*

3) *Пытка считающаяся въ разсматриваемое нами время главнымъ доказательствомъ розыскнаго процесса начинаетъ мало-по-малу въ извѣстныхъ случаяхъ предпосылаться повальному обыску, который такимъ образомъ совсѣмъ устраняется изъ большинства дѣлъ, ибо въ случаѣ признанія подсудимаго на пыткѣ дальнѣйшее производство считается излишнимъ.*

4) *На нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами постановленій ясно отражается недовѣріе законодателя къ повальному обыску, боязнь, чтобъ кто-либо не былъ обличенъ по недружбѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что уже въ разсматриваемое нами время чувствовалась необходимость реформы относительно постановленій о повальномъ обыскѣ.*

Какимъ образомъ законодатель осуществилъ эту реформу—мы увидимъ въ послѣдующей главѣ. Теперь же, въ послѣднемъ § настоящей главы мы разсмотримъ постановленія: 1) о повальномъ обыскѣ въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ и противъ порядка управленія; 2) о повальномъ обыскѣ по преступленіямъ должностныхъ лицъ, и 3) о корчемномъ обыскѣ.

§ 4. *Введеніе повальнаго обыска во всѣ отрасли слѣдственнаго судопроизводства.*

А. Обыскъ по преступленіямъ государственнымъ.

Характеръ судопроизводства по преступленіямъ государственнымъ

былъ строго слѣдственный. Главнымъ способомъ открытія истины являлась здѣсь пытка. Повальный обыскъ какъ-то не могъ вполнѣ привиться въ этой отрасли судопроизводства, хотя еще въ довольно раннія времена нашей исторіи мы встрѣчаемся здѣсь съ ссылками на народную молву [117]). Правда, подъ конецъ 16-го, а въ особенности въ 17 столѣтіи, часто попадаются обыски въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ, но обыски эти рѣзко отличаются отъ обысковъ другихъ слѣдственныхъ дѣлъ. А именно, обыскъ смѣшивается иногда съ распросомъ безъ пытки причастныхъ къ дѣлу лицъ, и при производствѣ его не соблюдаются правила, считающіяся обязательными во всѣхъ другихъ случаяхъ. Когда примѣнялся обыскъ, чѣмъ обуславливалось его примѣненіе, и какое онъ имѣлъ вліяніе на окончательный приговоръ, рѣшить, почти невозможно. Всякій разъ, когда возгорался бунтъ, или открывался какой-нибудь заговоръ, изыскивались новыя мѣры для подавленія возстанія и преслѣдованія виновныхъ и сообщались сыщикамъ въ видѣ особыхъ инструкцій [118]). Поэтому-то общихъ правилъ и не существовало.

Такъ въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убійствѣ Царевича Дмитрія (С. Г. Г. и Д. Т. II, № 60) »Углецкимъ обыскомъ« названы наравнѣ съ

---

[117]) Такъ еще въ 1521 году Рязанецъ Ѳедоръ Сунбуловъ, желая отвести отъ себя подозрѣнія въ томъ, что онъ посредствомъ брата своего Дмитрія находился въ сношеніяхъ съ княземъ Иваномъ Рязанскимъ, говорилъ слѣдующее на судѣ: тотъ, господине, братъ мой Митка на Рязани у насъ и не бывалъ, и рѣчей есмя у него и грамотъ никакихъ не слыхали да и опричь того есми, господине, рѣчей и грамотъ никакихъ ни отъ кого не слыхали; то вѣдаетъ братъ мой, кто будетъ ему велѣлъ говорити, а мы господине, не слыхали ничего; а кто бы, господине, къ намъ съ тѣми рѣчми приполъ или съ грамотою и мы бы, господине, того человѣка поймавъ, да поставили его передъ Владыкою да передъ Хабаромъ; *а сверхъ бы того, Государь, велѣлъ всею землею Рязанскою обыскати, выступитца ни насъ въ томъ дѣлѣ, хотя одинъ человѣкъ худой, и мы въ томъ и виноваты.* Впрочемъ ссылка эта осталась безъ послѣдствій, ибо изъ дѣла не видно, чтобы на основаніи ея дѣйствительно былъ произведенъ въ Рязанской области обыскъ.

[118]) Сравни Акт. Ист. Т. IV, 202, XLII. А которые боярскіе людибыли въ воровствѣ, а нынѣ живутъ въ гулящихъ людехъ, и тѣмъ и всякимъ воромъ велѣно Великаго Государя Указъ чинить по розыску, какъ о такихъ ворахъ писано въ статьяхъ, каковы посланы съ подъячимъ съ Маркеломъ Воталиномъ.

другими и показанія лицъ, принимавшихъ посредственно или непосредственно участіе въ страшной драмѣ, разыгравшейся тогда въ Угличѣ. Показанія эти вопреки общеобязательному правилу не всѣ подписаны. Равнымъ образомъ отобраны сказки отъ лицъ, обыкновенно не участвовавшихъ въ обыскахъ. А именно допрошены были маленькіе дѣти жильцовъ, игравшіе съ Царевичемъ Дмитріемъ въ моментъ его смерти. Правда въ ихъ обыскной сказкѣ не упоминается, что показанія даютъ дѣти а говорится просто: А жильцы царевичевы, которые играли съ царевичемъ. . . . . сказали и т. д. Но незабудемъ, какъ выражаются объ этихъ »жильцахъ« другіе обыскные люди: напр., сытники въ своемъ показаніи говоритъ, что царевичъ »тѣшился с жильцами с робятки съ манепкими«.

Такое же отклоненіе отъ общихъ правилъ объ обыскахъ замѣчается и въ дѣлѣ Стеньки Разина. Здѣсь напримѣръ, предписывается »въ свѣтлицѣ розыскать, въ Астрахани старцы и попы и дьяконы, и ихъ велѣно роспросить: какъ были въ Астрахани воры козаки Стенка Разинъ и Оедка Шелудякъ съ товарищи, и *они старцы и попы и дьяконы къ воровскимъ записямъ и къ инымъ всякимъ воровскимъ письмамъ руки прикладывали*, и о чемъ тѣ письма и иные записи писаны, и гдѣ тѣ письма нынѣ?

Значитъ здѣсь лица духовенства въ обыскѣ допрашивались отчасти и о томъ, виновны-ли они въ извѣстномъ преступленіи или нѣтъ?

Въ государственныхъ дѣлахъ меньшей важности мы встрѣчаемся съ болѣе правильнымъ примѣненіемъ повальнаго обыска.

Такъ въ 1647 году жена Черкашенина Федьки Лободы Арина говорила на пирушкѣ »непригожія рѣчи« на Великаго Государя; на нее подань былъ извѣтъ и на очной ставкѣ она повинилась, оправдываясь однакожъ случившимся съ ней тогда припадкомъ падучей болѣзни. Въ слѣдствіе этого повелѣно было обыскать на Корочѣ *всякими людьми*, страдаетъ-ли она падучимъ недугомъ и говоритъ-ли »заираючи«, »забывши въ умѣ«. По исходу обыска и приказано было вершить дѣло [119]).

---

119) А именно, если она сказала не правду и падучимъ недугомъ не страдала, то предписывалось бить ее кнутомъ нещадно, »только чуть жива была«. Срав. Короченскіе Акты, № 67.

Б. Обыскъ въ дѣлахъ по преступленіямъ противъ должности.

Обыски въ дѣлахъ по преступленіямъ противъ должности во всемъ сходны съ обысками въ дѣлахъ губныхъ и дѣлахъ гражданскихъ.

Дѣло обыкновенно начиналось извѣтомъ или же жалобою лицъ, потерпѣвшихъ отъ насилій чиновниковъ. Затѣмъ присылалась Государева сыскная грамота.

Обыщиками являются различныя лица. Если жалоба подавалась на членовъ высшей мѣстной администраціи, то обыскъ производили воеводы (Акт. Ист. Т. II, № 97). Если обвинялись воеводы, то дѣлалось различіе, съѣхали-ли они уже съ должности или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ обыскивали ихъ преемники (Ср. Акт. Ист. Т. III, № 114, Слѣдственное дѣло о князѣ Пожарскомъ, Чтенія Общ. Ист. и древностей за 1870 годъ книга I), во второмъ случаѣ обыскъ поручался или воеводѣ сосѣдняго города (Ср. Акт. Шуи II, № 16), или же присылался особый обыщикъ (Акт. Шуи II № 19). Иногда впрочемъ обыскивали здѣсь и губные старосты. Воеводы или обыскивали сами (Слѣдственное дѣло о князѣ Пожарскомъ) или же посылали кого нибудь изъ подвѣдомственныхъ имъ людей (Акт. Шуи II, № 16, Акт. Юрид. изданные въ 1838, № 27). Преимущественно употреблялись для этого дѣти Боярскіе. Впрочемъ упоминаются иногда и розсыльщики и даже стрѣльцы (Акт. Юрид. изданные въ 1838 г. № 27).

Производились эти обыски обыкновеннымъ порядкомъ, которымъ производились большіе повальные обыски [120]). Причастными къ дѣлу лица-

---

[120]) Въ этомъ легко убѣдиться напр., изъ чтенія грамоты, посланной 27 ноября 1622 года Чердынскому воеводѣ, Веревкину, о томъ, чтобы произвести слѣдствіе о насильствахъ прежняго Чердынскаго воеводы Бутурлина. Въ этой сыскной грамотѣ говорится:

И будетъ такъ, какъ намъ Тихонко Жиряковъ билъ челомъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ по сей нашей грамотѣ, и противъ челобитья Тихонкова, сыскали въ Чердыни на посадѣ и въ Чердынскомъ уѣздѣ Архимандриты и игумены и попы и дьякопы, и земскими старостами и таможенными головами и цѣловальники и посадскими и уѣздными всякими людми, архимариты и игумены по иноческому обѣщанію, а попы и дьяконы по священству, а земскими старостами и таможенными головами и цѣловальники и посадскими и уѣздными многими всякими людьми по нашему крестному цѣлованію, въ правду, безъ всякія поноровки, да кто что про то про все въ обыску скажетъ, и вы бъ велѣли тѣхъ людей имяна и рѣчи написать на списокъ подлинно, порозно, по статьямъ, да которые люди грамотѣ

ма никогда не обыскивалось. Такъ, въ 1640 году сыщику Палицыну про сыщика Ивана Тарбѣева даютъ обыскные рѣчи вѣ Шуяне, посацкіе люди, «опришно тѣхъ людей, которыхъ они въ обыскѣхъ своихъ Ивану Тарбееву въ табашномъ дѣлѣ оговорили».

Обыскные рѣчи посылались въ Москву, въ тотъ приказъ, которому подчинялся обвиняемый чиновникъ. Для дальнѣйшаго разслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ даже для примѣненія пытки, необходимъ былъ указъ изъ Московскаго приказа (Акт. Шуи II, № 44).

Окончательное рѣшеніе постоянно произносилось московскимъ приказомъ. Иногда обыски не имѣли вліянія на разрѣшеніе дѣла. Такъ, когда обвиняемый занималъ видное мѣсто въ администраціи (Смотри предисловіе къ слѣдственному дѣлу о князѣ Пожарскомъ дѣйствительнаго члена Общ. Ист. и Древн. П. Иванова, стр. X). Въ заключеніе скажемъ, что обыски по дѣламъ о преступленіяхъ противъ должности производились въ громадныхъ размѣрахъ. Такъ въ обыскѣ о князѣ Пожарскомъ допрошены не только жители города Пскова, но и жители различныхъ губъ псковской области; кромѣ того псковскіе дворяне и дѣти боярскіе, псковское черное и бѣлое духовенство, стрѣльцы, пушкари воротники и казенные кузнецы. Всего въ обыскѣ участвовало около 2275 человѣкъ [121]).

С. Корчемный обыскъ.

Во второй половинѣ 16 столѣтія преслѣдованіе корчемниковъ возлагалось на тѣ власти, которыя завѣдовали губнымъ дѣломъ (Ср.

умѣютъ, и тѣмъ людемъ велѣлибъ есте къ своимъ рѣчамъ руки свои приложить, а будетъ которые люди грамотѣ не умѣютъ а въ тѣхъ людей мѣсто велѣли бъ есте отцомъ ихъ духовнымъ руки свои приложити . . . . . А обыскивали есте по сей нашей грамотѣ противъ Тихонкова челобитья про все подлинно всякими многими людьми накрѣпко въ правду, по нашему крестному цѣлованію, не поровя никому ни въ чемъ, да и сыскнымъ бы есте людемъ по тому-жъ говорили накрѣпко, чтобы они про то про все, кто про что самъ вѣдаетъ, или кто отъ кого слышалъ, сказали вправду по нашему крестному цѣлованію, а будетъ въ обыскѣхъ учнете кому поровить, или сыскные люди учнутъ въ рѣчахъ своихъ сказывати не вправду, паровя кому или ріясь кому по недружбѣ, а послѣ про то сыщется и вамъ и тѣмъ сыскнымъ людемъ за то отъ насъ быть въ опалѣ. (Акт. Ист. Т. III; № 114).

[121]) По даннымъ, сообщеннымъ П. Ивановымъ. Предисловіе стр. II—IX. На дѣлѣ было нѣсколько болѣе, какъ можно заключить изъ сравненія отдѣльныхъ обысковъ съ соотвѣтствующими данными Иванова.

Акт. Экспд. Т. I, № 234 и 250). Въ 17 столѣтіи корчемное дѣло сосредоточено было въ приказѣ Новой четверти. По этому поводу Котошихинъ говоритъ: »Да въ томъ же приказѣ (т. е. Новой четверти) вѣдомо приводъ, кого приведутъ съ продажнымъ виномъ, кто продавалъ воровски, сверхъ царскаго указу, тайно, также и съ табакомъ и имъ за то указъ бываетъ въ томъ же Приказѣ, и о томъ писано подлинно въ Судебной книгѣ.

Изъ этого же Приказа посылались и особые сыщики сыскивать про корчемниковъ и табашниковъ въ городахъ (Ср. Акт. Шуи Т. II, № 42). Впрочемъ корчемное дѣло относилось иногда и къ вѣдомству воеводъ (Ср. Акт. Юрид. изданные въ 1837 г. № 28. Судный списокъ о корчемствѣ 1615 г. марта 2 дня). Въ такомъ случаѣ воеводы подлежали контролю Новой четверти, и въ случаѣ надобности дѣла отсылались туда для доклада (Акт. Шуи II, № 111). Производство обыска воеводы поручали или земскимъ старостамъ или же посылали для этого въ уѣзды отставныхъ дворянъ людей добрыхъ, »кому вѣрити будетъ мочно«. (Акт. Шуи loco-citato).

Замѣчательно то, что преслѣдованіе корчемства соединено съ преслѣдованіемъ воспрещенной закономъ табачной торговли. Намъ кажется, что это должно быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что продажа корчемнаго вина соединялась обыкновенно съ продажей табака, такъ что и преслѣдованіе обоихъ преступленій легко могло быть соединено.

Кромѣ того, по справедливому замѣчанію г. Чулкова [122]), наше правительство считало употребленіе табака и пьянство дѣйствіями оди-

---

[122]) Сравни дѣльное его изслѣдованіе: Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II. Юридическій Сборникъ Мейера, 1855 г. стр. 504. Г. Чулковъ говоритъ: Замѣчательно также, что во многихъ актахъ, гдѣ говорится о запрещеніи употреблять табакъ, вслѣдъ затѣмъ говорится и о запрещеніи пьянства, игры въ карты или зернь и о запрещеніи грѣха противъ седьмой заповѣди, такъ что всѣ эти проступки считаются какъ-бы подобными, а изъ одного акта можно заключить, что наше правительство считало ихъ причиною важныхъ преступленій—воровства, разбоя и убійствъ«. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Чулковъ ссылается на Акт. Экспд. Т. IV, № 199, гдѣ читаемъ:

Во многихъ мѣстехъ учали жить въ слободахъ прохожіе и пріѣзжіе люди и живучи виномъ и табакомъ торгуютъ и чинится зернь и блядня и отъ того на Москвѣ и по дорогамъ учали быть многіе татьбы и разбои и смертные убивства.

паково безнравственными и усматривало въ нихъ причину распространенія важныхъ преступленій: воровства, разбоя и убійствъ.

Въ корчемныхъ дѣлахъ производились общіе обвинительные обыски, подобные общимъ обвинительнымъ обыскамъ губныхъ дѣлъ (Ср. Акт. Юрид. изданные въ 1838 году, № 60, Акты Шуи II, № 41 и 111). Обыскивалось всякихъ чиновъ людьми: въ началѣ разсматриваемаго времени и духовенствомъ (Акт. Юрид. № 60). При производствѣ обысковъ о корчемныхъ дѣлахъ мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми злоупотребленіями какъ и въ губныхъ дѣлахъ. Такъ въ челобитной Шуянъ на сыщика Ивана Тарбѣева читаемъ: И Иванъ Тарбѣевъ тѣхъ бездѣльниковъ (обличованныхъ въ обыскѣ людей) научилъ на насъ, сиротъ твоихъ Государевыхъ, клепать табакомъ для своей корысти, и многихъ насъ, сиротъ твоихъ, испродалъ, и отъ сего, Государь, Иванова табашнаго наученья въ табашныхъ поклепныхъ дѣлахъ многіе посацкіе людишки разбрелись розно, покиня жены свои и дѣтей и животы, и Иванъ Тарбѣевъ въ ихъ мѣсто поималъ женъ ихъ и дѣтей и отдалъ за приставовъ, а изъ за приставовъ ихъ емлетъ къ себѣ на постелю на блудъ, угрожая имъ пыткою и торговою казнію. . . . . .

Въ виду такихъ злоупотребленій при обыскахъ правительство съ своей стороны старалось предоставить всѣ возможныя гарантіи невинности. Это главнымъ образомъ замѣтно:

1) Въ постепенномъ спеціализированіи вопросовъ, которые обыщики предлагали обыскнымъ людямъ [123]).

2) Въ присылкѣ обысковъ для доклада въ Новую четверть, въ Москву (Ср. Акт. Шуи Т. II, № 111).

Съ спеціальными обысками мы мало встрѣчаемся въ процессахъ о корчемникахъ, ибо, за исключеніемъ общихъ обвинительныхъ обысковъ, въ большинствѣ случаевъ, гдѣ въ губныхъ дѣлахъ обыскъ примѣнялся совмѣстно съ пыткою, въ корчемныхъ дѣлахъ пытка примѣнялась безъ обыска. Въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія 25 главы Уложенія. А именно Уложеніе предписываетъ обыскивать только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ:

---

[123]) Сличи напр. вопросы, предложенные въ 1639 году сыщикомъ Иваномъ Тарбѣевымъ протопопу, священникамъ и дьконамъ Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря (Ак. Юр. № 60), съ вопросами, упомянутыми въ памяти воеводы Боркова 1670 г. земскому старостѣ посада г. Шуи о сыскѣ корчемниковъ.

1) Когда »которые люди учнутъ на кого говорити въ винной продажи, а послѣ съ тѣхъ людей сговорятъ«. (ст. 4).

2) Когда стрѣльцы или дѣти Боярскіе приведутъ кого-либо въ приказъ Новой четверти безъ поличнаго, т. е. безъ вина и безъ табаку, и »въ приводѣ дѣти Боярскіе и стрѣльцы скажутъ, что они тѣхъ людей поймали пьяныхъ, а пили тѣ люди на приличныхъ дворѣхъ«. Въ случаѣ запирательства со стороны приводныхъ повелѣвалось »сыскивати про нихъ и по сыску указъ чинити, смотря по дѣлу, до чего доведется.

Это преобладаніе пытки объясняется во-первыхъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что въ успѣшномъ преслѣдованіи корчемниковъ сильно заинтересована была сама казна, а во-вторыхъ тѣмъ, что правительство считало пьянство, какъ мы уже замѣтили выше, причиною всѣхъ преступленій.

Таковы постановленія памятниковъ о корчемномъ обыскѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

—

Повальный обыскъ новоуказныхъ статей.

§ 1. *Общій обзоръ.*

Знаменателенъ въ исторіи Русскаго Уголовнаго права день 22 января 1669 года. Въ этотъ день «Великій Государь, Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, слушавъ Соборнаго Уложенія 21 и 22 главъ статей», далъ о нихъ свой Государевъ указъ, т. е. утвердилъ сдѣлавшіяся необходимыми измѣненія вышеозначенныхъ главъ Уложенія. Такимъ образомъ подверглись измѣненію и постановленія Уложенія о повальномъ обыскѣ губныхъ дѣлъ, преимущественно заключавшіяся, какъ мы видѣли выше, въ XXI-й главѣ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ. Измѣненіе это заключалось главнымъ образомъ:

1) Въ примѣненіи постановленій Греко-римскаго права о свидѣтеляхъ къ обыску губныхъ дѣлъ.

Неоднократно было указано изслѣдователями по исторіи Русскаго права, какое вліяніе Греко-римскіе законы имѣли на Уложеніе. Безспорно и то, что они въ видѣ вспомогательнаго законодательства дѣйствовали рядомъ съ Уложеніемъ. Карамзинъ говоритъ, что Царь Алексей Михайловичъ разослалъ въ 1654 году при указѣ выписки изъ Кормчей для руководства въ уголовныхъ судахъ. Намъ кажется, что нѣтъ основанія заподозрѣвать нашего исторіографа въ томъ, что онъ принялъ выписки изъ Кормчей, находящіяся въ новоуказныхъ статьяхъ,

за тѣ выписки, которыя по его словомъ разосланы были въ 1654 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по уголовнымъ судамъ. Напротивъ того, фактъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ, весьма вѣроятенъ, ибо въ большинствѣ наказовъ сыщикамъ и въ обыскныхъ грамотахъ мы и до 1669 года встрѣчаемся съ предписаніемъ рѣшать дѣла на основаніи Уложенія и градскихъ законовъ (Ср. II. С. З. № 356).

Новоуказныя статьи 1669 года сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ: въ нихъ находится попытка слить постановленія греко-римскихъ законовъ о свидѣтеляхъ съ постановленіями Уложенія о повальномъ обыскѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что по изданіи новоуказныхъ статей непосредственное примѣненіе градскихъ законовъ прекратилось. Напротивъ того изъ позднѣйшихъ памятниковъ легко усмотрѣть, что слѣдствіе и потомъ производилось »по уложенію, градскимъ законамъ и новоуказнымъ статьямъ« (Ср. Акт. Экси. Т. IV, № 237. Акт. Юрид. изданные Колачевымъ, № 55, XXXIX. Временникъ Общ. Ист. и древностей, книга XX, Смѣсь, стр. 41. Наказъ сыщику Игнатью Парѳеньеву, назначенному въ Шую и Суздаль).

Въ новоуказныхъ статьяхъ видно только стремленіе законодателя облегчить сыщику дѣло примѣненія различныхъ обязательныхъ для него законовъ: въ сомнительныхъ же случаяхъ Градскій законъ по прежнему могъ быть примѣняемъ въ качествѣ вспомогательнаго закона.

2) Въ замѣнѣ отдачи на поруки одобренныхъ въ обыскахъ подсудимыхъ за обыскныхъ людей, отдачею ихъ на поруки за тѣхъ людей, за кѣмъ они прежъ того жили.

Это объясняется разложеніемъ общинныхъ началъ и развитіемъ крѣпостнаго права.

3) Въ окончательномъ распространеніи постановленій о повальномъ обыскѣ суда на повальный обыскъ розыска. Ст. 28 новоуказныхъ статей, говорящая о порядкѣ производства большаго повальнаго обыска, есть не что иное какъ повтореніе ст. 161 и 162 X-й главы Уложенія о судѣ съ прибавкою нѣсколькихъ постановленій греко-римскаго происхожденія.

Въ послѣдующемъ изслѣдованіи мы надѣемся развить съ большею точностью и опредѣленностью только-что высказанныя нами положенія.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ изложить ученіе греко-римскихъ законовъ о свидѣтеляхъ, такъ какъ безъ точнаго его пониманія не возможно и пониманіе его вліянія на постановленія о уголовномъ обыскѣ.

§ 2. *Ученіе дѣйствовавшихъ у насъ греко-римскихъ законовъ о свидѣтеляхъ.*

Ученіе греко-римскихъ законовъ о свидѣтеляхъ было извѣстно составителямъ новоуказныхъ статей:

1) Изъ печатной Кормчей книги. Здѣсь говорится о свидѣтеляхъ въ 27 главѣ закона Градскаго, т. е. Прохирона Василія Македонянина, и 14 зачатѣ главизнъ Леона царя премудраго и Константина царя вѣрнаго, т. е Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима. Кромѣ того нѣкоторыя постановленія о свидѣтеляхъ находятся и въ избраніи отъ различныхъ титлъ, рекше Главъ Іустиніана Царя, новыхъ заповѣдей.

2) Изъ главъ о послусѣхъ, находящихся въ бывшихъ въ большомъ употребленіи въ древней Россіи сборникахъ, въ такъ-называемыхъ книгахъ, »ими же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ.« Такой сборникъ приложенъ къ Поповскому списку Судебника. Эти главы о послусѣхъ содержатъ главу 27 Прохирона Василія Македонянина, со вставкою послѣ 4-й статьи еще трехъ статей, заимствованныхъ изъ Эклоги. Между греческими подлинниками мы встрѣчаемъ подобный списокъ въ Codex Bodlejanus 264 (Roe. 18) [124]). Кромѣ того въ Поповскомъ спискѣ къ концу главъ о посусѣхъ прибавлено еще нѣсколько статей изъ Эклоги, а именно въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ находятся въ самой Эклогѣ, что заставляетъ предполагать, что составитель главъ о послусѣхъ, выписавъ постановленія о свидѣтеляхъ Прохирона, желалъ соединить съ ними подобное же извлеченіе изъ Эклоги. Впрочемъ этотъ трудъ не приведенъ имъ къ концу; даже послѣдняя статья не окончена въ Поповскомъ спискѣ [125]).

На основаніи только-что приведенныхъ памятниковъ, Градскаго

---

[124]) Ср. Zachariae *ἐπαναγωγὴ νόμος* стр. 146, прим. 7.

[125]) Мы сожалѣемъ, что не могли видѣть рукописныхъ главъ о послусѣхъ: можетъ быть въ нихъ извлеченіе изъ Эклоги и окончено.

закона, Эклоги и Главъ о послусѣхъ, мы и намѣрены изложить ученіе Грекоримскаго права о свидѣтеляхъ. При семъ мы займемся разрѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Кто могъ быть свидѣтелемъ по грекоримскому праву? 2) Какія условія требовались отъ *свидѣтельства* для того, чтобъ оно могло считаться полнымъ судебнымъ доказательствомъ? и 3) Какимъ образомъ разрѣшались противорѣчія между различными свидѣтельскими показаніями?

А. Неспособность къ свидѣтельству абсолютная и относительная.

Не всѣ люди могутъ быть свидѣтелями.

Во всѣ времена и въ законодательствахъ всѣхъ народовъ упоминаются лица, неспособныя къ свидѣтельству [126]). Неспособность къ свидѣтельству можетъ быть абсолютная или же относительная.

Абсолютно неспособны къ свидѣтельству тѣ люди, которые вообще, во всѣхъ случаяхъ неудовлетворяютъ условіямъ требуемымъ закономъ отъ свидѣтелей.

Относительно неспособны тѣ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ не удовлетворяютъ этимъ условіямъ.

Греко-римское право требуетъ отъ свидѣтелей.

1) Самосознанія и сознанія внѣшняго міра.

Поэтому устраняются отъ свидѣтельства всѣ лица, которыя или совсѣмъ не обладаютъ способностью сознавать явленія внѣшняго міра или же не обладаютъ ею вполнѣ. Между этими лицами Грекоримскіе законы упоминаютъ.

а. Несовершеннолѣтнихъ.

Не свидѣтельствуютъ менши сый возрастомъ двадесяте лѣтъ. Зак. Град. грань $\bar{\text{к}}\text{з}$, глава $\bar{\text{к}}\text{д}$ [127]).

Возбранятъ же ся свидѣтельствовати не совершенный возрастомъ, и рабъ, и глухъ и нѣмъ и бѣсенъ, и блудникъ, и сынъ подъ властію

---

[126]) Такъ уже у Евреевъ насчитывалось десять главныхъ категорій лицъ, не способныхъ къ свидѣтельству (Срав. Selden de Synedriis, lib. II, pag. 351 и 352. Le Gentil. Origines du droit. pag. 44 et 45, Saalschuetz das Mosaische Recht. Theil II, S. 607. Anm. 778). Законодательство древнихъ Индусовъ также богато постановленіями о неспособности и отводѣ свидѣтелей. (Ср. Le Gentil, loco citato, стр. 96 и 97).

[127]) Ср. Prochiron Tit. XXVII. cap. 24:

сый, егда отецъ его отъ инаго напишется наслѣдникъ. Зак. Град. Грань к҃з. л҃г [128]).

b. Глухихъ и нѣмыхъ [129]).

c. Сумасшедшихъ (бѣсныхъ) [130]).

2) Извѣстной степени нравственнаго достоинства.

Поэтому законъ устраняетъ отъ свидѣтельста людей не свободныхъ, опозоренныхъ чѣмъ-либо, и бѣдныхъ, относительно которыхъ

Ου μαρτυρεῖ ὁ ἧττον τῶν εἴκωσιν ἐτῶν. Источникъ этого мѣста Прохирона l. 3. § 5. Dig. T. V. L. XXII. (Cp. Basilicorum L. XXI. Tit. I. III). А именно настоящій случай неспособности свидѣтелей составляетъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ неспособности, опредѣленныхъ lege Julia de vi, о которыхъ говорится въ Дигестахъ:

Nam quidem propter reverentiam personarum, quidem propter lubricum consilii, alii vero propter notam et infamiam vitae suae admittendi non sunt ad testimonii fidem.

Lubricum consilii очевидно относится къ несовершеннолѣтнимъ: Это прямо выражено въ примѣчаніи 21 къ приведенному нами закону въ Царскихъ книгахъ: *τινὲς γαρ κεκώλυνται μαρτυρεῖν διὰ τὴν τῶν ἐναγωμένων προσώπων ῥευερέντιαν, ὡς ὁ ἀπελεύθερος κατὰ τοῦ πάτρονως καὶ κατὰ τῶν κατιόντων τοῦ πάτρωνος, τινες δέ διὰ τὸ τῆς διανοίας ὀλισθηρόν, ὡς πούπιλλος.*

[128]) Cp. Proch. Tit. XXVII. cap. 33. *Κωλύεται μαρτυρεῖν ἄνηβος, οικέτης, κωφὸς, ἄλαλος, μαινόμενος, ἄσωτος, υἱὸς ὑπεξούσιος, ὅτε ὁ πατὴρ αυτοῦ παρ' ἄλλου γραφῇ κληρονόμος.* Это сопоставленіе сдѣлано сперва относительно свидѣтелей при составленіи духовнаго завѣщанія. Мы находимъ его въ Institutionum Lib. II, Tit X § 6. Testes autem adhiberi possunt ii, cum quibus testamenti factio est, sed neque impubes, neque servus, neque furiosus, neque mutus, neque surdus, nec cui bonis interdictum est, neque is, quem leges jubent improbum intestabilemque esse, possunt in numero testium adhiberi. Переводъ этого мѣста находится впервые у Θеофила (Editio Fabroti. Parisiis 1638. pag. 284). У него между лицами неспособными къ свидѣтельству упоминаются: *γυνὴ, ἄνηβος, οἰκέτης, ἄλαλος, κωφὸς, μαινόμενος, ἄσωτος.* Прохиронъ обобщилъ это постановленіе древняго Римскаго права и распространилъ его и на свидѣтелей на судѣ.

[129]) Зак. Град. Грань к҃з. л҃г.

[130]) Законъ Град. loco citato.

можетъ возникнуть подозрѣніе въ подкупѣ: онъ даетъ предпочтеніе личностямъ знатнымъ, богатымъ и извѣстнымъ передъ незнатными, не богатыми и неизвѣстными. Въ частности согласно только-что высказанному принципу давать свидѣтельскія показанія воспрещается:

a. Рабамъ.

Рабъ не свидѣтельствуетъ же. Зак. Град. Гранъ к̄з. к̄д. [131]). Впрочемъ Эклога воспрещаетъ только свидѣтельство раба за или противъ господина: ни по господинѣ ни на господина рабъ, но свобоженый да послушествуетъ. Зачало д̄і. ā [131]).

b. Содержащимся подъ стражею, осужденнымъ уголовнымъ судомъ а равно уличеннымъ въ подкупѣ. Законъ Градскій Гранъ к̄з. к̄д говоритъ: Не свидѣтельствуетъ меньши сый возрастомъ двадесяте лѣтъ, ни иже на людстѣмъ судищи осужденный, и не исправлься и въ людскую темницу вверженный и ни иже обличенъ будетъ вземъ злато, и того ради свидѣтельствовати хотя, или не свидѣтельствовати. [132]).

---

[131]) Prochiron. XXVII. 28. *Δοῦλος οὐ μαρτυρεῖ.* Такимъ образомъ по Прохиропу рабъ совсѣмъ устраняется отъ свидѣтельства. Прежде за неимѣніемъ другихъ доказательствъ свидѣтельство раба допускалось (Ср. Dig. de testibus lex 7. Modestinus [libro III Regularum]). Только противъ господина или за него рабъ не могъ свидѣтельствовать. Полная неспособность раба свидѣтельствовать узаконена впервые 49 Новеллою Императора Льва Философа (срав. эту Новеллу въ Кригелевомъ изданіи Corp. Juris Civilis стр. 794 и сколію 22 къ l. 46 Basilicorum de testibus), жившаго послѣ изданія Эклоги. Такимъ образомъ Прохиропъ содержитъ новое право, введенное Львомъ Философомъ, а Эклога старое отмѣненное этимъ Императоромъ. Это старое право изложено въ Эклогѣ слѣдующимъ образомъ: *μήτε ὑπέρ δεσπότου μήτε κατὰ δεσπότου δοῦλος ἢ ἀπελεύθερος μαρτυρείτω.*

[132]) Сравн. Прохиропъ. Tit. XXVII. 24. *Οὐ μαρτυρεῖ ὁ ἧττον τῶν εἴκοσιν ἐτῶν, οὔτε ὁ ἐν δημοσίῳ δικαστηρίῳ κατακριθεὶς καὶ μὴ ἀποκατασταὶς ἢ ἐν δεσμοῖς ἢ ἐν δημοσίᾳ φρουρᾷ βληθεὶς οὔτε ὁ ἐλεγχθεὶς λαβεῖν χρήματα ἐπὶ τὸ μαρτυρῆσαι ἢ μὴ μαρτυρῆσαι.* Относительно происхожденія этой статьи Прохирона смотри прим. 127. Здѣсь мы прибавимъ только, что по примѣчанію 26 къ Basilicorum XXI. 1. 3, еще не уличенный преступникъ могъ давать свидѣтельство въ пользу обвиняемаго, но никогда въ пользу обвинителя: *Ὁ γαρ μήπω κατακριθεὶς ἢ ἐλεγχθεὶς τῷ μὲν ἐναγομένῳ μαρτυρεῖ, τῷ δὲ ἐνάγοντι οὐδαμῶς.*

c. Явнымъ прелюбодѣямъ.

Осужденный о прелюбодѣяніи не свидѣтельствуетъ [133]).

d. Вообще всѣмъ лицамъ порочнаго поведенія или занимающимся такимъ ремесломъ, которое законъ считаетъ порочнымъ и низкимъ, а равно людямъ не знатнымъ, не богатымъ и непзвѣстнымъ.

О коемждо свидѣтелѣ должно есть изыскивати, который честенъ и нелороченъ есть, или который безчестенъ и пороченъ, или богатъ или убогъ, якоже прибытка ради нѣчто согрѣшити, или другъ приведшему его или врагъ кому, на него же приведенъ. Егда зазора кромѣ будетъ, тогда свидѣтельствуетъ. Грань к̃з. н̃г [134]).

Достовѣрни да будутъ свидѣтели, аше не нѣцыи отъ вѣдящихъ, не отъ худыхъ же, ниже отнюдь не знаеми. Зак. Град. к̃з. а̃ [135]).

---

[133]) Prochiron. XXVII. 28. *Ὁ καταδικασθεὶς περὶ μοιχείας οὐ μαρτυρεῖ.* Источникъ прохирона l 14. Dig. de testibus говоритъ собственно о недопущеніи прелюбодѣя къ свидѣтельству въ духовномъ завѣщаніи: Scio quidem tractatum esse, an ad testamentum faciendum adhiberi possit adulterii condemnatus? Et sane juste testimonii officio ei interdicitur. Existimo ergo neque jure civili testamentum valere, ad quod hujus modi testis processit, neque jure praetorio, quod jus civile subsequitur, ut neque hereditas adiri neque bonorum possessio dari possit.

Царскія книги (XXI. 1. XIII), обобщая это постановленіе въ смыслѣ Прохирона, говорятъ въ схоліи первой: *Σημείωσαι τῷ τεστιμόνιι ὀφφικίῳ γενικῶς εἰρημένον ἐκ τούτου γάρ δῆλον, ὅτι οὔτε ἐν διαθήκῃ, οὔτε ἐν δικαστηρίοις δύναιαι μαρτυρεῖν ὁ ἐπὶ μοιχείᾳ καταδικασθεῖς.*

[134]) Prochiron XXVII. 8. *Ἐπι ἑκάστου μάρτυρος ὀφειλει ζητεῖσθαι, πότερον τίμιος καὶ ἄμεμπτός ἐστιν, ἢ ἄτιμος ἢ ἐπίψογος ἢ ἔμπορος ἢ ἐνδεὴς, ὡς διὰ κέρδος τι πλημμελῆσαι, φίλος τοῦπαρόντος, ἢ ἐχθρός τοῦ καθ' οὗ παρέρχειαι. Ὅταν γὰρ ὑποψίας ἐστέρηται, μαρτυρεῖ.*

Источникомъ этого постановленія является l..3 prin Dig. hujus tituli (Срав. также Basilicorum L. XXI. Tit. I. Cap. III).

[135]) Prochiron XXVII. 1. *Ἀξιόπιστοι ἔστωσαν οἱ μάρτυρες, καὶ μὴτινες ἐπιδίφριοι, μηδὲ χαμερπεῖς, μηδὲ παντοίως ἄσημοι.* Источникъ этого постановленія l 1. princ. Dig de testibus и N 90. Cap. 1. (Ср. Basil. XXI. Tit 1. XLVI). Въ царскихъ книгахъ (прим. 2 къ loco citato) объясняется значеніе слова вѣдящій въ смыслѣ управляющаго

Убозіи не свидѣтельствуютъ. Убогъ же есть, иже имать пятьдесятъ златникъ богатства. Зак. Град. Грань к҃з. к҃г [136]).

Впрочемъ иногда принималось и свидѣтельство неизвѣстныхъ людей и лицъ, занимавшихся унизительнымъ въ глазахъ закона ремесломъ. Но въ такомъ случаѣ оно должно было быть подтверждено пыткою.

Незнаеми свидѣтели мучени да будутъ аще прилучится. Зак. Град. Грань к҃з. 13 [137]).

Кромѣ этихъ постановленій о томъ кто можетъ быть свидѣтелемъ, нѣкоторые списки Прохирона и Эклоги говорятъ и о положительныхъ качествахъ свидѣтелей. Послухове, или санъ, или воинство, или ремество, или торговное имущеи поистинѣ пріятни будутъ. Главы о послусѣхъ. Изд. Башилова. стр. 40 [138]).

Таковы общія постановленія памятниковъ Греко-римскаго права объ абсолютно неспособныхъ свидѣтеляхъ.

Чтожъ касается до относительно неспособныхъ свидѣтелей, то въ

колесницей въ циркѣ, ибо простые возницы допускались къ свидѣтельству: *Οὐτοὺς ἡνιόχους λέγει, ἀλλα σκηνικούς, οἱ γαρ ἡνίοχοι μαρτυροῦσι. Λέγει δέ ταπεινοὺς καὶ ἐν τοῖς σκηνικοῖς ἀγῶσι διάγοντας τοὺς βωμολόχους, οὓς καὶ λαυπαίχιας ἡ συνήθεια καλεῖ τῶν ἰδιωτῶν.*

[136]) Въ главахъ о послусѣхъ статья эта читается слѣдующимъ образомъ: Нищій не послушествуетъ; нищь бо есть, иже не имѣетъ на пятьдесятъ перепероvъ имѣнія. Это дословный переводъ Прохирона XXVI Tit. Cap. 22. *Οἱ πένητες οὐ μαρτυροῦσιν. Πένης δε ἐστιν ὁ μὴ ἔχων λεπτήκοντα νομισμάιων περιουσίαν.* Подобнымъ лицамъ по ученію Папиніана воспрещалось, какъ видно изъ Дигесть (XLVIII. 2: 10), обвинять уголовнымъ порядкомъ. Царскія книги повторяютъ относящееся сюда постановленіе. Corp Juris Civilis, прибавляя: *οὗτοι* (т. е. неимущіе) *οὐδε μαρτυροῦσιν* (Cf. Basilicorum L. LX. Tit. 34. C. 10).

[137]) Прохиронъ XXVII. Cap. 2. *Οἱ ἄγνωστοι τῶν μαρτύρων καὶ βασανιζέσθωσαν ει δεήσοι.* Источникъ этого постановленія Novella 90. Cap. 1, гдѣ описывается и порядокъ производства пытки.

[138]) Prochiron по списку въ Codex Bodlejanus 264 (Roe. 18), Ecloga Tit. XIV. 1. *Οἱ μάρτυρες ἤ ἀξίαν ἤ σιραιείαν, ἤ ἐπιήδευμα ἢ εὐπορίαν ἔχοντες κατὰ πρόληψιν δεκτεοι τυγχάνουσιν.* Источникъ Новелла 90. Cap. 1 (Сравн. Basilicorum 46 de testibus).

памятникахъ упоминаются причины неспособности, вытекающія изъ отношенія свидѣтелей къ одной изъ тяжущихся сторонъ или къ самому дѣлу. Поэтому устраняются отъ свидѣтельства:

1) Враги тяжущихся [139]).

2) Обвиняющіе одну изъ сторонъ въ уголовномъ преступленіи [140]).

3) Отецъ въ пользу сына, и сынъ въ пользу отца [141]).

---

[139]) Смотри примѣчаніе 134.

[140]) Относящееся сюда мѣсто Кормчей (Град. Зак. к̃з. к̃) весьма темно: Иже о грѣсѣ нѣкоего оклеветавъ, не можетъ свидѣтельствовати напь, развѣ аще будетъ подобная вина, аще ли ни, возбранится. Въ подлинникѣ статья эта читается такъ: *Ὁ ἐγκληματικῶς τινὸς κατηγορήσας οὐ δύναται μαρτυρεῖν κατ' αὐτοῦ, ὁ γαρ χρηματικῶς τινα αἰτιασάμενος οὐ κωλύεται μεν μαρτυρεῖν κατ' αὐτοῦ πλὴν ὑπούσης εὐλόγου αἰτίας κωλύεται*, т. е. обвиняющій кого-нибудь въ уголовномъ преступленіи не можетъ свидѣтельствовать противъ него, жалующемуся же гражданскимъ порядкомъ свидѣтельствовать не возбраняется, за исключеніемъ того случая, когда на то будетъ законная причина.

Источникъ этого постановленія Новелла 90. Cap. 7 еще больше поясняетъ смыслъ онаго: Si vero quis eum, qui testimonium dicturus est, sibi inimicum, vel etiam ab eo accusatum esse dicat, si quidem statim probaverit causam criminalem inter se agitari, non accedat ad testimonium, qui adeo ei inimicus est, ut ipsum etiam criminis accuset; si vero alia ratione inimicus esse, vel in causa eum pecuniaria convenisse dicatur, procedat quidem testimonium, ad tempus vero exceptionum ejusmodi quaestiones serventur. (Ср. также Basilicorum XXI. I. 46. Nota 24).

[141]) Сынъ отцу и отецъ сынови не послушествуетъ ни в коей либо вещи. Зак. Град. к̃з. к̃и. Срав. Prochiron XXVII. 27. *Υἱὸς παρὰ πατρὶ ἢ πατὴρ υἱῷ οὐ μαρτυρεῖ, οὔτε οἱοσδήποτε ἐν ἰδίῳ πράγματι.* Здѣсь подразумѣвается filius in potestate patris (*υἱὸς ὑπεξούσιος*), который въ слѣдствіе этого, по выраженію Схоліи 1 къ Cap. 8. tit. I. Lib. XXI. Basilicorum, *δοκεῖ ἑαυτῷ μαρτυρεῖν, μαρτυρῶν τῷ πατρί.* Но не возбранялось отцу и сыну in potestate, или двумъ братьямъ, qui sub ejusdem potestate sunt, быть вмѣстѣ свидѣтелями въ чужомъ искѣ. Законъ Градскій постановляетъ: отецъ и сынъ подъ властію сый и два брата подъ властію суща отчею, могутъ свидѣтельствовать вещи, не врежасть бо отъ единаго дому многимъ о чюжей вещи свидѣтельствовати. Ср. Prochiron XXVII. 11. *Πατὴρ καὶ υἱὸς ὑπεξούσιος καὶ δύο ἀδελφοὶ συνυπεξούσιοι δύνανται μαρτυρεῖν ἐν τῷ πράγματι οὐδὲν γὰρ βλάπτει ἐξ ἑνὸς οἴκου πολλοὺς ἐν ἀλλοτρίῳ πράγ-*

4) Освобожденный противъ бывшаго своего господина и его дѣтей [142]).

5) Вообще всѣ лица, находящіяся въ зависимости отъ тяжущихся [143]).

Всѣ эти неспособные свидѣтели могли быть отводимы сторонами. Однакожъ никто не имѣлъ права, представивъ въ одномъ процессѣ извѣстныхъ свидѣтетелей за себя, отвести тѣхъ же свидѣтелей въ другомъ процессѣ, утверждая, что они не знатны, или подъ какимъ нибудь другимъ подобнымъ предлогомъ. Впрочемъ и здѣсь отводъ допускался, если требующая отвода сторона могла доказать, что въ промежуткѣ времени между первымъ и вторымъ процессомъ у ней со свидѣтелемъ возникла вражда, или же что свидѣтель уличенъ былъ въ подкупѣ [144]).

μαι μαρτυρεῖν. Какъ видно изъ l. 17 Dig. de testibus, это постановленіе относилось первоначально къ безспорному судопроизводству.

[142]) Не свидѣтельствуетъ свобожденный на свободившаго его ни на сына его. Зак. Град. κγ. κε. Ср. Prochiron XXVII. 23. *Οὐ μαρτυρεῖ ἀπελεύθερος κατὰ πάτρωνος ἢ παιδὸς αὐτοῦ*. Источникомъ этого постановленія являются leges 3 (§ 5) и 4. Dig. de testibus или Lex Julia de vi и Lex Julia Judiciorum publicorum. Первый изъ этихъ законовъ совсѣмъ запрещаетъ освобожденнымъ свидѣтельствовать противъ ихъ бывшихъ господъ, второй же запрещаетъ только принуждать освобожденныхъ къ свидѣтельству противъ господъ. Общимъ правиломъ въ Римскомъ правѣ конечно было постановленіе legis Juliae judiciorum publicorum. Въ Византіи же напротивъ того, какъ видно изъ Прохирона, восторжествовалъ принципъ, принятый въ Lex Julia de vi.

[143]) Шесть достовѣренъ свидѣтель повѣлевати могіи о свидѣтельствѣ. Зак. Град. Грань κγ. гл. κς. Срав. Prochiron XXVII. 25. *Οὐκ ἔστιν ἀξιόπιστος μάρτυς ὁ κελεύεσθαι δυνάμενος ἐπὶ τὸ μαρτυρῆσαι*. Заимствовано это мѣсто изъ l. 6 Dig. de testibus. Повторено потомъ въ Царскихъ книгахъ (XXI. I. 6). Изъ схолій къ Царскимъ книгамъ видно, что здѣсь кромѣ сыновей in potestate и рабовъ подразумѣвается и наемная прислуга, такъ-называемые mercenarii: *καὶ μίσθιοι τοῖς μισθωσαμένοις, παρ' αὐτοῖς διάγοντες*.

[144]) Прежде приведъ свидѣтель на ся въ нѣкоей при, аще послѣдже въ друзѣй при нань приведени будутъ, тіи же, да не имать власти отрещися ихъ, рекъ, яко худы суть, или ино что таковое. Аще убо покажетъ между тѣми или вражду бывшую къ нему, непріятны,

Б. О силѣ свидѣтельскихъ показаній.

Что касается силы свидѣтельскихъ показаній, то въ этомъ отношеніи греко-римскіе законы требуютъ:

1) Чтобъ свидѣтельство дано было имовѣрнымъ свидѣтелемъ.

2) Чтобъ оно дано было въ присутствіи суда.

О грѣховныхъ винахъ нужда есть всячески привести свидѣтель, а не глаголы ихъ. Законъ Град. Грань $\overline{\text{кз}}$. $\overline{\text{s}}$ [145]).

закону творящу зазорны свидѣтели, или множицею обличатся явѣ о грѣсѣ въ миношедшемъ свидѣтельствѣ, подобаетъ ему отврещися свидѣтель, аще ли можетъ и ложная глаголемая отъ нихъ показати и то да сотворитъ. Зак. Град. Грань $\overline{\text{кз}}$. гл. $\overline{\text{кі}}$. Ср. Prochiron XXVII. 15. *Ὁ προάγων μάρτυρας ἐν μιᾷ δίκῃ ἐὰν ὕστερον ἐν ἑτέρᾳ δίκῃ καὶ αὐτοῦ προφέροιτο, μὴ ἐχέτω ἐξουσίαν παραιτήσασθαι αὐτοὺς τυχὸν ὡς ἐπιλελεῖς ἤτι τοιοῦτον. Εἰ μέντοιγε δείκνυσιν ἐν τῷ μεταξὺ ἢ ἔχθραν γεγενημένην αὐτῷ δεκτὴν τοῖς νόμοις καὶ ποιοῦσαν ὑπόπτους τοὺς μάρτυρας, ἢ πολλάκις ἐλεγχθῆ φανερῶς ἐπὶ λήμμασι γενομένην τὴν μαρτυρίαν, ἐξέστω αὐτῷ παραιτεῖσθαι τοὺς μάρτυρας. εἰ δὲ καὶ δύναιτο ψευδῆ τὰ παρ' αὐτῶν λεγόμενα δεῖξαι, καὶ τοῦτο ποιείτω.* Источникъ этого постановленія Const. 17 Tit. 20 Codicis L. IV. (Ср. Basilicorum XXI. I. XLI).

[145]) Prochiron XXVII. 6. *Ἐπὶ τῶν ἐγκλημάτων ἀνάγκη πάντως παραχθῆναι τοὺς μάρτυρας, καὶ μὴ τὰς φωνὰς αὐτῶν.* Это особенность уголовнаго судопроизводства, ибо въ искахъ гражданскихъ дозволялось посылать засвидѣтельствованныя въ судебныхъ мѣстахъ письменныя свидѣтельскія показанія. Такъ напр. глава 5-я Закона Градскаго говоритъ: Мощно есть отъ града во градъ судіямъ возвѣщаніемъ посылати о свидѣтельствахъ; содѣлывающимъ же по закономъ въ областяхъ убо отъ князь, въ Константинѣ же градѣ, отъ божественныхъ судей, рекше отъ церковныхъ. Сравн. Prochiron. XXVII. 5. *Δυναιὸν καὶ ἀπὸ πόλεως εἰς πόλιν ἐκ διαλαλιᾶς δικασικῆς στεῖλαι τὰς μαρτυρίας, πραττομένων μέντοιγε κατὰ νόμους· ἐν μὲν ταῖς ἐπαρχίαις παρὰ τῷ ἄρχοντι, ἐν δὲ τῇ Κωνσταντινουπόλει παρὰ τοῖς θείοις δικασταῖς.* Nov. 90. Cap. 5, изъ которой заимствовано это правило, именно объясняетъ, что оно не относится къ дѣламъ уголовнымъ: Haec omnia in pecuniariis quaestionibus intelligentes, in criminalibus enim, in quibus de magnis est periculum, omnibus modis apud judices praesentari testes, et quae sunt eis cognita edocere ubi et tormentorum forsan erit opus et aliis omnibus observationibus. О примѣ-

Свидѣтелемъ а не глаголу ихъ вѣровати, сами бо въ лице вопрошаеми бываютъ о винахъ и не показуя предложеннаго отъ него въ заточеніе посылается [146]).

Ино есть господство пришедшихъ свидѣтелей и ино почитаемыхъ отъ свидѣтельства вписанныхъ. Хотяй удержати убо свидѣтелей потребное имъ воздаяніе не вдасть. Зак. Град. Грань $\overline{\text{кз}}$. гл. $\overline{\text{і}}$ [147]).

3) Чтобъ не было противорѣчія между показаніями одного и того же свидѣтеля, данными въ различное время.

Законъ Градскій говоритъ:

Въ свидѣтеляхъ взыскаютъ сана и вѣры и обычая и *твердости:*

пепіи этого правила у насъ указываетъ и переводъ постановленія Прохирона, находящійся въ главахъ о послусѣхъ: Мощно есть от града во градъ послаціемъ судинымъ посылати послушества, здѣяно убо по закопу; во областехъ убо от *намѣстниковъ, о болшемъ же градѣ от судіи княжихъ.* Замѣчательно то, что тутъ не упоминается о Константинополѣ, а просто о большомъ (т. е. столномъ городѣ), а равно греческія названія должностей замѣняются названіями русскими: такъ напр. не говорится о божественныхъ судьяхъ, а о судьяхъ княжьихъ. Все это указываетъ на желаніе примѣнить эту статью къ условіямъ русской жизни.

[146]) *Τοῖς μάρτυσι καὶ οὐ τοῖς ἐκμαρτυρίοις πιστευτέον αὐτοπροσώπως γὰρ ἐρωτῶνται παρὰ τῶν δικασιῶν ἐπὶ τῶν ἐγκλημάτων, καὶ ὁ μὴ δεικνὺς τὸ παρ' αὐτοῦ προτεθὲν ἐξορίζεται.* Proch. XXVII. Послѣднія слова закона относятся къ тому кто поднялъ уголовное дѣло, какъ видно изъ схоліи къ Царскимъ книгамъ (XXI. I. 3. nota 17): *ἐξορίζεται*]. *Σημείωσαι, ὅτι ὁ ἔγκλημα κινήσας, καὶ μὴ δεικνὺς τὸ παρ' αὐτοῦ προτεθὲν, ἐξορίζεται, ἀλλ' ὅταν οὐκ ἐνεγράψατο, εἰ γὰρ ἐνεγράψατο ταυτοπάθειαν ὑφίσταται* Это еще виднѣе изъ источника этого постановленія, а имено изъ l 3. § 3 Dig. de testibus.

[147]) XXVII. 10. *Ἄλλη ἐστὶν ἡ αὐθεντία τῶν παρόντων μαρτύρων καὶ ἄλλη ἡ τῶν ἀναγινωσκομένων ἐκμαρτυρίων. Ὁ οὖν θέλων ἐπισχεῖν τοὺς μάρτυρας δαπάνας αὐτοῖς διδότω.* Взято изъ l 3 § 4 Dig. de testibus. Gabinio quoque Maximo idem Princeps (Hadrianus) in haec verba rescripsit: Alia est auctoritas praesentium testium, alia testimoniorum, quae recitari solent; tecum ergo delibera, ut; si retinere eos velis, des iis impendia.

тѣмъ же не услышани будутъ противящіися во свидѣтельствѣ реченымъ отъ нихъ [148]).

Свидѣтели, съ злымъ умысломъ противорѣчившіе сами себѣ или другимъ болѣе достовѣрнымъ свидѣтелямъ, подвергались наказанію.

Егда свидѣтели сами себѣ противятся или инѣмъ свидѣтелемъ, или лестно свидѣтельствуютъ, тогда да пріиметъ судія достовѣрнѣйшія отъ нихъ и да мучитъ зазорныя, аще хитростью явятся злѣ дѣюще [149]).

4) Чтобъ свидѣтельству предшествовала присяга свидѣтелей.

Да клепутся преже послушества послухове, и паче честнѣйшии пріяти да будутъ. Главы о послусѣхъ [150]).

5) Чтобъ свидѣтельство дано было по крайней мѣрѣ двумя свидѣтелями.

---

[148]) Ср. Prochiron XXVII. Cap. 7. *Ἐπὶ τῶν μαρτύρων ζητεῖται ἡ ἀξία καὶ ἡ πίστις κατὰ τὰ ἤθη καὶ ἡ στερρότης, διόπερ οὐκ ἀκούονται οἱ ἐναντιούμενοι τοῖς ἐν ἐκμαρτυρίῳ ὑφ' ἑαυτῶν εἰρημένοις.*

Τὰ ἐκμαρτύρια означаетъ премущественно письменныя свидѣтельскія показанія—voces testium in scripturam relatae (Bas. XXI. I. 30. not. 1 et 2).

На этотъ §, заимствованный изъ l. 2 Dig. de testibus, находимъ въ Царскихъ книгахъ слѣдующее толкованіе (Bas. Tit. 1. Libri XXI. Cap. 11. nota 1):

Ἐπὶ τῶν μαρτύρων χρὴ τὸν τῆς ὑποθέσεως ἀκροώμενον σκοπεῖν τῶν μαρτυρούντων τὸν βίον, τὴν πίστιν ἤτοι τοὺς τρόπους, τὸ σταθηρόν τε καὶ ἀμετάθετον, διὰ τοῦτο μάρτυς παλίμβολος ὡς μὴ ὢν ἀξιόπιστος οὐκ ἀκουσθήσεται.

[149]) Ср. Prochiron XXVII. 4. *Ὅτε οἱ μάρτυρες ἢ ἑαυτοῖς ἐναντιοῦνται ἢ ἄλλοις μάρτυσιν, ἢ πλαστῶς μαρτυροῦσιν, τότε δεχέσθω ὁ δικαστὴς τοὺς ἐξ αὐτῶν ἀξιοπιστέρους καὶ κολαζέτω τοὺς ὑπόπτους, εἴπερ ἐξεπίτηδες φανεῖεν κακουργοῦντες.*

[150]) Греческій подлинникъ этой статьи находится только въ спискѣ Прохирона, по Codex Bodl. 264 (Roe. 18). *Ὀμνύετωσαν πρὸ τῆς μαρτυρίας οἱ μάρτυρες, καὶ μάλιστα οἱ τιμιώτεροι προσδεχέσθωσαν* Взято изъ схоліи къ Bas. L. XXI. I. 33: *ὀμνύετωσαν παρὰ τοῦ δικασταῦ οἱ μάρτυρες λέγειν, ἃ ἴσασιν, ἢ ὅτι οὐδὲν περὶ τοῦ ζητουμένου ἐπίστανται,* Zachariae указываетъ на Cons. 20 Tit. 9 Cod. IV какъ на источникъ этой статьи.

Единъ же послушествуя, да отженется аще случится ему и думци быти. Главы о послусѣхъ [151]).

6) Чтобъ свидѣтельство содержало исключительно то, что свидѣтели сами видѣли или слышали, а не ходящіе въ народѣ слухи.

Послухове слышание да не послушествуютъ, глаголюще, яко слышахомъ отъ некоего сему должену сущю, или сего изглагати аще и вѣло истиннѣ будутъ послушествующеи спя. Главы о послусѣхъ [152]).

Вотъ тѣ реквизиты, о которыхъ упоминается въ памятникахъ греко-римскаго права относительно силы свидѣтельскихъ показаній.

Окончательное же рѣшеніе о томъ, принять или не принять свидѣтельское показаніе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставлялось совѣсти судьи. Свидѣтель и свидѣтельство могло удовлетворять всѣмъ требованіямъ закона и судья все-таки былъ въ правѣ не основывать на немъ своего рѣшенія. Законъ указываетъ только въ какихъ случаяхъ судья не можетъ принять свидѣтельства, но онъ не предписываетъ ему при наличности извѣстныхъ условій непремѣнно принимать показаніе. Однимъ словомъ въ греко-римскомъ правѣ не существовало позитивной легальной теоріи доказательствъ: и о семъ же и разсуждаетъ судія, аще единаки рѣчи принесутъ, и аще противу вопрошанію отвѣщеваютъ *и которая знаменія падобаетъ приимати* [153]).

---

[151]) Сравни Prochiron по Cod. Bodlejanus 264 (Roe 18). *Εἷς δε μόνος μαρτύρων ἐκβαλέσθω, κἂν τύχῃ ὢν βουλευτὴς.*

[152]) Сравни Prochiron по Cod. Bodl. 264 (noe 18). *Οἱ μάρτυρες ἀκοῇ μὴ προσμαρτυρείτωσαν, λέγοντες ὡς ἠκούσαμεν ἔκ τινος τόνδε χρεωστεῖν ἢ τόνδε καταβάλλεσθαι, κἂν ταβουλλάριοι ὦσιν οἱ ταῦτα μαρτυροῦντες.* Впрочемъ, судя по источнику этого постановленія, т. е. Новел. 90. Гл. 2, все это относится только къ свидѣтелямъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

[153]) *Τὰδε περὶ τούτου διακρίνει ὁ δικαστὴς, εἰ μίαν μεμελετημένην ὁμιλίαν προφέρουσιν καὶ εἰ πρὸς ταὐτὸ, λεύσεις πιθανῶς ἀποκρίνονται, καὶ ποῖα τεκμήρια ὀφείλει προσδέχεσθαι* Prochiron XXVII. 8.

Источникомъ этого постановленія является l. 3 § 1 Dig. de testibus. Схолія на это постановленіе въ Царскихъ книгахъ (Bas. L. XXI. Tit. I. 3 nota 9) вполнѣ объясняетъ отношеніе судьи къ свидѣтельству и вообще весь характеръ греко-римской системы судебныхъ доказательствъ, такъ что мы ее выписываемъ цѣликомъ:

С. Порядокъ разрѣшенія противорѣчій, возникшихъ между различными свидѣтельскими показаніями.

Ὁ δικαστὴς ὀφείλει σκοπεῖν, διὰ ποίων καὶ πόσων τεκμηρίων τὴν πραγμάτων ἐφεύροι ἀλήθειαν, αὐτῷ γὰρ ἐπιτέτραπται ταῦτα ζητεῖν.

Τούς δικαστάς ποιουμένους ἀμαρτημάτων ἐξέτασιν, οὐ μαρτύρων μόνον φοναῖς οἱ νομοθέται προσέχειν προτρέπονται, καὶ ὑπόνιων μέν τούτων καταψηφίζεσθαι τῶν ἐναγομένων, ἐπιλειπόντων δὲ ἀθώους ἀφεῖναι τούτους καὶ ἀνεπιτιμήτους ὁρίζουσιν, ἀλλὰ καὶ ἄλλα ζητεῖν κελεύουσι καὶ βασάνους θεσπίζουσι τοῖς κρινομένοις ἢ καὶ συνειδόσι τούτων ἐπάγεσθαι; ἤδεσαν γὰρ οἱ νομικοὶ ὅτι οἱ διαπράττεσθαί τι τῶν κολυομένων ἐπιχειροῦντες κρύβδην καὶ ὑπὸ σκότου ἐργάζονται τὸ ἀτόπημα, ἵνα τῶν πολλῶν λήθωσιν ὀφθαλμούς καὶ διὰ τοῦτο νόμους ἔθεντο παραγγέλλοντας ἐν τοῖς δικαστηρίοις τοῖς ἄρχουσι ζητεῖν τὰ τεκμήρια, καὶ μαρτύρων χωρὶς ἔσθ' ὅτε καὶ κατά-κρίνειν τὸν ἐπί τινί κρινόμενον ἁμαρτήματι, καὶ μὴ πάντοτε τοὺς ἐλέγχους ἐπιζητεῖν, ἀλλὰ καὶ τοῖς τεκμηρίοις ἀρκεῖσθαι μόνοις, καὶ ψῆφον ἐκφέρειν κατὰ τοῦτον καὶ ἀποφαίνεσθαι. ἐπὶ μεν τῶν στοχαστικῶν ζητημάτων ἀντὶ ἀποδείξεων ἀπολαμβάνονται τὰ τεκμήρια ταῦτα δε εἰσιν ἡ τῶν πολλῶν φήμη, ἡ τοῦ κρινομένου ὑπόληψις καὶ ὁ παρελθὼν αὐτῷ βίος, φησὶ γὰρ τὸ δέκατον κεφάλαιον τοῦ ν'. τιτ. τοῦ ξ. βίβ. καὶ ἀπὸ τῆς φονῆς καὶ τῆς ἐνστάσεως καὶ τῆς ἐν τῇ πόλει τοῦ ἐρωτωμένου προλήψεως ἡ ἀλήθεια καταλαμβάνεται. ἅπερ δε ὡς ἀποδείξεως ἐπέχονται δύναμιν, καὶ κατασδίκην ἐπάγουσιν ἀναφανένια καὶ τὸν μὴ συντιθέμενον ἁμαρτῆσαι, ταῖς βασάνοις ὑποβάλλουσιν κατὰ τὴν τῶν προζώπων τε καὶ τῶν ἐγκλημάτων ποιότητα, εἰσί τινα πρόζωπα ἐν ἄλλοις μὲν βασάνων ἀπηλλαγμένα, ἐν ἄλλοις δὲ οὔ, ὅτε μὲν τὸ ἐξεταζόμενον ἔγκλημα ᾖ, οἷον ἡ βία, ἢ ἀνδροκτασία, ἢ τι τοιοῦτο, καὶ τὸ ὑπεύθυνον πρόζωπον μὴ ἀξιωματικόν, μὴ συγκλητικῆς ἠξιωμένον τιμῆς, μὴ κεκτημένον προνόμων τοῦ μὴ βασανίζεσθαι, ὡς οἱ τῶν ἐνδόξων καὶ ἐπισήμων παῖδες ἀνδρῶν καὶ ἔκγονοι, καὶ στρατιῶται, καὶ οἱ ἐν Ῥώμῃ φυλάσσοντες, οὐκ ἐκφεύγει τὰς βασάνους. Ὅτε δὲ καθοσιώσεως ὑπάρχει τὸ ἔγκλημα, αἱ βάσανοι καὶ τοῖς ἀπηρι-

Вопросъ какъ поступать въ такомъ случаѣ могъ возникнуть только тогда, когда свидѣтели были одинаковой чести и достоинства. Здѣсь повелѣвалось вѣрить не большинству показаній, но тѣмъ изъ нихъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ природѣ вещей [154]).

Таково ученіе о свидѣтеляхъ тѣхъ памятниковъ греко-римскаго права, съ которыми знакома была древняя Русь.

---

§ 3. *Вліяніе ученія греко-римскихъ законовъ о свидѣтеляхъ на постановленія новоуказныхъ статей о повальномъ обыскѣ.*

Новоуказныя статьи по примѣру греко-римскаго законодательства упоминаютъ о лицахъ абсолютно и относительно неспособныхъ давать показанія въ обыскахъ. О первыхъ въ 28 статьи говорится: А глухихъ, и нѣмыхъ, и бѣсныхъ, и которые въ малыхъ лѣтѣхъ, а не въ возрастѣ въ обыскъ не писать. Подобнаго рода лица никогда ни въ какомъ случаѣ не могли допрашиваться и писаться въ обыскъ. Чтожъ касается лицъ относительно неспособныхъ, то новоуказныя статьи постановляютъ

ἀμημένοις προσώποις ἐπάγονται. Здѣсь допускается въ извѣстныхъ случаяхъ и произнесеніе приговора на основаніи уликъ (indicia).

[154]) Аще вси свидѣтели единици честью и умомъ будутъ и начнутъ противится другъ другу, не вельми большей части вѣровати по прилучающемуся естествомъ вещи: и разсмотрити, или виною вражды или дружбы лишеніемъ, извѣстующимъ отъ души и отъ знаменія предъ судіею, не множеству подобаетъ вѣровати, но вѣрѣ и беззлобію обоихъ супернивъ. Ср. Prochiron XXVII. 13. *Ἐὰν πάντες οἱ μάρτυρες τῆς αὐτῆς τιμῆς καὶ ὑπολήψεως ὦσι καὶ ἐναντιωθῶσιν ἀλλήλοις, οὐ πάντως τὸ μεῖζον μέρος πιστεύεται, ἀλλὰ τὸ συμβαῖνον τῇ φύσει τοῦ πράγματος, καὶ ὑπονοίας ἐχθρᾶς ἢ φιλίας ἐσιερημένον καὶ βεβαιουμενον ἀπὸ τῆς ψυχῆσιοῦ δικασιοῦ καὶ τεχμηρίων. Οὔτε γὰρ τῷ πλήθει δεῖ πιστεύειν, ἀλλὰ τῇ πιστει καὶ ἀκεραιότητι τῶν μαρτύρων.* Источникомъ является lex 21 § 3 Dig. de testibus (Сравн. Bas. L. XXI. Tit. I. 20). Изъ сравненія Прохирона и Кормчей видно, что статья эта въ Кормчей искажена. Гораздо лучше передана она въ главахъ о послусѣхъ: Аще вси послушествующеи тоязъ чти и имовѣрни будутъ, и аще перечатъ промежи себѣ; не большѣй страпѣ вѣровати, по вѣдающимъ вещи, и мнѣнія и вражды и дружбы лишенныхъ, и укрѣпленныхъ по души судьею и по обычаемъ, не бо множеству достоитъ вѣровати, но вѣре и цѣлости послуховъ. Гл о послусѣхъ стр. 41.

о нихъ слѣдующее: или которые дѣти на отцовъ своихъ или на матерей, или отпущенные холопи на прежнихъ своихъ бояръ, или которые люди живутъ у кого въ работѣ, а учнутъ въ тѣхъ же обыскѣхъ что сказывать: и тому не вѣрить и ихъ не допрашивать и въ обыскъ ихъ не писать же. Здѣсь пересчитываются лица, которыя только въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тѣмъ, о которыхъ обыскивается, не могутъ писаться въ обыскъ. Эти постановленія о неспособности извѣстныхъ лицъ къ участію въ обыскахъ очевидно заимствованы изъ 27 грани закона Градскаго. Замѣчательно въ этомъ заимствованіи то, что составитель новоуказныхъ статей не просто выписалъ разбросанныя въ 27 грани закона Град. постановленія о неспособности свидѣтелей; нѣтъ, онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ группы, изъ которыхъ въ первой перечислилъ лицъ абсолютно неспособныхъ къ свидѣтельству, во второй же лицъ только въ извѣстныхъ случаяхъ устраняемыхъ отъ свидѣтельства. Изъ этого можно вывести дальнѣйшее заключеніе, что составитель новоуказныхъ статей понималъ различные мотивы, побудившіе греческаго законодателя не допускать извѣстныхъ лицъ къ свидѣтельству, и что необходимость подобнаго рода постановленій сознана была въ разбираемое нами время и русскою народною жизнію [155]).

Это сознательное усвоеніе началъ греко-римскаго права выражается и въ непринятіи постановленій о незнатныхъ и неизвѣстныхъ свидѣтеляхъ. Эти постановленія не внесены въ новоуказныя статьи, потому что они стояли въ прямомъ противорѣчіи съ основнымъ пра-

---

[155]) Намъ могутъ возразить, что эта группировка постановленій о неспособныхъ свидѣтеляхъ произошла совершенно случайно. что первую группу составитель новоуказныхъ статей нашелъ совершенно готовую въ 33 главѣ 27 грани закона Градскаго, ко второй же группѣ онъ отнесъ всѣхъ лицъ неспособныхъ къ свидѣтельству, которые не причислены закономъ Градскимъ къ первой группѣ. На это мы возразимъ слѣдующее:

Въ первой группѣ новоуказныхъ статей перечислены только тѣ лица, которыя абсолютно неспособны къ свидѣтельству, между тѣмъ какъ въ главѣ 33 грани 27 Прохирона упоминается и сынъ подъ властію отца сый, егда отецъ его отъ другого напишется наслѣдникъ. Однимъ словомъ гл. 33 грани 27 Зак. Град. не пересчитываетъ лицъ *абсолютно* неспособныхъ къ свидѣтельству, но, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, *вообще всѣхъ лицъ неспособныхъ по § 6 Tit. X Inst. Libri II быть свидѣтелями при составленіи духовнаго завѣщанія* (смотри прим. 128). А между сими послѣдними могли быть и абсолютно и относительно неспособныя къ свидѣтельству лица.

виломъ производства повальныхъ обысковъ: сыскивать всякихъ чиновъ многими людьми безъ отводу. Значитъ здѣсь выработанное народною жизнію начало и начала греко-римскаго права не могли быть соглашены другъ съ другомъ, а потому мы и не находимъ въ новоуказныхъ статьяхъ попытки сдѣлать подобнаго рода согашеніе [156]).

Далѣе заимствовано изъ греко-римскаго права и постановленіе не послушествовать по слуху:

А въ градскихъ законѣхъ написано: велѣно вѣрить достовѣрнымъ свидѣтелямъ а не глаголу ихъ: и которые люди въ обыскѣхъ по допросу скажутъ про какое дѣло, что они сами не вѣдаютъ и не видали, а слышали отъ людей, а отъ кого слышали, и про тѣхъ людей именно не скажутъ; и такихъ въ обыскъ не писать, и обысковъ у нихъ не примать, а сыскивать про всякія дѣла тѣми людьми, которые сами про что вѣдаютъ подлинно, или видали и скажутъ именно [157]).

Если обыскные люди называли »именно« тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они что-либо слышали, въ такомъ случаѣ эти лица привлекались къ обыску.

А будетъ которые люди по допросу про какія дѣла скажутъ, что они сами ни про что не вѣдаютъ и не видали, а слышали про то отъ людей, а отъ кого слышали, и про тѣхъ людей скажутъ именно; и тѣхъ людей ставить самихъ, и допрашивать накрѣпко, и рѣчи ихъ при себѣ писать именножъ, чтобъ никому напрасныхъ продажъ и убытковъ въ томъ не чинилось.

---

[156]) Впрочемъ въ *извѣстной степени* постановленія греко-римскаго права о знатныхъ и не знатныхъ свидѣтеляхъ отразились на обыскѣ дѣлъ гражданскихъ (Ср. выше прим. 59).

[157]) Замѣчательно въ этомъ постановленіи то, что желая подкрѣпить ссылкою на Градскіе законы положеніе: по слуху не послушествовати, новоуказныя статьи ссылаются не на 6 главу 27 Грани Закона Град. (по списку въ Cod. Bodl. 264 [Roe 18], извѣстному въ Россіи по извлеченію въ главахъ о послусѣхъ), гдѣ содержится подобное же предписаніе, но на гл. 9 той же грани, гдѣ какъ мы видѣли выше говорится о различіи между свидѣтельскими показаніями, данными въ присутствіи суда и письменными свидѣтельствами. Впрочемъ, гл. 9 Прохирона всегда понималась въ древней Россіи въ смыслѣ правила »по слуху не послушествовати«, какъ видно изъ перевода этой статьи въ главахъ о послусѣхъ: а не тѣмъ, иже от послуховъ слышавшихъ, вѣровати. Гл. о пос. стр. 41.

Въ только-что изложенномъ постановленіи видно своеобразное примѣненіе къ русскимъ національнымъ институтамъ греко-римскаго правила о томъ, чтобъ по слуху не послушествовать, а равно и предписанія Градскаго закона о томъ, чтобъ свидѣтельство давалось въ присутствіи суда.

При постановленіи правилъ о разрѣшеніи могущихъ возникнуть противорѣчій между показаніями обыскныхъ людей, новоуказныя статьи также ссылаются на греко-римскіе законы. Впрочемъ здѣсь дѣло обыкновенно рѣшалось, какъ видно изъ 34 статьи, большинствомъ голосовъ, вопреки постановленію греко-римскаго права: не вельми большей части вѣровати, по приключающемуся естествомъ вещи. Къ способу разрѣшенія, указанному въ греко-римскомъ правѣ, прибѣгали только тогда, когда обыскные люди меньшей половины формально оспаривали показанія большинства.

А будетъ тѣ обыскные люди межъ себя учнутъ спориться, и Сыщикомъ давать имъ очныя ставки, и сыскивать о томъ всякими сыски накрѣпко, и на виноватыхъ, кто объявится во лжи править Великаго Государя пени противъ 28 статьи, и облихованнымъ ложно безчестье и увѣчье. А въ градскихъ законѣхъ написано: егда свидѣтели сами себѣ противятся, а будетъ межъ ими учинится споръ, и про то розыскивать всякими сыски накрѣпко, да будетъ которые скажутъ правду, тому и вѣрить, а которые солгутъ, и на тѣхъ имать пеня, и чинить наказанье противъ двадцать осмой статьи.

Таково вліяніе греко-римскихъ законовъ на новоуказныя статьи 1669 г.

Что выразилось въ этомъ распространеніи постановленій греко-римскаго права о свидѣтеляхъ на повальный обыскъ?

По нашему мнѣнію въ немъ отразилось полное превращеніе повальнаго обыска въ судебное доказательство. Прежде повальный обыскъ даже въ смыслѣ спеціальнаго обыска объ извѣстномъ подсудимомъ являлся скорѣе средствомъ искорененія лихихъ людей чѣмъ судебнымъ доказательствомъ. Судья не желалъ добиться истины, ему все равно было, совершилъ-ли подсудимый то преступленіе, въ которомъ онъ обвинялся, или нѣтъ. Ему довольно было того, что обыскные люди говорили про него лихо, а не добрили его и не ручались за него, не брали его на поруки за себя: подобный облихованный человѣкъ былъ человѣкъ опасный, государство должно было позаботиться, чтобъ отъ

него не учинилось какого-нибудь лиха. Мы видѣли, какимъ образомъ развилось въ нашемъ законодательствѣ противоположное воззрѣніе, какимъ образомъ оно отразилось въ производствѣ послѣ общихъ обвинительныхъ обысковъ спеціальныхъ обысковъ о каждой облихованной личности, въ поставленіи въ зависимость примѣненія высшаго наказанія не отъ одного повальнаго обыска, но и отъ другихъ обстоятельствъ, наконецъ въ упроченіи за пыткою и собственнымъ признаніемъ главнаго мѣста въ системѣ доказательствъ слѣдственнаго порядка судопроизводства. Однимъ словомъ, мы имѣли уже случай замѣтить, что спеціальные обыски въ концѣ 16-го и въ 17 столѣтіи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе характеръ судебнаго доказательства въ строгомъ смыслѣ этого слова. Послѣдній камень этого развитія положенъ новоуказными статьями 1669 года.

Далѣе, новоуказными статьями 1669 года повальный обыскъ розыска смѣшанъ съ свидѣтельскимъ показаніемъ, подобно тому какъ въ 1556 году это сдѣлано было относительно повальнаго обыска суда [158]). Но въ слѣдствіе этого повальный обыскъ не отождествленъ, какъ думаютъ нѣкоторые, съ простымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Правда, обыскные люди часто называются свидѣтелями, правда и то, что они отводятся на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ отводятся и свидѣтели, но различіе состоитъ въ слѣдующемъ:

Тамъ, гдѣ не производится повальный обыскъ, тамъ судья, произносящій рѣшенія, разсматриваетъ показаніе каждаго свидѣтеля отдѣльно отъ прочихъ. Это показаніе имѣетъ для судьи *самостоятельное* значеніе. Въ повальномъ же обыскѣ показаніе отдѣльныхъ личностей такого значенія не имѣетъ. Судья, убѣдившись въ правильности производства обыска, обращаетъ вниманіе исключительно на результаты всего обыска и на основаніи ихъ и рѣшаетъ дѣло.

Такимъ образомъ можно съ полною справедливостью утверждать, *что въ новоуказныхъ статьяхъ повальный обыскъ пріобрѣтаетъ окончательно характеръ судебнаго доказательства*, но ни въ какомъ случаѣ, какъ выражаются нѣкоторые изслѣдователи, *что новоуказными*

---

158) Хотя, собственно говоря, въ законѣ 1556 г. повальный обыскъ суда еще болѣе смѣшанъ съ простымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, ибо это смѣшеніе въ нѣкоторыхъ статьяхъ доходитъ до полнаго отождествленія.

статьями обыскъ низведенъ на степень простаго свидѣтельскаго показанія [159]).

---

§ 4. *Замѣна отдачи на поруки за обыскныхъ людей, отдачею одобренныхъ подсудимыхъ на поруки за тѣхъ людей, за кѣмъ они прежъ сего жили.*

Новоуказныя статьи повелѣваютъ: тѣхъ людей, о которыхъ въ обыскахъ скажутъ, что они люди добрые, по одиѣмъ пыточнымъ рѣчамъ отдавать съ порукою, или съ росписью и тѣмъ людемъ, за кимъ они прежъ того жили, и велѣть держать ихъ безпечно, а то имъ сказать, будетъ впредь за такими пытанными объявится какое воровство, и онибъ воровство ихъ не таили и не скрывали, а извѣщали-бъ о томъ, и воровъ отсылали къ Сыщикамъ тотчасъ. (Сравн. ст. 25 и 28).

При всеобщемъ распаденіи древняго общиннаго и земскаго строя, а равно и учрежденія круговой поруки, и при успленіи крѣпостнаго начала, само собою разумѣется, что правительство видѣло болѣе гарантій въ отдачѣ на поруки *за господъ*, чѣмъ въ отдачѣ на поруки за обыскныхъ людей.

Впрочемъ и въ новоуказныхъ статьяхъ мы встрѣчаемся съ остатками прежняго порядка отдачи на поруки. Такъ напр. въ случаѣ если оговореннаго языкомъ человѣка въ обыскѣ половина обыскныхъ людей называла добрымъ, а половина лихимъ человѣкомъ, то его послѣ пытки (если онъ не сознавался) отдавали на поруки тѣмъ людямъ, которые его добрили (ст. 34).

---

§ 5. *Распространеніе постановленій о повальномъ обыскѣ суда на повальный обыскъ розыска.*

Мы видѣли, что во времена Уложенія только нѣкоторыя постановленія о повальномъ обыскѣ суда примѣнялись и при производствѣ повальныхъ обысковъ розыска. Въ новоуказныхъ статьяхъ различіе между вышеозначенными двумя главными видами повальнаго обыска почти совсѣмъ сгла-

---

[159]) Правда, въ обыскѣ можно видѣть извѣстнаго рода свидѣтельство, но во всякомъ случаѣ не простое свидѣтельство отдѣльныхъ личностей, показанія которыхъ только записаны вмѣстѣ, ради удобства допрашивающаго, въ одномъ обыскномъ листѣ, а *коллективное* свидѣтельство многихъ людей, жителей извѣстной мѣстности.

живается. Постановленія о повальномъ обыскѣ, находящіяся въ X-й т. е. судной главѣ Уложенія, большею частію слово въ слово перекаются новоуказными статьями.

Кромѣ правилъ о порядкѣ производства обыска новоуказныя статьи заимствуютъ изъ законодательства о повальномъ обыскѣ судныхъ дѣлъ и правила о разрѣшеніи споровъ между подсудимыми и ихъ обыскными людьми.

Относительно этого статья 36 новоуказныхъ статей постановляетъ слѣдующее:

А будетъ которые люди на обыскныхъ людей учнутъ бити челомъ съ явными уликами, и тѣмъ челобитчикомъ, съ тѣми обыскными людьми давать въ томъ очныя ставки, да будетъ тѣ челобитчики ихъ обыскныхъ людей ничѣмъ не уличатъ и тѣмъ обыскомъ вѣрить, а челобитчикомъ за ложное челобитье чинить наказанье, бить батоги. А будетъ они ихъ обыскныхъ людей чѣмъ уличатъ, и имъ обыскнымъ людемъ за то учинить наказанье: бить кнутомъ, да на нихъ же за тѣ ложные обыски править цени противъ семой же статьи, чтобъ впредь не лгали.

Посредствомъ сличенія легко убѣдится, что постановленіе это заимствовано изъ 162 ст. X-й Главы Уложенія.

Это повтореніе новоуказными статьями постановленій X-й главы Уложенія о повальномъ обыскѣ суда имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ концѣ 17 столѣтія въ обыскныхъ грамотахъ по дѣламъ гражданскимъ наравнѣ съ Уложеніемъ начинаютъ ссылаться и на новоуказныя статьи.

Такимъ образомъ новоуказныя статьи получаютъ значеніе закона, имѣющаго отношеніе въ извѣстной степени и къ дѣламъ гражданскимъ.

Далѣе, посредствомъ этого слiянія повальнаго обыска суда съ повальнымъ обыскомъ розыска, начинаетъ въ свою очередь сглаживаться и различіе между розыскомъ и судомъ вообще, такъ что, когда подъ конецъ 17 столѣтія законодатель нашелъ нужнымъ ввести розыскной порядокъ въ разбирательство по всѣмъ родамъ дѣлъ, то онъ не встрѣтилъ никакихъ значительныхъ препятствій.

---

§ 6. *Общіе (обвинительные) повальные обыски въ періодъ новоуказныхъ статей.*

Большая часть измѣненій, о которыхъ мы только-что говорили,

относилась къ спеціальнымъ повальнымъ обыскамъ [160]). Характеръ общаго сыска злодѣевъ извѣстной мѣстности посредстомъ производства большихъ повальныхъ обысковъ въ общихъ чертахъ остается тотъ же что и во времена Уложенія

Но всѣ постановленія сюда относящіяся указываютъ на упадокъ этого института, обусловливаемый окончательнымъ упадкомъ земскихъ учрежденій, служившихъ ему дотолѣ—основаніемъ [161]). Такъ въ новоуказныхъ статьяхъ уже не повелѣвается созывать всѣхъ жителей извѣстной округи на земскій сходъ и *обыскивать этимъ сходомъ* про татей и разбойниковъ, безпокоющихъ извѣстную мѣстноэть; въ нихъ просто говорится о взятіи у дворянъ и у дѣтей боярскихъ и у посадскихъ и у жилецкихъ и у всякихъ уѣздныхъ жилецкихъ людей« сказокъ »про татей и про разбойниковъ и про убойцовъ и про всякихъ воровскихъ людей«. Какъ должны производиться эти общіе обыски, должны-ли обыскные люди сходиться въ одно мѣсто или нѣтъ, объ этомъ въ законѣ не упоминается. Все это отдавалось повидимому на волю сыщиковъ и губныхъ старостъ, которые при производствѣ обысковъ по

---

[160]) Я говорю »большая часть«, потому что нѣкоторыя измѣненія по всей вѣроятности относились и къ общимъ повальнымъ обыскамъ; такъ напр. постановленія объ абсолютно-неспособныхъ свидѣтеляхъ навѣрное имѣли силу и при производствѣ общихъ повальныхъ обысковъ.

[161]) И дѣйствительно судьбы учрежденія общихъ повальныхъ обысковъ нераздѣльно связаны съ судьбами губнаго института. Обыскъ получилъ *дѣйствительное* значеніе и явился *дѣйствительно* могучимъ средствомъ для преслѣдованія злодѣевъ именно въ то время, когда по волѣ Ивана IV къ моменту обязанности присоединенъ былъ моментъ права, когда полновластный земскій сходъ обыскивалъ межъ себя про татей и разбойниковъ. Но въ губномъ институтѣ моментъ права мало-по-малу стушевывается передъ исконнымъ моментомъ обязанности, выборные власти облекаются относительно членовъ схода властью, которую они до сихъ поръ не имѣли, а затѣмъ превращаются въ чисто правительственные органы. Мы прослѣдили во второй главѣ, какъ согласно этому повальный обыскъ въ смыслѣ общаго сыска злодѣевъ теряетъ все болѣе и болѣе свое значеніе. Вторая половина 17 столѣтія есть время самаго сильнаго упадка губнаго института. Исторіей этого упадка мы здѣсь занятся не можемъ, да и считаемъ это излишнимъ, такъ какъ вопросъ вполнѣ исчерпанъ другими изслѣдователями (Чичеринымъ, Градовскимъ, Дмитріевымъ и другими). Мы укажемъ здѣсь только на то, что и учрежденіе общаго сыска злодѣевъ посредствомъ производства большихъ повальныхъ обысковъ послѣдовало общей судьбѣ губнаго института.

прежнему позволяли себѣ различныя насилія и злоупотребленія. На сіе послѣднее обстоятельство указываютъ и самыя слова закона: а писемъ образцовыхъ всякихъ чиновъ людямъ, съ чего имъ сказки писать, Сыщикомъ и Губнымъ старостамъ не давать, и надъ подъячими смотрѣть накрѣпко, чтобъ подъячіе образцовыхъ писемъ никому не давали (ст. 120).

Брались сказки у всякихъ чиновъ людей за исключеніемъ духовенства и церковныхъ причетниковъ, потому что »Духовнаго чину людей и церковныхъ причетниковъ велѣно допрашивать Духовнымъ судьямъ, а сыщикомъ въ духовныя дѣла не вступаться, а посылать къ нимъ о томъ духовнымъ судьямъ памяти« (ст. 119).

Вопросы, на которые обыскные люди должны были отвѣчать, еще болѣе специализированы, какъ въ томъ легко можно убѣдиться изъ чтенія 118 статьи.

Для поимки тѣхъ людей, про которыхъ всякихъ чиновъ люди напишутъ лихо именно, посылались Губные старосты, для того чтобъ тѣхъ воровъ перенимать всѣхъ (ст. 121).

Эти постановленія Новоуказныхъ статей объ общихъ повальныхъ обыскахъ послужили прототипомъ для всѣхъ позднѣйшихъ губныхъ наказовъ воеводамъ и сыщикамъ конца 17-го и начала 18 столѣтія. Такъ они повторены въ наказѣ 1679 года арзамаскому воеводѣ, стольнику Степану Ловчикову (Акт. Экси. Т. IV. № 237), въ наказѣ конца 17 столѣтія сыщику Игнатію Пароеньеву, назначенному въ Шую и Суздаль (Врем. Общ. Ист. и древн. книга XX. смѣсь стр. 41), и наконецъ въ наказѣ 1710 года ноября 30 дня сыщику полковнику Ѳедосѣю Юрьевичу Кожину (П. С. З. 2310). О времени окончательнаго изчезновенія этихъ общихъ обвинительныхъ повальныхъ обысковъ изъ нашего уголовнаго судопроизводства мы будемъ имѣть случай поговорить ниже, въ слѣдующей главѣ.

Такимъ образомъ результаты изложеннаго въ настоящей главѣ могутъ быть выражены въ видѣ слѣдующихъ положеній.

1) *Въ разсматриваемое нами время въ законодательствѣ начинаетъ уже ясно сознаваться необходимость введенія въ розыскной процессъ доказательства посредствомъ свидѣтелей, замѣнявшагося до сихъ поръ повальнымъ обыскомъ.*

2) *Однакожъ доказательство посредствомъ свидѣтелей не прямо вводится въ розыскной процессъ. Составители новоуказныхъ статей довольствуются приспособленіемъ постановленій Греко-римскаго права о неспособныхъ свидѣтеляхъ и о силѣ свидѣтельскихъ показаній къ повальному обыску розыска.*

3) *Въ слѣдствіе этого, повальный обыскъ розыска окончательно пріобрѣтаетъ характеръ судебнаго доказательства въ строгомъ смыслѣ этого слова.*

4) *Все это еще болѣе способствуетъ слiянію постановленій о повальномъ обыскѣ суда съ постановленіями о повальномъ обыскѣ розыска (въ смыслѣ спеціальныхъ обысковъ)—слiянію, начавшемуся уже въ концѣ 16 столѣтія, и продолжавшемуся съ такимъ успѣхомъ во времена Уложенія.*

5) *Общіе повальные обыски, которые уже съ конца 16 столѣтія служатъ только способомъ для начатія уголовныхъ слѣдствій, клонятся въ разбираемое нами время все болѣе и болѣе къ упадку: ихъ полное изчезновеніе относится однакожъ къ позднѣйшему времени.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Краткій очеркъ исторіи повальнаго обыска въ 18 и 19 столѣтіяхъ [162]).

§ 1. *Общій обворъ.*

Справедливо замѣчаетъ профессоръ Соловьевъ, начиная исторію Петра Великаго (смотр. стр. 104 тома 14 Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ), что переворотъ, произведенный этимъ Императоромъ въ началѣ 18 вѣка, былъ необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи [163]). Ломка стараго, замѣна его новымъ

---

[162]) Настоящая глава заключаетъ въ себѣ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить въ предисловіи, только изложеніе важнѣйшихъ явленій въ исторіи повальнаго обыска въ 18 и 19 столѣтіяхъ, а потому многіе спеціальные вопросы не будутъ подлежать нашему разсмотрѣнію. Тѣмъ не менѣе мы по мѣрѣ возможности постараемся не голословно высказывать нашъ взглядъ на исторію повальнаго обыска въ 18 и 19 столѣтіяхъ, но постоянно подкрѣплять его ссылками на Полное Собраніе Законовъ.

[163]) При этомъ г. Соловьевъ великолѣпно рисуетъ характеръ подобнаго рода переворотовъ вообще: Дѣятельность великаго человѣка, говоритъ онъ, есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу: но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель

основывается здѣсь преимущественно на многоопытанной несостоятельности этого старого. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ реформахъ Петра Великаго не было увлеченій, ибо никто не станетъ оспаривать того факта, что великій преобразователь Россіи впадалъ иногда въ крайности и вводилъ учрежденія, выросшія при совсѣмъ иныхъ условіяхъ, и потому непригодныя для нашего отечества. Приводя мнѣніе профессора Соловьева, мы желали опредѣлить только общій характеръ преобразованій. Съ подобными же явленіями встрѣчаемся мы и въ исторіи отдѣльныхъ учрежденій: краткій очеркъ судебъ повальнаго обыска въ 18 и 19 столѣтіяхъ еще болѣе удостовѣритъ насъ въ этомъ.

Изслѣдованіе наше мы раздѣлимъ на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ мы разсмотримъ судьбы общаго сыска злодѣевъ посредствомъ производства большихъ повальныхъ обысковъ, во второмъ же судьбы спеціальныхъ повальныхъ обысковъ.

---

§ 2. *Общій сыскъ преступниковъ въ періодъ реформъ.*

Мы видѣли, что съ паденіемъ древнихъ земскихъ и общинныхъ началъ упало и значеніе общихъ повальныхъ обысковъ. Правда, въ новоуказныхъ статьяхъ и въ другихъ памятникахъ конца 17 и начала 18 вѣка еще предписывается брать у уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей сказки о татяхъ и разбойникахъ, но эти сказки по всей вѣроятности не отличались особою любовью къ истинѣ и не представляли достаточныхъ гарантій въ томъ, что посредствомъ ихъ большинство злодѣевъ будетъ открыто и предано заслуженной карѣ. Это мы видимъ изъ постоянно все болѣе и болѣе спеціализирующихся постановленій о наказаніи за лживыя показанія въ подобнаго рода сказкахъ.

Правительство должно было искать иного исхода. Въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано слѣдующее:

1) Отобраніе сказокъ отъ всякихъ чиновъ людей замѣнено отобраніемъ сказокъ отъ лицъ, пользующихся извѣстною властью, помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ, а равно и отъ управителей дворцовыхъ и другихъ подобныхъ волостей. При разложеніи общинныхъ и земскихъ

народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда гонитъ его чужая воля.

началъ и при усиленіи крѣпостнаго права подобнаго рода обложеніе помѣщиковъ обязанностью подавать сказки о томъ, находятся-ли въ ихъ селахъ или деревняхъ тати или разбойники, необходимо должно было привести къ гораздо болѣе удовлетворительнымъ результатамъ чѣмъ производство общихъ повальныхъ обысковъ. Эта замѣна общихъ повальныхъ обысковъ отобраніемъ сказокъ отъ различныхъ властей узаконена окончательно наказомъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ 12 сентября 1728 года (П. С. З. № 5333. пунктъ 15), гдѣ читаемъ: А для лучшаго подтвержденія помѣщиковыхъ деревень прикащикамъ и старостамъ и выборнымъ, кто у нихъ главнымъ управителемъ, а Дворцовыхъ волостей и Синодальнаго вѣдомства и Архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, кто ихъ деревни вѣдаетъ, присылать въ города по полугоду сказки за руками, что подлинно въ ихъ селахъ и деревняхъ никакихъ воровъ и становщиковъ и бѣглыхъ солдатъ и драгунъ и рекрутъ и ничьихъ бѣглыхъ же крестьянъ нѣтъ. А ежели чей прикащикъ или выборный староста, а Дворцовыхъ волостей и Синодальныхъ вотчинъ управители, давъ сказку, что въ ихъ деревнихъ воровъ и разбойниковъ и становщиковъ и бѣглыхъ драгунъ солдатъ, матросовъ и чужихъ бѣглыхъ крестьянъ нѣтъ, а послѣ того сыщется: и за такую ложную сказку тѣмъ, кто опую подастъ чинить наказаніе, бить кнутомъ, и, вырѣзавъ поздри, посылать на каторгу.

Впрочемъ, прикащики, старосты и управители часто показывали неправду и были въ стачкѣ съ разбойниками, что значительно способствовало размноженію различныхъ шаекъ и воровскихъ скопищъ. Правительство старалось угрозою строгихъ каръ побудить прикащиковъ, старостъ и управителей къ добросовѣстному исполненію ихъ обязанностей относительно извѣта на разбойниковъ. Такъ въ указѣ 22 октября 1759 года (П. С. З. № 11001) читаемъ: Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Извѣстно намъ, что во многихъ Провинціяхъ, а особливо въ Московской и около Новгорода, великіе разбои завелись и ужасныя грабительства, какъ проѣзжающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ чинятся . . . . . ; а какъ натурально, что разбойники особливыя свои имѣютъ пристани, въ которыя они съ воровства укрываются, и въ злодѣйствіи своемъ отъ такихъ же злыхъ людей вспомоществуемы бываютъ, то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ воровскія убѣжища найдены будутъ, а прикащики, старосты и управители въ ихъ сообществѣ явятся, и въ томъ обличены будутъ, тѣхъ всѣхъ

брать въ рекруты; а ежели они сами не годятся, то ихъ дѣтей и ближнихъ ихъ родственниковъ потому же взять въ рекруты, зачитая оныхъ за тѣхъ деревень, откуда взяты будутъ; а ежели въ таковомъ съ разбойниками сообществѣ явятся сами помѣщики и духовнаго чина люди, съ тѣми поступать по прежнимъ указамъ, и по данной сищикамъ инструкціи неотмѣнно.

Во второй половинѣ 18 столѣтія мы не встрѣчаемся болѣе съ періодическимъ отобраніемъ отъ помѣщиковъ, приказщиковъ и управителей сказокъ о татяхъ и разбойникахъ, хотя вышеупомянутыя лица и перечисляются въ наказахъ сищикамъ какъ особенно обязанныя содѣйствовать властямъ въ дѣлѣ преслѣдованія разбойниковъ.

Такимъ образомъ повальный обыскъ уступилъ мѣсто отобранію сказокъ отъ помѣщиковъ и управителей, учрежденію, въ свою очередь не просуществовавшему долгое время.

2) Для преслѣдованія татей и разбойниковъ стали посылаться особыя воинскія команды. Такъ уже въ 1724 году указомъ отъ 26 іюня (П. С. З. № 4533) Императоромъ Петромъ Великимъ возложено на обязанность полковниковъ расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Имперіи войскъ »смотрѣть и провѣдывать накрѣпко того, чтобъ въ тѣхъ ихъ дистриктахъ разбойниковъ не было«. Всѣ жители уѣзда, въ которомъ расположенъ былъ полкъ, должны были, провѣдавъ гдѣ воровъ и разбойниковъ, объявлять »полковнику съ о[ицеры« безъ всякаго замедленія. За неисполненіе сей обязанности угрожается конфискаціей всего имущества и ссылкою въ каторгу. Мы видѣли, что обязанность эта рядомъ съ повальнымъ обыскомъ существовала и во времена Уложенія. Повальный обыскъ, исчезъ въ 18 столѣтіи, обязанность же эта продолжала существовать. Объясняется это явленіе тѣмъ, что обязанность эта, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, уже во времена Уложенія утратила свой прежній общинный характеръ и усвоила себѣ, если можно такъ выразиться, характеръ личный. Съ тѣхъ поръ обязанность ловить и выдавать властямъ злодѣевъ лежитъ на отдѣльномъ лицѣ не какъ на членѣ извѣстной общины или извѣстнаго земскаго округа, но какъ на гражданинѣ государства. Далѣе, отъ удержанія подобнаго рода повинности правительство могло ожидать гораздо болѣе результатовъ чѣмъ отъ производства общихъ повальныхъ обысковъ, ибо отвѣтственность была здѣсь болѣе опредѣлена, такъ какъ кара угрожала каждой неисполнившей свою обязанность личности, между тѣмъ

какъ при повальныхъ обыскахъ отвѣтственность падала на весь сходъ обыскныхъ людей, изъ которыхъ только извѣстное число подвергалось наказанію.

Такимъ образомъ мало-по-малу исчезло у насъ древнее учрежденіе общаго суда преступниковъ посредствомъ производства большихъ повальныхъ обысковъ.

---

§ 3. *Судьбы специальныхъ обысковъ въ 18 и 19 столѣтіяхъ.*

Мы имѣли уже случай замѣтить, что подъ конецъ 17 столѣтія начала сознаваться у насъ необходимость введенія доказательства посредствомъ свидѣтелей въ розыскной процессъ. Далѣе, мы видѣли, что составители новоуказныхъ статей думали устранить проистекающіе отсюда недостатки судопроизводства посредствомъ распространенія на обыскныхъ людей постановленій грекоримскаго права о свидѣтеляхъ и окончательнаго сообщенія специальнымъ повальнымъ обыскамъ характера судебныхъ доказательствъ. Но всѣ эти попытки не имѣли никакихъ результатовъ. Повальные обыски отжили свое время. Обновленіе ихъ формы не могло обновить обвѣтшалое внутреннее содержаніе. Извѣстно мнѣніе о повальныхъ обыскахъ современнаго писателя, автора книги о скудости и богатствѣ: »А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а божія правды ни слѣда нѣтъ, всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей на коихъ кто послался, и на словахъ не слышна, да руки къ обыскамъ прикладываютъ«.

Имѣя въ виду эту несостоятельность повальныхъ обысковъ правительство охотнѣе прибѣгало къ пыткѣ, какъ къ болѣе вѣрному способу открытія истины. Такъ уже въ наказѣ 1710 года ноября 30 дня, сыщику, полковнику Козину (П. С. 3 № 2210) оговоренныхъ языкомъ лицъ, въ случаѣ, если языкъ ихъ »во многихъ людяхъ опознаетъ и на очной ставкѣ на нихъ начнетъ говорить тѣже рѣчи, что и въ распросахъ«, предписывается пытать не мало не медля, а не производить повальныхъ обысковъ.

Наконецъ Петръ Великій, вполнѣ сознавая всю несостоятельность существовавшей дотолѣ системы доказательствъ, рѣшился прибѣгнуть къ праву иностранному. Только въ настоящемъ случаѣ заимствованіе сдѣлано имъ не изъ греко-римскаго права, а изъ права народовъ гер-

манскихъ. Такимъ образомъ издано было »Краткое изображеніе процессовъ« (предназначенное сперва только для военныхъ судилищъ), которое Императоръ указомъ отъ 10 апрѣля 1716 года повелѣлъ разослать и по Губерніямъ и Канцеляріямъ, дабы невѣдѣніемъ никто не оттоваривался. При семъ Императоръ замѣтилъ, что уставъ этотъ »хотя основаніемъ воинскихъ людей, однакоже касается и до всѣхъ правителей земскихъ (П. С. З. № 3010). Уставъ этотъ, основанный преимущественно на ученіи германскихъ юристовъ, принимаетъ слѣдующіе »четыре образа« доказательствъ или *доказовъ:* 1) чрезъ своевольное признаніе, 2) чрезъ свидѣтелей, 3) чрезъ письменные доводы и въ 4) чрезъ присягу. Собственное признаніе считается лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта. Для полученія онаго употребляется иногда пытка. Эта система доказательствъ во второй четверти прошедшаго столѣтія почти вытѣснила повальный обыскъ изъ уголовнаго судопроизводства. Однакожъ повальный обыскъ не исчезъ совсѣмъ, съ частымъ примѣненіемъ онаго мы встрѣчаемся опять въ концѣ 18 вѣка. Случилось это слѣдующимъ образомъ: Постановленія о пыткѣ заимствованы были, какъ и всѣ постановленія краткаго изображенія процессовъ, изъ ученія германскихъ юристовъ. У сихъ послѣднихъ слыло за правило положеніе, что пытка примѣнима только тогда, когда противъ подсудимаго имѣются сильныя улики, составляющія неполное доказательство [161]). Поэтому и краткое изображеніе процессовъ (Глава VI ст. 2) постановляетъ: »Судьѣ не надлежитъ безъ довольнаго подозрѣнія дерзнуть, вскорѣ никого къ пыткѣ привесть, но прежде важныя къ тому имѣть причины, и совершенное подозрѣніе кому приложится, а онъ въ томъ запрется, тогда надлежитъ оное доказать. Напримѣръ: когда твердое свидѣтельство принесется, что тотъ злое дѣйство учинилъ, о чемъ его разспросить надлежитъ, того довольное есть основаніе къ пыткѣ. Буде же свидѣтель самаго дѣйства не видалъ, но токмо онаго подозрительнаго на ономъ мѣстѣ, гдѣ преступленіе учинено, обрѣлъ, такого свидѣтельства не довольно есть; но въ такомъ случаѣ по самой малой мѣрѣ надлежитъ быть двумъ свидѣтелямъ, которые бы его видѣли.« Однакожъ, не смо-

[161]) Такъ У ирихъ Тенглеръ въ своемъ сочиненіи »das Laienspiegel« (Tit. von gestrengen Fragen) говоритъ, что пытка должна производится только тогда, когда имѣются на-лицо eilich v rmuthungen und indicia oder halbbeweisungen wider den gefangenen. Срави. также C. C. C. Art. 16. 20—25.

тря на эти предписанія закона, судьи подвергали подсудимаго истязаніямъ и безъ основательныхъ подозрѣній. Тщетны оставались при семъ и подтвержденія закона со стороны правительства. Это видно изъ того, что подобнаго рода подтвержденія часто повторялись (Ср. Полн. Соб. Зак. №№ 3933 и 11717).

Когда въ царствованія Елисаветы Петровны, Петра III и Екатерины II высказалось стремленіе съ теченіемъ времени уничтожить, а на первыхъ порахъ ограничить примѣненіе пытки, тогда обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ древней Россіи пыткѣ въ большинствѣ случаевъ предшествовалъ повальный обыскъ, отъ исхода котораго зависѣло все дальнѣйшее производство. Это обстоятельство побудило Екатерину II придать снова значеніе повальному обыску: Она сдѣлала это въ законѣ 21 февраля 1763 г. (П. С. З. № 11750). Этимъ закономъ предписывается оговореннаго языкомъ человѣка не пытать, но обыскивать про него большимъ повальнымъ обыскомъ. Если всѣ или большая часть оговорныхъ людей подсудимаго одобрятъ, то онъ освобождается на поруки, если же на него »въ большемъ повальномъ обыскѣ окажутся какія явныя подозрѣнія, а къ тому же онъ человѣкъ подлый«, то тогда слѣдуетъ пытать его »съ разсмотрѣніемъ во изысканіе истины«. Далѣе если подсудимый съ пытокъ не винился, то онъ отдавался на поруки. Такимъ образомъ облихованіе не имѣетъ въ разсматриваемое нами время вліянія на окончательный приговоръ: оно является преимущественно въ значеніи условія примѣненія пытки. Напротивъ того одобреніе имѣло теперь какъ и прежде непосредственнымъ слѣдствіемъ освобожденіе виновнаго, слѣдовательно являлось въ значеніи доказательства невинности.

Придавъ снова значеніе повальному обыску, законодатель поспѣшилъ обезпечить правильное производство обысковъ угрозою наказанія какъ чиновникамъ, производящимъ обыскъ, въ случаѣ злоупотребленій съ ихъ стороны, такъ и обыскнымъ людямъ, неслушающимъ чиновниковъ. Правила, сюда относящіяся, изложены въ пунктѣ 9 и 10 Сенатскаго указа 31 іюля 1766 года (П. С. З. № 12 710). Изъ нихъ видно, что если »кто изъ посланныхъ для учиненія повальнаго обыска, сочинитъ и напишетъ какъ обыскнымъ людямъ въ обыскахъ показывать, образцовыя письма«, то »такихъ, въ рангахъ состоящихъ, лишить одного чина, а неимѣющихъ рангова дворянъ, сажать подъ крѣпкій караулъ на 6 мѣсяцевъ, а прочихъ неимѣющихъ рангова, годныхъ на-

казывать на тѣлѣ, кромѣ кнута, и писать въ солдаты, а негодныхъ съ таковымъ же наказаніемъ ссылать въ дальніе города, и сверхъ того учиненные чрезъ то убытки съ нихъ взыскивать и обиженному возвратить». За оплошность и недосмотрѣніе съ виновныхъ взыскиваются учиненные чрезъ то убытки.

Обыскные люди, неслушающіе сыщика, и учинившіе ему побои, должны заплатить безчестье противъ оклада жалованья обиженнаго вдвое (П. С. З. 21022).

Когда указомъ отъ 27 сентября 1801 г. Императоръ Александръ Первый уничтожилъ пытку, то въ слѣдствіе этого ограничился и кругъ примѣненія повальныхъ обысковъ. Повальные обыски стали примѣняться послѣ уничтоженія пытки только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда нужно было собрать свѣдѣнія о поведеніи подсудимаго [165]) или же 2) когда требовалось уяснить такое обстоятельство, которое могло быть извѣстнымъ всѣмъ или же многимъ жителямъ одного и того же мѣста. Въ этихъ же случаяхъ повальный обыскъ примѣняется и въ Сводѣ законовъ (смотри книгу II тома 15, изданіе 1832 г. ст. 982). Сводъ законовъ говоритъ о повальномъ обыскѣ въ двухъ мѣстахъ, а именно въ главѣ о собраніи доказательствъ и въ главѣ о силѣ доказательствъ и уликъ. Прежде всего Сводъ законовъ различаетъ два вида повальныхъ обысковъ. Одинъ видъ, когда обыскивается ближними окольными людьми, онъ называетъ малымъ, другой же, когда допрашиваются не одни ближніе, но и дальніе окольные люди, большимъ повальнымъ обыскомъ (ст. 983).

За тѣмъ излагаются правила о лицахъ неспособныхъ участвовать въ повальныхъ обыскахъ. Они цѣликомъ заимствованы изъ 28 статьи новоуказныхъ статей. За исключеніемъ этихъ закономъ установленныхъ изъятій отъ обвиняемаго не пріемлется никакого отвода противъ обыск-

---

165) Смотр. Указъ 26 сентября 1826 г. (Второе П. С. З. № 596), а равно статью И. Лопухина, помѣщенную въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. за 1862 г. (Книга II, Смѣсь стр. 144) подъ заглавіемъ «Вопль стариннаго судьи», I. О несчастномъ жребіи крестьянина Стрѣльникова. Здѣсь видно, что крестьянинъ Стрѣльниковъ, обвинявшійся въ произношеніи хулы и ругательствъ на иконы, признанъ виновнымъ между прочимъ и потому, что онъ повальнымъ обыскомъ оглашенъ человѣкомъ поведенія распутнаго, обращающимся въ кражахъ съ людьми подозрительными, а притомъ въ обществѣ нетерпимымъ.

пыхъ людей (ст. 984). Однакожъ обвиняемому не возбраняется въ маломъ повальномъ обыскѣ представлять о недружбѣ окольныхъ людей и просить объ учиненіи большаго повальнаго обыска (ст. 988). Что касается порядка производства обыска, то въ Сводѣ законовъ мы находимъ о семъ слѣдующія постановленія: 1) обвиняемый или управляющій его дѣлами по мѣрѣ возможности не долженъ присутствовать при производствѣ обыска (ст. 987).

2) На посланнаго для учиненія повальнаго обыска возлагаются слѣдующія обязанности: *a.* обыскивать въ правду, другу не дружить, а не другу не мстить, *b.* не давать обыскнымъ людямъ образцовыхъ писемъ, *c.* увѣщевать обыскныхъ людей говорить правду (ст. 989 пун. 1, 2, 3).

3) Обыскные люди допрашиваются всегда на мѣстѣ ихъ жительства (ст. 985). Допросъ производится священникамъ и монашествующимъ по священству и по иноческому обѣщанію; а прочимъ по предварительномъ увѣщаніи, по Евангельской заповѣди (ст. 987). Слѣдователю вмѣняется въ обязанность допросить всѣхъ обыскныхъ людей порознь. За тѣмъ показанія подписываются обыскными людьми или же тѣми лицами, кому они вѣрятъ, въ присутствіи самыхъ вѣрителей. Показанія обыскныхъ людей не могутъ быть подписываемы цѣлыми семьями, а равно не могутъ быть смѣшиваемы показанія людей разныхъ званій: въ особенности воспрещается помѣщикамъ подписываться вмѣстѣ съ ихъ крѣпостными крестьянами и людьми (ст. 989 п. 4, 5). *Результатомъ повальнаго обыска считается показаніе большинства* (ст. 990). Если обличованный станетъ оспаривать показаніе большинства, говоря, что большая половина учинила ложное показаніе, а меньшая сказала правду, то изъ обѣихъ половинъ выбираются лучшіе люди, изъ ста два, а гдѣ менѣе ста, то по одному изъ каждой, и имъ производится очная ставка (991). Кромѣ того обвиняемому предоставляется право опровергать показанія обыскныхъ людей предъявленіемъ и другихъ явныхъ уликъ, а равно требовать съ ними очной ставки (992) За ложныя показанія обыскные люди подвергаются уголовному наказанію и взысканію всѣхъ причиненныхъ чрезъ то убытковъ (993).

Что же касается силы повальнаго обыска какъ доказательства на судѣ, то Сводъ Законовъ причисляетъ его къ доказательствамъ несовершеннымъ, т. е. къ такимъ, которые служатъ только подкрѣпленіемъ другихъ доказательствъ. Такимъ образомъ по Своду Законовъ обличе-

ваніе въ повальномъ обыскѣ само по себѣ не влекло осужденіе преступника. Подобный результатъ получался только при нахожденіи вещественныхъ и другихъ доказательствъ. Само по себѣ обличованіе имѣвшихъ только въ подозрѣніе.

Постановленія Свода о повальномъ обыскѣ суть не что иное какъ сопоставленіе постановленій Уложенія, новоуказныхъ статей и указовъ о производствѣ обысковъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи. Они не удовлетворяли требованіямъ новаго времени, а потому, какъ справедливо замѣчено въ разсужденіяхъ на Судебные Уставы 1864, опубликованныхъ Государственной Канцеляріей (Изданіе второе, часть II, стр. 171), повальный обыскъ, имѣвшій въ свое время значеніе и цѣль, сдѣлался съ теченіемъ времени одною формальностью, затрудняющею производство, и не рѣдко болѣе вредною, нежели полезною.

Главнымъ недостаткомъ положеній Свода о повальномъ обыскѣ является запрещеніе отводить обыскныхъ людей за исключеніемъ лицъ, силою самаго закона устраняемыхъ отъ участія въ обыскахъ. Далѣе постановленія эти страдали отсутствіемъ твердыхъ правилъ о допросѣ обыскныхъ людей слѣдователемъ, въ слѣдствіе чего обыскныя показанія отличались крайнею неопредѣленностью.

Въ законодательствѣ начала истекшаго десятилѣтія проявляется стремленіе улучшить эти недостатки. Такъ въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ 8 іюня 1860 г. предписано, чтобы при распросахъ о поведеніи не ограничиваться неопредѣленными и неточными отвѣтами, а стараться получить подробныя и ясныя свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подозрѣваемаго въ преступленіи (ст. 106 п. 4, наказа 1860 г., прил. къ ст. 2. Т XV, книги 2 по продол. 1863 г.).

А между тѣмъ приближалась судебная реформа.

При обсужденіи преобразованій возникъ вопросъ: какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда для разъясненія дѣла окажется необходимымъ имѣть свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго, и слѣдуетъ-ли собирать эти свѣдѣнія посредствомъ обыкновенныхъ свидѣтельскихъ показаній, или посредствомъ предназначеннаго для того въ Сводѣ 1857 года повальнаго обыска (Суд. Устав. Изданіе Госуд. канц. стр. 169). Сперва было высказано предположеніе, повальный обыскъ, обратившійся въ одну формальность, не переносить въ новый уставъ судопроизводства. Предложеніе это не было принято по весьма уважительнымъ причинамъ. При этомъ имѣлось въ виду, что повальный обыскъ

можетъ имѣть важное значеніе: *a.* при преданіи суду; такъ напр., когда доказательства, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ, до того сомнительны, что рождается вопросъ, предать-ли обвиняемаго суду, то повальный обыскъ, болѣе или менѣе опредѣляющій личность обвиняемаго, съ успѣхомъ можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при разрѣшеніи этого вопроса; *b.* при опредѣленіи большей или меньшей вѣроятности какъ оправдательныхъ такъ и обвинительныхъ уликъ. Здѣсь свѣдѣнія эти не могутъ не имѣть значенія, не потому, какъ справедливо замѣчено въ вышеупомянутыхъ »разсужденіяхъ«, что подозрѣваемый былъ прежде хорошаго или дурнаго поведенія, но потому что его занятія, связи и образъ жизни, или подходятъ или вовсе не подходятъ къ обстоятельствамъ выставляемымъ обвиненіемъ или защитою. *c.* При опредѣленіи степени вины подсудимаго и соотвѣтствующаго ей наказанія. Очевидно, что здѣсь нельзя обойтись безъ соображенія преступнаго факта, за который судится обвиняемый, съ его прошедшею жизнію.

Далѣе въ разсужденіяхъ замѣчается, что конечно свѣдѣнія о личности подсудимаго можно почерпать и изъ свидѣтельскихъ показаній, безусловной невозможности въ этомъ нѣтъ, но есть столь важное неудобство, что оно почти равносильно невозможности. Обязанность личной явки въ судъ, лежащая на свидѣтеляхъ, столь тягостна вообще и столь обременительна въ особенности въ Россіи, что число вызываемыхъ въ судъ должно быть по необходимости самое ограниченное, а именно въ судъ должны быть требуемы только лица, могущія сообщить свѣдѣнія, которыя относятся прямо къ существу разсматриваемаго преступленія.

Вотъ тѣ причины, по которымъ предложеніе не переносить повальный обыскъ въ новый уставъ судопроизводства не было принято. Нельзя не согласиться, что онѣ могутъ выдержать самую острую критику.

Впрочемъ, собственно говоря, въ Уставъ уголовнаго судопроизводства не перенесенъ повальный обыскъ въ точномъ значеніи этого слова: въ этомъ законѣ мы встрѣчаемся только съ учрежденіемъ схожимъ съ повальнымъ обыскомъ: съ дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей. Въ этотъ институтъ превратился повальный обыскъ въ слѣдствіе примѣненія жребія къ избранію окольныхъ людей, долженствующихъ дать показаніе. На сколько это учрежденіе болѣе соотвѣтствуетъ ос-

новнымъ принципамъ уголовнаго процесса чѣмъ повальный обыскъ, который могъ-бы быть вполнѣ преобразованъ посредствомъ введенія въ широкихъ размѣрахъ права отвода и точныхъ правилъ допроса, покажетъ время. Теперь упомянемъ только, что противъ принятія жребія высказано было своевременно замѣчаніе, не лишенное основанія (См. Суд. Уставы, изданные Государственной канцеляріей. Часть II. Изданіе второе, стр. 172 и 173); а именно, что избраніе окольныхъ людей по жребію уничтожитъ во многихъ случаяхъ самую возможность дознанія, потому что такимъ образомъ могутъ быть устранены именно тѣ лица, которыя имѣютъ требуемыя свѣдѣнія. Правила о производствѣ дознанія посредствомъ окольныхъ людей изложены въ ст. 454—466 (включительно) Устава уголовнаго судопроизводства. Дознаніе производится *a.* по усмотрѣнію самаго слѣдователя, когда окажется необходимымъ собрать свѣдѣнія о занятіяхъ связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго и *b.* когда самъ обвиняемый по этимъ предметамъ сошлется на мѣстныхъ жителей. Стороны извѣщаются о времени и мѣстѣ производства дознанія. Содержащійся подъ стражею подсудимый, въ случаѣ изъявленія съ его стороны желанія, препровождается на мѣсто дознанія. По прибытіи на мѣсто дознанія составляется списокъ домохозяевъ и старшихъ въ семействахъ лицъ, жившихъ въ одномъ околодкѣ съ обвиняемымъ. Въ списокъ не вносятся *a.* состоящіе съ обвиняемымъ и съ потерпѣвшимъ отъ преступленія въ первыхъ четырехъ степеняхъ родства или первыхъ двухъ степеняхъ свойства, *b.* находящіеся въ отлучкѣ, тяжкіе больные и вообще всѣ тѣ, коихъ по другимъ непреодолимымъ препятствіямъ нельзя призвать къ свидѣтельству. За тѣмъ списокъ предъявляется находящимся на-лицо сторонамъ для указанія на неправильности при составленіи и способы улучшенія. Далѣе списокъ утверждается и изъ поименованныхъ въ немъ лицъ избираются по жребію 12 человѣкъ, если же въ спискѣ находится всего не болѣе 12 человѣкъ, то избирается изъ него по жребію всего шесть человѣкъ. Двухъ избранныхъ по жребію обыскныхъ людей стороны могутъ отвести *безъ указанія причинъ.* Вообще же отводъ допускается на основаніи всѣхъ тѣхъ причинъ, по которымъ отводятся свидѣтели. Отведенныя лица замѣняются другими по жребію, при чемъ въ окончательномъ спискѣ не должно оставаться менѣе шести человѣкъ. Допрашиваются окольные люди подъ присягою, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, установленныхъ для свидѣтелей.

Таковы послѣдніе остатки учрежденія повальнаго обыска въ нашемъ законодательствѣ.

Результаты нашего изслѣдованія о повальномъ обыскѣ новѣйшаго времени могутъ быть сведены слѣдующимъ образомъ:

1) *Общіе повальные обыски мало-по-малу изчезаютъ къ концу первой четверти прошлаго столѣтія. Обязанность доносить о ворахъ и разбойникахъ возлагается на помѣщиковъ и ихъ управителей.*

2) *Спеціальные повальные обыски вытѣсняются системою судебныхъ доказательствъ, принятою Петромъ Великимъ въ краткомъ изображеніи процессовъ.*

3) *Повальный обыскъ пріобрѣтаетъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія новое значеніе. Онъ употребляется Верховною Властію какъ средство ограниченія примѣненія пытки.*

4) *Послѣ уничтоженія пытки повальный обыскъ начинаетъ примѣняться только въ тѣхъ случаяхъ, когда для уясненія дѣла необходимо собрать свѣдѣнія о поведеніи подсудимаго. Таковъ же характеръ повальнаго обыска и въ Сводѣ законовъ.*

5) *Въ новомъ Уставѣ уголовнаго судопроизводства мы встрѣчаемся съ такъ называемымъ дознаніемъ посредствомъ окольныхъ людей, учрежденіемъ, возникшимъ въ слѣдствіе примѣненія жребія къ избранію обыскныхъ людей.*

Такова въ главныхъ чертахъ исторія повальнаго обыска. Мы будемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными если, въ трудѣ нашемъ вѣрно изложенъ процессъ развитія повальнаго обыска и вѣрно схвачены какъ законы, по которымъ это развитіе совершалось, такъ и причины, вызвавшія различныя явленія, подлежавшія нашему разсмотрѣнію.

2007050426